Георгий

Данелия

Кот ушел, а улыбка осталась

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Георгий Данелия постановщик таких, как теперь говорят, «культовых», фильмов, как «Сережа», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Не горюй», «Мимино», «Афоня», «Осенний марафон», ««Кин-дза-дза» — всех не перечислить, написал третью книгу — продолжение книг «Безбилетный пассажир» и «Тостуемый пьет до дна» — в которой продолжает повествование о фильмах «Паспорт», «Настя», «Орел и решка», «Фортуна».

Он рассказывает нам маленькие истории-воспоминания, то очень смешные, то с тенью грусти, — так похожие на его фильмы.

-
- ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
- БРОНЯ КРЕПКА
- ОТМЕЧАНИЕ ОКОНЧАНИЯ
- ДВА ГРУЗИНА С УМНЫМИ ГЛАЗАМИ
- ГРАНИЦА
- В КРАСНОЙ РУБАШОНОЧКЕ
- СУТОЧНЫЕ ПУСТЬ ЕВРЕИ ДАЮТ!
- «ФИЛИП МОРРИС»
- ИЗРАИЛЬ
- ВОР СКАЗАЛ: ВАЙ! ВАЙ!
- ВОДА ИЗ ИОРДАНА
- НЕ УГОДИЛИ!
- МУЖИЧОК В МАТЕРЧАТЫХ ТАПОЧКАХ
- МРАВАЛЖАМИЕР
- КОСТЯ
- НЕ КУРИТЬ!
- ХУИЗХУ
- ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ
- ГРИМАСЫ КАПИТАЛИЗМА
- МАЛЕНЬКИЙ УЗБЕК
- НЕ КАРУЗО!
- ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ!
- ТЫ МНЕ — Я ТЕБЕ
- АДЬЮ, МЕСЬЕ!
- ГРЕК МАНОЛИС
- БИСТРО ДЛЯ ТАКСИСТОВ
- ADIDAS
- БОРЯ ЧИЖ
- ПОГРАНИЧНИК, НЕ СТРЕЛЯЙ, БРАТ
- ИСПОЛНИТЕЛИ

- РАЙОННЫЕ ФИЛАТЕЛИСТЫ
- ДАНЕЛИЯ МЕРДО!
- СЪЕМКИ В ИЗРАИЛЕ
- ЕВРЕЙСКАЯ ЦЕНЗУРА
- ХОЗЯИН ВЕРБЛЮДА
- ЗУБ ВЕРБЛЮДА
- ИЗРАИЛЬТЯНЕ
- БОМЖПАКЕТЫ
- ОЗВУЧАНИЕ — ДУБЛЯЖ
- ФРАНЦУЗСКИЙ ВАРИАНТ
- ЧЕРНУЮ ИКРУ — ЛОЖКАМИ!
- НАРОДНОГО АРТИСТА СССР — В УРНУ!
- ПАНТАЛОНЫ
- ЛАМПОЧКИ
- ЗОЛОТОЙ ДЮК
- СТАЛИН НА НЕБЕ
- В СМУТНОЕ ВРЕМЯ
- БЕГЕМОТ ГОДА
- НАСТЯ
- ПРИДУМАЛИ
- ПРЕЗЕНТАЦИЯ
- ПУТЧ
- ОРДЕН
- ДВЕ НАСТИ
- ВИЖУ, НЕ СЛЕПОЙ
- НОРБЕРТ
- МАРИНА НЕЕЛОВА
- АНДРЕЙ ПЕТРОВ
- СПОНСОРЫ
- ДОЧКА
- ДЕФИЦИТ
- РЕКОМЕНДАЦИЯ
- СТАРУХА — ВОР В ЗАКОНЕ
- У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОИ ГЕРОИ
- АРЧИЛ
- НЕ БЫЛО БЫ ХУЖЕ
- ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА
- А МНЕ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ
- «КИНОТАВР»
- СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ
- «АМАРКОРД»
- ЛЮДИ АПЛОДИРОВАЛИ
- ПОХОРОНЫ ФЕЛЛИНИ
- МАСТЕР И МАРГАРИТА

- ОРЕЛ И РЕШКА
- РУСЛАН
- «ЧАРА-БАНК»
- НЕ БРИЛЛИАНТЫ ПОКУПАЛИ
- КАЛЬСОНЫ НЕ НУЖНЫ
- УЛОЖИЛИСЬ!
- ПУГОВИЦА
- ПРОШУ ЭТОТ ФИЛЬМ НЕ СМОТРЕТЬ
- ВНУК ПАВЛИКА МОРОЗОВА
- КАРНИЗ ДЫШИТ
- СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!
- СТАЛИН Я, ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!
- НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ
- СЕКРЕТ МОРГУНОВА
- ГРУСТНЫЙ КЛОУН
- СОЛЬ ЗЕМЛИ
- СЦЕНАРИЙ БЫЛ НАМНОГО ЛУЧШЕ
- БУБА, ПОМОГИ!
- ФОРТУНА
- СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ
- ФОМА
- БАНОЧКА СМЕТАНЫ
- ИСПОЛНИТЕЛИ
- КАНДИДАТЫ В ГУБЕНАТОРЫ
- ВЕРНЕТСЯ, НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ
- БАРЖА ТОНЕТ
- БЛОНДИНУ ДАЙ СЧЕТ!
- БЕЛЫЙ КОНЬ
- КОМПРОМАТ
- «ШАТИЛЬОН»
- МУЗЫКА
- ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА
- ДРУЗЬЯ
- ЮРА
- ДУХИН САД
- НЕ ТВОЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО!
- ЭПИЗОДЫ, КОТОРЫЕ НЕ ВОШЛИ В ТЕ КНИГИ
- СЛИВКИ
- БРАТУШКИ
- ОЧИ ЧЕРНЫЕ
- ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ
- «КУ! КИН-ДЗА-ДЗА»
- МУСОРНЫЙ ЯЩИК ПАМЯТИ
- notes

○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5

— А не могли бы вы появляться и исчезать не так внезапно? А то у меня голова идет кругом.

— Хорошо, — сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно: первым исчез кончик его хвоста, а последней — улыбка; она долго еще парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

«Ну и ну! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала!»

Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

ПРИЗНАНИЕ. Первую книгу, «Безбилетный пассажир», мне помогала написать Татьяна Кравченко (писательница). Вторую, «Тостуемый пьет до дна», и третью «Кот ушел, а улыбка осталась», — Елена Машкова-Сулакадзе (моя ученица, кинорежиссер).

Я им очень благодарен за это!

Эту книгу я посвящаю другу Моему Юрию Росту

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Город Нью-Йорк. Утро после банкета. В кармане ни цента.

Пошел гулять. Навстречу мужик. Когда поравнялись, мужик спросил:

— Мистер, ай эм алкоголик. Кен ю хэлп ми?

— Икскюз ми, сэр, ай эм алкоголик ту, — ответил я.

БРОНЯ КРЕПКА

2012 год, февраль. Сидим в мастерской: Эдик Беляев (режиссер), Саша Храмцов (художник), Слава Бойков (монтажер) и я. Работаем над раскадровкой эпизода «Бункер Пж», анимационного фильма «Ку! Кин-дза-дза». Вошел мужчина. Высокий. Солидный. С осанкой военного. В темном драповом пальто с каракулевым воротником, в каракулевой шапке пирожком. В руке портфель, в другой небольшой фиолетовый потертый чемоданчик. Гость опустил тяжелый портфель на пол, чемоданчик положил на стол.

Снял пальто, шапку, повесил на вешалку. Одернул пиджак.

— Разрешите представиться. Чурин, Александр Петрович, журнал «Броня», я вам звонил.

— Слушаю вас.

— Минуту терпения. Сейчас приступим.

Чурин открыл чемоданчик, это оказался патефон. Достал из портфеля пластинку в футляре, поставил ее на диск патефона. Пустой футляр от пластинки с названием «Военные марши» прислонил к компьютеру. Вставил в паз ручку, завел патефон. Проверил иголку, поставил мембрану на пластинку. Зазвучал марш «Броня крепка и танки наши быстры». Чурин достал из портфеля иконку Божией Матери, поставил на полку за мной. Вынул из портфеля бронзовый подсвечник и свечку. Подсвечник поставил на стол. Свечку вставил в подсвечник. Щелкнул зажигалкой. Извлек из портфеля толстую книгу с названием «История духовых инструментов» и фотографию генерал-майора в золоченой рамке. Их он тоже приспособил на полку. Вынул из портфеля фотоаппарат «Зенит». Отошел к стенке, нацелил фотоаппарат на меня.

— Георгий Николаевич, руки на колени положите. Чуть прямее сядьте. Смотрите в объектив. Так, хорошо. Молодой человек, держи, — он протянул фотоаппарат Эдику Беляеву. — Встань на мое место, сюда смотришь, сюда нажимаешь, больше ничего не трогаешь.

Чурин встал рядом со мной, положил руку мне на плечо, как это делали наши предки на старых фотографиях.

— Готов?

— Готов.

— Все вошло?

— Все.

— Улыбаемся. Снимай. Эдик щелкнул.

— Порядок?

— Порядок.

— Генерала я не перекрывал?

— Какого генерала?

— Прокофьева, Андрея Варфоломеевича, — показал на фотографию в рамке.

— Плечом, чуть-чуть.

— Отставить! Сделаем так. — Чурин взял фотографию генерала и дал мне в руки, — держите, Георгий Николаевич. Прямо перед собой. Чуть-чуть повыше. Хорош. Улыбаемся. Снимаем.

— Вы книгу перекрываете.

— Хрен с ней, с книгой! Ты не отвлекайся, фотографируй!

Потом Чурин попросил Эдика щелкнуть меня одного с фотографией в руках. Потом сам сел на мое место, но фотографию в руки не взял, а поставил рядом с иконой на полку. Потом попросил сфотографировать только генерала с иконой. Потом остановил патефон, пластинку вложил в футляр, отложил в сторону, затушил свечи, аккуратно собрал все в портфель. А пластинку «Военные марши» вручил мне:

— Прочитайте, что тут написано.

Я прочитал: «Создателю фильма "Я шагаю по Москве", режиссеру Георгию Данелия на добрую память. С искренним уважением и наилучшими пожеланиями, от коллектива журнала «Броня», ко Дню метростроевца».

Чурин оделся, обещал прислать журнал с фотографиями, пожал мне руку (его рукопожатие было крепким), забрал портфель, патефон и удалился.

— Коллеги, — обратился я к соратникам, — вы это тоже видели или у меня галлюцинации?

— Тоже видели.

— Запомнили?

— Запомнили.

— Если я когда-нибудь это опишу, подтвердите, что все так и было?

— Подтвердим. А вы будете писать третью книгу?

— Если этот фильм закончим когда-нибудь.

Между прочим. Над фильмом «Ку! Кин-дза-дза» мы работали семь лет. Фильм шел очень трудно.

ОТМЕЧАНИЕ ОКОНЧАНИЯ

Фильм вчера закончили и отметили это. Сегодня проснулся, голова не болит, не тошнит. Обидно. Когда снимаешь фильм, как будто бежишь стометровку. Не хватает времени, каждая секунда дорога: придумать, решить, сделать. Иногда работа в три смены. Перезапись, озвучание, монтаж. Когда фильм закончен, просыпаешься — как будто с разбега в стену врезался. Пустота! Не о чем думать.

До 86 года смягчало удар отмечание окончания.

После банкета просыпаешься утром, голова болит, тошнит, решаешь, что лучше: принять пирамидон (лекарство от головной боли) или пойти выпить пиво? Есть о чем думать.

А в 86 году я бросил пить (закодировался), и «Ку! Кин-дза-дза» — пятый фильм, после «отмечания-окончания» которого просыпаться не хочется. Просыпаешься, голова ясная, состояние рабочее, вскакиваешь, чтобы принять душ и привести себя в порядок. А зачем?!

«Голова моя пуста, как пустынные места,

я куда-то улетаю, словно дерево с листа…»

Геннадий Шпаликов

После фильма «Фортуна» меня спасало то, что я писал книги «Безбилетный пассажир» и «Тостуемый пьет до дна». И сейчас зачем изобретать велосипед? Надо заставить себя написать еще одну книгу. Но о чем в ней рассказывать? Все интересное я уже написал. А записки старика, который бросил пить, курить и любить, читать весьма скучно. Хотя так же я думал перед тем, как принялся писать книгу «Тостуемый пьет до дна». И тогда я тоже боялся, что она будет намного хуже первой и что мои друзья, когда прочтут ее, скажут: «Надо было ему вовремя остановиться. Жалко старика». Но вторая как-то проскочила. Может, и эта проскочит? Что ж, попробуем.

Для тех, кто не читал те две книги, расскажу коротко, что в них было.

Родился я в Тбилиси. Через год меня привезли в Москву, где и живу по сей день. Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. «Почему во ВГИК?» — удивилась мама. «А куда его девать, такого дурака», — объяснил отец. Во

ВГИК я не пошел. Окончил Архитектурный, потом режиссерские курсы при «Мосфильме», стал кинорежиссером и с мокрой задницей и вставными зубами в кармане ездил на лимузине с советским флагом получать чужого «Оскара». Если не читали, то ничего и не потеряли. Эту тоже можно не читать, хотя… тогда вы никогда не узнаете, при каких обстоятельствах первый президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев увидел меня без штанов.

Итак, в тех двух книгах я рассказал, как снимал двенадцать фильмов: «Тоже люди», «Сережа», «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «33», «Не горюй!», «Совсем пропащий», «Афоня», «Мимино», «Осенний марафон», «Слезы капали», «Кин-дза-дза!». Осталось пять: «Паспорт», «Настя», «Орел и решка», «Фортуна», «Ку! Кин-дза-дза».

Итак, идем по порядку.

ДВА ГРУЗИНА С УМНЫМИ ГЛАЗАМИ *(Фрагмент киносценария)*

Коридор венского аэропорта (день).

По длинному коридору среди прочих пассажиров идут два невысоких немолодых симпатичных грузина с умными глазами. Они катят перед собой багаж на тележке.

Терминал компании «Эль Аль» (день).

Симпатичные грузины входят в терминал и останавливаются.

Тревожные лица симпатичных грузин.

По периметру терминала стоят полицейские с собаками.

На балконе выстроились автоматчики.

В зале сотрудники спецслужб (в штатском) и австрийские таможенники (в форме) внимательно досматривают пассажиров, проверяют металлоискателем, открывают чемоданы.

Симпатичные грузины бесстрашно входят в зал, подходят к таможеннику. Первым предъявляет свой багаж на досмотр лысый грузин. (Большой чемодан и маленький.)

Таможенник неловко открывает маленький чемоданчик, и из чемоданчика на пол с грохотом летят картонные брикеты.

Пассажиры быстро ложатся на пол и прикрывают головы руками.

Автоматчики на балконе вскидывают автоматы.

Симпатичный лысый грузин, мгновенно подняв руки вверх, истошно кричит приятным голосом.

Лысый грузин:

— Не стреляйте, господа! Итс нот бомбе! Нелысый грузин без усов тоже мгновенно поднимает руки.

Нелысый грузин (тоже приятным голосом):

— Джентльмен-с! Ви а нот террорист. Ви а гудсценарист!

К симпатичным грузинам подходит полицейский с умной собакой.

Умная собака обнюхивает сигареты и говорит полицейскому приятным бархатистым баритоном.

Умная собака (немецкий):

— Ложная тревога, лейтенант. Это табак, плохой — опилки и всякая дрянь.

Умная собака переводит свои коричневые глаза на симпатичного лысого грузина и говорит на русском, с легким акцентом:

— Ты бы лучше бросил курить, а не пить, хер Данелия. И не обижайся, дорогой, «хер» по-немецки — господин, а не то, что ты

думаешь.

Нелысый грузин (тихо):

— Нет уж. Пусть лучше курит…

В 86 году мы с Резо Габриадзе летели в Израиль изучать материал и писать сценарий для фильма «Паспорт». На месяц я вез с собой 60 пачек сигарет «Аполлон».

ГРАНИЦА

В конце семидесятых я летел в Италию через Вену. В «Шереметьево 2» передо мной проходила паспортный контроль семья, уезжающая в Израиль: муж, жена, дети (две девочки и мальчик) и старик лет восьмидесяти. Все прошли. Протянул свой выездной документ (серую бумажку с фотографией) в окошко и старик. Пограничник начал внимательно ее изучать: смотрит на бумагу, потом на старика, опять на бумагу и снова на старика. И так минут пять. Потом снял телефонную трубку, что-то сказал тихо. Старик побелел, начал шарить по карманам, достал дрожащей рукой валидол.

— Проходите, — пограничник поставил штамп и возвратил старику его документ.

В самолете я оказался рядом с ним. Старик сказал:

— Я фронтовик, до Кенигсберга дошел, но так страшно мне никогда не было. Я подумал: а вдруг он меня не пустит! Конец! Квартиру сдали государству, с работы уволили, паспорта нет. Родных больше не увижу! Никогда!

Тогда для тех, кто решил уехать в Израиль и пересек границу, дороги назад не было. Туда уезжали навсегда!

Много позже мы с Резо Габриадзе придумали такую историю.

Грузин был женат два раза. Первая жена была еврейка (она скончалась), а вторая — грузинка. От первой родился сын Яша, от второй Мераб. Яша уезжает с семьей в Израиль. Мераб его провожает. В Москве в аэропорте Мераб захотел выпить с братом на прощание по бокалу шампанского. В буфете с нашей стороны алкогольных напитков не было (антиалкогольная кампания), а за паспортным контролем было все — там заграница. Мераб по выездному документу брата (они очень похожи) прошел паспортный контроль (пересек границу), купил бутылку шампанского, но обратно его не пустили. И он вынужден лететь в Вену и там обратиться в советское посольство. А дальше его бесконечные мытарства по разным странам. И тюремные фотографии — фас и профиль.

Действие предыдущего фильма «Кин-дза-дза!» происходило на далекой планете Плюк. Слетать на этот Плюк нам не довелось, но, поскольку и другие там не бывали, мы могли придумывать и показывать все, что в голову придет. Израиль в то время для нас был такой же далекой планетой, как Плюк. Мы о нем мало что знали. Но теперь давать волю фантазии было сложнее: нас могли уличить. И для того, чтобы написать сценарий, надо было побывать в Израиле. Посмотреть, что там и как.

В КРАСНОЙ РУБАШОНОЧКЕ

Дипломатических отношений с этой страной у СССР не было, и командировать нас туда никто, кроме Общества дружбы с зарубежными странами, не мог. Председателем этого общества была первая женщина-космонавт, очаровательная Валентина Ивановна Терешкова. Мне посоветовали обратиться к ней. Встретила она меня приветливо и сказала, что ближайшая делегация в Израиль планируется только в следующем году. Но в конце лета в Иерусалим поедет на гастроли Омский хор, и она может устроить, чтобы и я поехал вместе с ним. Запишут как солистов, но суточные платить не смогут. Коллектив хороший, девчата не дадут с голода умереть. Ну и с собой можно консервы взять.

И я представил такую картинку. Иерусалим, на сцене концертного зала Омский хор. Статные, кровь с молоком, сибирячки исполняют песню «Степь да степь кругом…». Среди них — маленький лысый грузин, в шелковой красной рубашонке и желтых хромовых сапожках, старательно открывает рот. А сидящий в зале бывший ведущий советский кинокритик говорит бывшему советскому сценаристу:

— Вон тот маленький, зелененький — это переодетый кинорежиссер Георгий Данелия.

— Вижу. Ну что ж, теперь и ежу ясно, кто он и почему его так часто на фестивали посылают, — говорит бывший советский сценарист.

Между прочим. В Канаде на следующий день после показа фильма «Мимино» ко мне в гостиницу пришла журналистка. Она расспрашивала меня о кино и литературе, архитектуре и живописи, о любви и судьбе человечества. (Она говорила по-русски с приятным акцентом.) Ей нравилось, как я отвечал, она смеялась над моими шутками. Меня трудно разговорить, но у нее, молодой и привлекательной, получилось.

А на следующий день в газете, на последней странице, появилась моя маленькая фотография, под которой было написано: «…ни по одежде, ни по манере поведения советский режиссер Георгий Данелия не похож на агента КГБ, каким он на самом деле является…»

СУТОЧНЫЕ ПУСТЬ ЕВРЕИ ДАЮТ!

Но стать солистом Омского хора мне не довелось. Кинорежиссер Андрей Кончаловский в Москве познакомил меня с крупным американским продюсером Менахемом Голаном. Менахема сюжет заинтересовал, и он предложил писать сценарий в Израиле. Я позвонил в Тбилиси Резо Габриадзе и уговорил его поехать со мной на месяц в Израиль и там написать синопсис.

— Но только на месяц, не больше. У меня театр, — предупредил Резо.

Менахем улетел, а через неделю пришло приглашение на Данелия и Габриадзе и два билета первого класса в Тель-Авив.

В то время уже началась горбачевская перестройка. Коснулась она и кино. В мае 1986 года в Кремле прошел Пятый съезд кинематографистов, революционный. Впервые за всю историю Советского Союза делегаты съезда отказались голосовать за список, одобренный в ЦК КПСС. Они потребовали, чтобы каждого кандидата в члены Правления обсудили индивидуально, а голосование было бы не открытым (списком), а тайным. И добились своего. А потом, когда подсчитали бюллетени, оказалось, что никто из признанных кинематографистов в это правление не попал. А я попал в правление, хотя считался признанным. Почему, не знаю. Скорей всего, про меня забыли. (Моего друга, в то время самого известного в мире советского кинематографиста Сергея Бондарчука, не выбрали даже делегатом этого съезда.)

После съезда выпустили на экран лежащие на полке запрещенные фильмы. Заменили министра кинематографии, первого секретаря Союза кинематографистов, директора «Мосфильма» и многих других. И когда мы с Резо появились в Госкино с приглашением и билетами, там никто не знал, кто останется, а кого заменят. И нам сказали:

— Летите куда хотите. Перестройка!

— А переводчик, а суточные?

— Нет у нас денег! Переводчика и суточные пусть вам евреи дают, раз уж они такие богатые.

«ФИЛИП МОРРИС»

Перед отъездом в Израиль я был у Сергея Бондарчука.

— Сколько просить за сценарий? — спросил я его.

— Проси сто тысяч долларов.

— Долларов?!

— Долларов. Подожди. — Сергей достал из ящика коробку. — Это у тебя какие часы? — спросил он.

— «Полет». Подарок любимой женщины. Сергей открыл коробку, извлек из нее часы с массивным золотым браслетом.

— На переговоры эти надень.

— Зачем?

— Там все имеет значение, на какой машине приехал, что на тебе надето, какие у тебя часы. Это — «Патёк Филипп» (Patek Philippe), мне Юл Бриннер подарил. Приедешь, вернешь.

Дома я начал считать: «Доллар на черном рынке десять рублей. 100 тысяч долларов — это миллион рублей! По 500 тысяч на брата? «Волгу» куплю, с рук 15 тысяч. 500 минус 15 — остается 485. Дачу куплю! Это 485 минус 20 — остается 465. Да…»

Я взял бумагу, карандаш, начал распределять — семье, родным, друзьям, соратникам. Запутался. Ладно, пусть сначала заплатят, потом уж как-нибудь разберемся…

В самолете, когда летели в Тель-Авив, я показал Резо бондарчуковские часы и объяснил их назначение.

— А сколько там платят, ты у него не спросил? — поинтересовался Резо.

— Спросил. Он сказал, что с этими часами нам дадут 100 тысяч долларов.

— Долларов?!

— Долларов.

Резо подумал и сказал:

— «Волгу» куплю!

— 15 тысяч. 500 минус 15. Остается 485 тысяч.

— Дачу куплю!

— 20 тысяч. Остается 465 тысяч. Пауза.

— Дубленки куплю, болгарские, Крошке и Левану! (Жене и сыну.)

— Еще тысяча. Остается 475.

— Ладно! Давай лучше про сценарий будем говорить.

Между прочим. В те времена пределом самых смелых мечтаний граждан Советского Союза были машина «Волга», дача и болгарская дубленка.

В Израиль мы летели через Вену. В венском аэропорту был эпизод с сигаретами, о котором я рассказал в эпизоде про умную собаку с приятным бархатным баритоном. В Тель-Авив прилетели в пять утра, приземлились в аэропорту Бен-Гурион. (В целях безопасности самолет летел ночью.) Когда на паспортном контроле мы предъявили советские паспорта, пограничники долго выясняли, что это такое: служебные советские паспорта с синей обложкой были для них в диковину. В аэропорту нас встречали Саша Кляйн (от фирмы Голана), Михо Мирианашвили и Морис Джанашвили (от грузинских евреев). Михо и Морис потом уделили нам много внимания. Когда вышли из здания аэропорта, там стояли встречающие. У них были такие теплые глаза, они так искренне радовались, когда видели своего, что мне это напомнило Тбилиси. И я подумал: «Израиль мне понравится». Так оно и случилось.

Саша Кляйн привез нас в гостиницу «Хилтон», вручил ключи от номеров и сказал, что через час здесь, на втором этаже, будет пресс-конференция.

— Через час восемь утра. Никто не придет.

— Прибегут! Ваш приезд — сенсация!

Через час, когда мы вошли в небольшой зал, там действительно было полно журналистов. Представители всех СМИ, аккредитованных в Израиле. Саша Кляйн нас представил. Первый вопрос был такой:

— Господа, означает ваш приезд, что Советский Союз собирается налаживать дипломатические отношения с Израилем?

— Нет, наш приезд ничего не означает. Мы приехали по приглашению продюсера Менахема Голана писать сценарий, — сказал я.

Пауза. Журналисты явно потеряли к нам интерес.

— А это будет коопродакшн? — спросил по-русски пожилой корреспондент газеты «Алим».

— Возможно. Пока не знаем.

— А кто оплачивает сценарий?

— Менахем Голан.

— А почему вы приехали без кагэбэшника? — не унимался пожилой корреспондент. — Всем известно, что в каждой советской делегации должен быть кагэбэшник, хотя бы один.

— Ну, значит, кто-то из нас двоих кагэбэшник. Или я, или он. Выбирайте, — предложил я.

Журналисты засмеялись и почему-то зааплодировали.

Между прочим. Когда моего друга Евгения Максимовича

Примакова назначили директором Федеральной службы разведки, внутренний голос сказал мне: «Гия! Вы с Примаковым друзья — сто лет! Много должностей за это время поменял твой друг, а ты ни с какими просьбами к нему ни разу не обращался! Настала пора! Проси!»

Я пошел к Жене и сказал:

— Женя, я еду на фестиваль в Канны. Дай мне какое-нибудь задание!

— Какое?

— Ну, хотя бы горшок с цветком в гостинице на подоконнике переставить или на набережной Круазет жвачкой приклеить к скамейке снизу записку. Ну, и ваши суточные, и на непредвиденные расходы: такси, пресса, чаевые. А то в Госкино всего 3 доллара в сутки дают.

Евгений Максимович ответил:

— Георгий Николаевич, когда нам понадобится передвинуть в гостинице горшок на подоконнике или жвачкой приклеить к скамейке снизу записку, мы обратимся к тебе. Только к тебе и ни к кому больше.

Даю слово. А пока тренируйся, — он достал из ящика пачку жевательной резинки и протянул мне.

Ну, а потом его оттуда перевели на другое место работы (назначили премьер-министром), а я так и остался неохваченным…

Так что канадская журналистка ошибалась. Не был я агентом КГБ. К сожалению…

С Евгением Примаковым

После пресс-конференции я позвал Резо к себе в номер, завел в ванную, пустил воду и сказал шепотом:

— Там микрофоны. Давай договоримся, если спросят, а

сколько у нас платят за сценарий, скажем, что это конфиденциальная информация. Иначе, если мы скажем, что у нас платят 600 долларов, они так и заплатят.

— Почему 600? — спросил Резо.

— Потому что за сценарий платят 6 тысяч. Делим на десять, получается 600.

(Безопасному обмену информацией в ванной под шум воды меня научили в Лос-Анджелесе. Расскажу об этом позже.)

Саша Кляйн ждал нас в машине у подъезда гостиницы. Когда сели и поехали, Резо вспомнил:

— Гия, а где наши бондарчуковские часы?!

— Тьфу! Склероз! В номере, в сейфе.

Когда приехали в гостиницу, я сразу положил часы в сейф.

— Давай вернемся! — сказал Резо.

— Плохая примета! — Саше Кляйну не хотелось разворачиваться (он был за рулем).

— Ничего, в зеркало посмотрюсь, — сказал я. — Возвращайся!

Приехали на киностудию. Менахема Голана в то время в Израиле не было: он продюсировал фильм в Венгрии. Нас принял директор студии Ицек Колл. Он угостил нас кофе и поинтересовался, кого мы планируем на главного героя.

— Вахтанга Кикабидзе.

— Русский актер?

— Грузинский.

— Менахем вряд ли согласится на грузинского актера.

— Это принципиально, — я поднял руку, посмотрел на часы и спросил:

— Извините, который час по местному времени? Ицек сказал. Я перевел стрелки.

— Гия, у тебя опять новые часы? А это какая фирма? — спросил Резо (об этом вопросе мы договорились заранее).

— На сей раз «Филип Моррис» (Philip Morris), — сказал я.

— А что, они и часы уже выпускают? — удивился Ицек Колл («Филип Моррис» — марка американских сигарет).

— Да, — не без гордости сказал я. И понял, самое время спросить:

— Господин Колл, а сколько вы нам заплатите за сценарий?

— Менахем планирует, что сценарий и постановку вам оплатит «Мосфильм», — сказал Ицек.

Пауза. Ангелы в небе запели «Чито-грито» скорбными голосами.

— А сколько платят у вас? — поинтересовался Ицек Колл.

— Это конфиденциальная информация, — сказал Резо. И

вздохнул.

ИЗРАИЛЬ

Поскольку из Советского Союза мы с Резо приехали одними из первых, грузинские евреи оказывали нам большое внимание и чуть ли не каждый день устраивали в нашу честь банкеты. Грузинская кухня, хоровое пение. Все масштабно, радушно, но для непьющего человека слегка утомительно.

В центре зала дети в черкесках пляшут лезгинку. Слева от меня стоит мама и показывает, который из танцующих ее сын. Справа кто-то громко объясняет в ухо, где он жил в Кутаиси и как туда добраться. Сзади кто-то пытается со мной сфотографироваться. А тамада с рогом в руках в микрофон произносит тост. И все это снимают на видео.

Антисемитизма в Грузии не было никогда. Еще со времен царя Ираклия сохранился указ, который гласил, что в районах, где проживают евреи, свиней держать запрещено. Но одними из первых из Советского Союза в Израиль уехали грузинские евреи. Уезжали они в основном по религиозным соображениям. И в Израиле они сохранили добрую память о Грузии. Создали ансамбль грузинских песен и танцев, издавали книги и газеты на грузинском языке, поставили памятник Шота Руставели.

Тель-Авив, несмотря на военный конфликт Израиля с соседями, по своей ауре был мирным городом. В Москве в то время выходишь на улицу и как-то не по себе. Атмосфера страха. А в Тель-Авиве по ночам, когда не спалось, я гулял по улицам и, встретив кого-то, мне совсем не хотелось перейти на другую сторону.

Через несколько дней, рано утром, на маленькой машинке «Ибица» (Саша Кляйн за рулем) мы выехали осматривать Землю обетованную. И думаю, в Израиле не было мест, в которых мы не побывали. Что запомнилось.

Ехали по пустыне, выкинул окурок в окно. Саша Кляйн затормозил, задним ходом доехал до моего окурка, подобрал, затушил в пепельнице и сообщил:

— 500 шекелей штраф, Георгий Николаевич.

В Израиле больше окурки в окно я не выкидывал.

Пустыня. Шоссе. Девушка и парень целуются, оба в военной форме. Обнимают друг друга левыми руками, а в правых автоматы «узи».

Хайфа, из окна машины видим: открылась дверь ангара, оттуда вышел человек в тулупе, валенках и ушанке. Достал из кармана сигареты и спички, закурил.

— Это Павел Липман, — сказал Саша Кляйн, — сибиряк,

командир партизанского отряда, подполковник.

В Элайте нас пригласила на обед супружеская чета. Там был и их дед. Когда дед узнал, что мы приехали из Советского Союза снимать фильм, он спросил:

— Давно приехали?

— Недавно.

— Идемте, я что-то вам покажу, — провел нас на кухню, открыл дверцу холодильника, подозвал меня и сказал:

— Засунь руку. — Я послушался, пожилой человек, неудобно отказывать.

— Чувствуешь? Холодно? — спросил дед.

— Холодно.

— Потрогай. Лед?

— Лед.

— Думаешь, лед мы положили, потому холодно? Нет, мы воду налили, а электрический ток сам лед сделал, потому и холодно. Называется — холодильник. Нравится? Твоя жена хочет такой? Вот когда вы свою любимую-непобедимую советскую власть прогоните, сразу у всех такие будут. Тут в каждой семье есть.

Дед был одним из первых переселенцев. Уехал из Союза в 1947 году. И в то время в его имеретинской деревне не только холодильников, но даже и электричества не было.

Когда вернулись из поездки, в гостинице вместе с ключом мне дали записку: «Звонил из Москвы Доброхотов». Заказал Москву. Соединили. Юрий Доброхотов, начальник иностранного отдела «Мосфильма», спросил:

— Георгий Николаевич, на каком основании вы заявили, что будете снимать совместную картину?

— Где, когда?

— В Тель-Авиве. На пресс-конференции. Уже из Министерства иностранных дел звонили. Арабские страны протест объявили, что Советский Союз сотрудничает с Израилем.

— Я сказал только, что, возможно, это будет совместная картина.

— Георгий Николаевич, что возможно, а что невозможно — не нам решать. Вы свободные художники, вас пригласил американский продюсер. Государство не имеет к этому никакого отношения. Договорились?

— Договорились.

ВОР СКАЗАЛ: ВАЙ! ВАЙ!

На третий день после возвращения из поездки Ицек Колл устроил нам встречу с президентом Израиля Герцогом. На эту встречу я второй раз надел бондарчуковские часы.

— Это будет совместная картина? — спросил Герцог.

— Нет, — ответили мы, — нас пригласил американский продюсер Менахем Голан.

Президент сказал, что видел советский фильм «Война и мир». Фильм ему понравился, и он пожелал нам успеха.

В гостинице, в холле, Резо ждал израильский писатель Давид Маркиш (они вместе учились в Москве на Высших курсах сценаристов). Резо и Давид пошли пить кофе и вспоминать былое, а я решил прогуляться по набережной. Было довольно-таки жарко, и мне захотелось искупаться в Средиземном море.

Народу было мало. Разделся, бондарчуковские часы спрятал в носок, а носок в ботинок. Когда вернулся, увидел, что ботинок на месте, а носка с часами нет! Вернулся в гостиницу, позвонил Саше Кляйну. Через двадцать минут он был у меня.

— Пишите заявление в полицию.

— Найдут?..

Саша пожал плечами.

— Сколько они могут стоить?

— Дорого. Тысяч десять долларов, а то и больше.

— Кошмар! Это чужие часы!

— Георгий Николаевич, можно купить китайскую реплику, долларов двести-триста. Точная копия ваших часов, кроме специалиста, никто не отличит.

— Нет, это мне не годится.

На следующее утро мы с Резо у меня в номере работали над сюжетом. Настроение тусклое — ничего толкового придумать не можем. Стук в дверь. В номер вошел Морис и, не здороваясь, спросил:

— Николаич, у тебя какой размер ноги?

— Сороковой, — сказал Резо.

— Тридцать девятый, — поправил я.

— Значит, размер он угадал. — Морис извлек из целлофанового пакета пару носков.

— Кто — он? — спросил Резо.

— Вор.

— Поймали? — спросил я.

— Нет. Побеседовали. Саша сказал, что у тебя вчера еще что-то украли.

— Часы. «Патек Филипп», — сказал Резо.

— Эти? — Морис извлек из кармана золотые часы.

— Эти! — сказал Резо.

— Ну, держи. На руке носи! — Отдал мне часы.

— А где ты их взял?

— Саша рассказал мне, я рассказал деловым людям, деловые люди нашли вора, вор сказал: «Вай, вай, вай, я не знал, что это ваш друг!» А носок не отдал, этот чатлах мамой клянется, что выкинул! Пришлось покупать. С тебя два шекеля, Николаич.

— Подожди, а это, случайно, не китайская реплика? Для меня это очень важно!

— Нет, стопроцентно фирменные. Мы проверяли.

— Тогда возьми. — Резо протянул ему два шекеля.

— Пешкеш! Подарок! — Морис денег не взял. Когда Морис ушел, Резо сказал:

— Я уверен, что ребята скинулись и купили эти часы.

— Нет, Резо, давай считать, что вор сказал: «Вай, вай, вай…»

До конца поездки я хранил часы в сейфе, а в Москве сразу же вернул их Бондарчуку.

ВОДА ИЗ ИОРДАНА

В Назарете на улице с сувенирными лавками я купил для Юры Роста крестик, камушек и пробирку с водой из Иордана.

— Хотите везти в Союз? — спросил Саша Кляйн.

— Хочу.

— Отнимут на границе.

— Почему?

— Религиозная пропаганда.

— Крестик на себя надену. Камушек — просто камушек. А вода — просто вода.

— Не пройдет, Георгий Николаевич, на ней написано, что это вода из Иордана.

— Сниму этикетку.

— А вас спросят: что это за жидкость?

— Скажу, вода.

— Они спросят, зачем вы везете воду?

— Скажу, что в Израиле нет воды, поэтому она ценится.

— Но вы же не в Израиль ее везете!

— Слушай, отстань…

Когда мы улетали из Израиля, на таможне в аэропорту нас долго расспрашивали, что мы везем и нет ли у нас в багаже чужих вещей. А когда прошли пограничный контроль, там оказалось немало наших новых знакомых, грузинских евреев, которые хотели передать с нами посылки родным (в основном видеокассеты со свадьбами и бар-мицвами)[1]. Отказать было неудобно. (Как они прошли сквозь кордоны, до сих пор не знаю.) Кроме их посылок, я и сам вез много материалов: книги, журналы, видеокассеты. В Москве на таможню прислали письмо от директора «Мосфильма», что я везу материалы для работы над фильмом и киностудия просит их пропустить. Таможенник журналы перелистал — пропустил, видео выборочно посмотрел — пропустил, а когда увидел пробирку с водой из Иордана, напрягся:

— Это что?

— Вода.

Саша Кляйн, президент Израиля Хаим Герцог, Резо Габриадзе и я

— Просто вода?

— Да.

— И зачем вы ее везете?

— Потому что в Израиле нет воды, и она ценится.

— Но вы же не в Израиль, а сюда ее привезли. А у нас с водой проблем нет!

— Если честно, это вода из реки Иордан. Я ее в сувенирном ларьке купил — мне нужно для фильма.

— Товарищ Данелия, извините, на слово не имею права верить, работа такая. Хотя бы этикетка была, что это сувенир. А так придется задержать. Проверим, если простая вода, вернем. Через месяц позвоните.

Звонить я не стал. Росту подарил камушек из Иордана и крестик. Юра Рост был доволен.

НЕ УГОДИЛИ!

После поездки по стране мы с Резо жили две недели в кибуце вместе с узниками фашистских лагерей (очень славные старички). Там написали синопсис (развернутый сюжет). Саша Кляйн перевел его на английский и отправил Голану в Венгрию.

Ответ от Голана получили уже в Москве. Голан писал, что синопсис его не устраивает. Он примет окончательное решение только после того, как у него на столе будет готовый сценарий (сто страниц). Резо сказал, что это надолго, а у него в Тбилиси театр. Посоветовал мне пригласить еще кого-то в соавторы и улетел. А я обратился к своему другу Грише Горину. Гриша отказался. Сказал мне, что я человек сомневающийся, все бесконечно переделываю, и он такой же.

И если мы начнем работать вместе, то не закончим сценарий никогда. Гриша познакомил меня с Аркадием Хайтом, писателем с юмором. Синопсис Аркадию понравился, и мы начали писать сценарий. Работали плотно и за три месяца написали сценарий, перевели и отправили Голану. Ответа не было. Позвонили в Израиль Саше Кляйну, он сказал, что прошел слух, что Менахем Голан разорился (так оно и было).

Между прочим. Позвали меня на телевидение поговорить о фильме. Начал рассказывать. Меня остановили и сказали, что слово «еврей» не надо говорить. Надо говорить «лица еврейской национальности». Тогда я спросил: как мне рассказывать сюжет фильма? Говорить, что у грузина две жены. Одна грузинка, а другая «лицо еврейской национальности»?

МУЖИЧОК В МАТЕРЧАТЫХ ТАПОЧКАХ

Побывав в Израиле, я понял, что снять там несколько общих планов, а остальное в Туркмении, как планировал раньше, ущербно. Не будет достоверности. То, что происходит в Израиле, надо снимать в Израиле! Но валюты у Госкино нет!

В то время уже начиналась перестройка, и иностранные продюсеры стали появляться в Москве. Нам помогал Александр Суриков (председатель «Совинфильма»). Он давал читать сценарий американским продюсерам. Продюсеры говорили, что им это интересно, но героя должен играть американский актер, а язык должен быть английским. Меня это не устраивало. Героя должен играть Буба Кикабидзе, а язык тот, на котором говорят персонажи: грузинский, русский, иврит, английский, турецкий. Но это не устраивало продюсеров. И тогда Суриков устроил мне поездку в Канны, на фестиваль.

— Там будут все продюсеры, и мы найдем кого-нибудь сговорчивого.

Там были все, но условия не менялись. Актер должен быть американский, а язык — английский. В Канне Муза Туриничева, моя старая московская приятельница, познакомила меня с французским продюсером Константином Александровым. В отличие от других Александров был согласен снимать фильм, как я и хотел, на разных языках. Но насчет героя был непоколебим — только известный американский актер.

— Георгий Николаевич, озвучишь грузинским актером, и будет на экране грузин, — уговаривал Саша Суриков.

Но я видел в этой роли только Бубу. И все-таки на западного актера я согласился. Случилось это так. Утром после завтрака пошел гулять по набережной Круазет. Когда проходил мимо гостиницы «Маджестик», увидел у входа толпу репортеров. Они явно кого-то ждали. Остановился посмотреть. Подъехал лимузин, из него вышли два загорелых красавца в белых смокингах, а за ними мужичок в мятой серой майке и тряпочных тапочках. Корреспонденты кинулись их фотографировать. Красавцы широко улыбались, а из-за них выглядывал мужичок. Сзади меня кто-то хлопнул по плечу. Оглянулся — Константин Александров.

— Нравится?

— Нет. Если бы вот этот в тапочках был актер, его бы я взял.

— В тапочках — это Бен Кингсли, а эти двое — его охрана, — сказал Александров. — Значит, на Кингсли ты согласен? Я с ним

поговорю.

Между прочим. Бен Кингсли уже сыграл Махатму Ганди и получил за эту роль «Оскар».

Вечером Константин сообщил:

— Кингсли сниматься согласен, но сейчас он занят. Освободится только через два года.

— Жалко.

— Стоп! Давай разберемся. Значит, снимать американского актера ты согласен! Надо только, чтобы он тебе нравился. Так?

— Ну, так.

— Давай искать!

И Александров предложил такой план: он в Париже подбирает кассеты с кандидатами на роль Мераба, а я приезжаю и смотрю. Приглашение он пришлет.

Между прочим. Со мной Константин говорил по-английски. Говорил медленно, хотел, чтобы я его понял. И я с ним говорил по-английски медленно, потому что в институте изучал другой язык (немецкий).

МРАВАЛЖАМИЕР (многие лета)

В Париж я прилетел с Аркадием Хайтом. Александров встретил нас на белом кабриолете «Бентли», отвез в отель «Георг 5» (один из самых дорогих отелей мира), поселил в роскошном номере и повез ужинать в очень дорогой ресторанчик в центре Парижа. За ужином мы спросили, когда он нам выплатит суточные. Александров сказал, что будет выплачивать суточные, когда «Совинфильм» подпишет с ним договор. Мы с Аркадием переглянулись. В Госкино нам суточных не дали, сказали: «Вы едете по приглашению продюсера, он и должен вам платить».

На следующее утро Константин заехал за нами и повез к себе домой смотреть кассеты (он жил в центре, рядом с Эйфелевой башней). Я попросил его по дороге остановиться у какого-нибудь банка и там помочь нам поменять деньги. В зале банка «Дженераль» нас встретил представительный господин в черном костюме.

— Мы хотим поменять деньги, — сказал Константин.

Господин почтительно кивнул и проводил нас к одному из окошек.

— Давай деньги, — сказал мне Константин.

Я достал из кармана бумажный пакет с логотипом отеля «Георг 5» и протянул Александрову. Он открыл пакет, заглянул в него. Посмотрел на меня и спросил:

— Месье Данелия, все будете менять или частично?

— Все, — твердо сказал я. — Грузины — народ широкий.

За окошком сидела строгая банковская дама в круглых очках. Константин протянул ей пакет. Дама почтительно взяла пакет, раскрыла, заглянула, вынула две купюры достоинством один и пять долларов и замерла. Потом посмотрела на шикарного плейбоя Александрова, на белый кабриолет «Бентли» у входа, на нас. Вздохнула и высыпала на стол монетки всех стран мира: шиллинги, песо, шекели, марки, йены, центы, пенсы (остатки от прошлых поездок, все, что нам с Аркадием удалось наскрести).

Дама, поджав губы, стала аккуратно сортировать монеты: цент к центу, песо к песо. Все подсчитала и выдала франки. Александров аккуратно пересчитал деньги и вручил их мне:

— Пересчитай. Здесь 72 франка. Если бы вы меня предупредили, я бы повез вас в банк с более выгодным курсом.

Мы с Аркадием наивно полагали, что Константину станет стыдно и он выплатит нам суточные. Но он вел машину и что-то

напевал. Я сказал нарочито громко:

— Аркадий, у нас 72 франка (это примерно 15 долларов), как ты думаешь, хватит на шесть дней?

— Франки надо было в Москве купить, — сказал Александров.

— У нас валюта не продается.

— Продается! Возле гостиницы «Интурист». Сколько хочешь. Доллар десять рублей. Франк — два.

— За это сажают.

— Не знаю, я много раз менял, меня никто не посадил.

А далее. Утром мы роскошно завтракали в отеле «Георг 5», ужином нас угощал Александров в дорогущих ресторанчиках, а днем мы покупали в бистро бутерброды с сыром и ели их на улице (есть в бистро сидя было намного дороже). На метро не ездили, на Монмартр ходили пешком. И так целую неделю. Но один раз я и днем поел сидя! Утром телефонный звонок:

— Гия, это Манана Мегрелидзе. Я в Париже. Благодаря тебе. Спасибо.

Родители Мананы Мегрелидзе были друзьями моих родителей. Ее отца в 37 году расстреляли, а мать посадили на двадцать лет. Манану воспитала младшая сестра матери Нуну Кавтарадзе. В 53 году мать выпустили, отца реабилитировали посмертно, в конце восьмидесятых его философские сказки перевели и опубликовали во Франции. Манане от издательства пришло приглашение в Париж, но ее не выпускали. Я попросил помочь Манане брата моего друга Вахтанга Абрамашвили Нодара Майсурадзе, он был заместителем председателя КГБ Грузии.

И вот Манана в Париже. Она пригласила меня и Аркадия на обед. Аркадий сказал:

— Гия, если уж мы сегодня не работаем, можно я, никуда не торопясь, погуляю по Лувру?

Манана заехала за мной в отель с пожилым грузином. Мы встретились в холле.

— Виктор Хомерики, — представился пожилой.

О Викторе Хомерики, главе грузинской диаспоры во Франции, была статья в газете «Правда». Писали, что он американский агент, который во Франции работает против Советского Союза.

Хомерики приехал на старом, видавшем виды «Форде». «Форд» долго не заводился, наконец завелся, но заглох по дороге.

— Карбюратор, — сказал Хомерики. — Ваши все время пишут, что я агент ЦРУ, а из-за этой старой клячи никто не верит, что я американский шпион. Вернешься, скажи, если хотят, чтобы их брехня выглядела правдоподобней, пусть купят мне новую

машину.

Мы приехали в грузинский ресторанчик «Золотое руно». Перед тем как войти в зал, Манана попросила меня закрыть глаза, взяла под руку и провела в зал.

— А теперь открой.

В маленьком зале ресторанчика (всего несколько столиков) сидели мои друзья Нодар Мгалоблишвили и Гия Бадридзе, причем в Париж они приехали не сговариваясь, каждый по своим делам. Гия Бадридзе случайно встретил Манану, а Манана нас всех объединила. Принимали нас хозяева ресторанчика, два симпатичных старичка Ванечка Асатиани и Баграт Цуладзе. Еда была простая, но изумительно вкусная. Я пил лимонад «Лагидзе». Остальные «Кахетинское № 8» тбилисского разлива. Мои друзья, когда узнали, что я не пью, очень огорчились. Гия Бадридзе объяснил Виктору Хомерики, что пьяный Данелия и трезвый Данелия — это два разных человека. Трезвый Данелия — это скучнейший зануда, вот он перед вами, сами можете убедиться. А пьяный — нормальный человек, пока не напьется до чертиков.

— Слушай, оставь его в покое, — сказала Манана. — Трезвый мне он больше нравится.

Было грузинское застолье. Поднимали тосты, спели «Мравалжамиер» (долгие лета). Запевал приятным тенором Виктор Хомерики. Старички и Гия Бадридзе вторили. После обеда гуляли по Парижу, а вечером пили чай в грузинской семье. Хотя это были дети и внуки эмигрантов и родились во Франции, грузинский язык они хорошо знали. После чая на трех машинах поехали в маленький кинотеатр смотреть фильм «Не горюй!». Мы ехали с Виктором Хомерики, по дороге машина два раза глохла, и он ругался. Поэтому в кинотеатр мы приехали, когда фильм давно начался. Копия была с французскими субтитрами, выцветшая, поцарапанная, трудно было разобрать реплики. Но зрители реагировали, смеялись и даже аплодировали.

В Париже я бывал и до этого, и после. Но когда заходит речь об этом городе, я вспоминаю не Эйфелеву башню, не Лувр и собор Парижской Богоматери, а маленький грузинский ресторанчик, где глава диаспоры Виктор Хомерики и старички Ванечка и Баграт поют грузинскую застольную. Хороший был тот день.

Мы с Аркадием были в Париже неделю, просмотрели больше ста кассет. Три актера вызвали у нас интерес — Гриффин Данн, Питер Рихард и Николас Кейдж. Теперь надо было лично пообщаться с этими актерами. Для этого надо лететь в Америку.

Прежде чем встречаться с актерами, Константин Александров прилетел в Москву и подписал договор с «Совинфильмом». Съемки на территории Советского Союза оплачивает

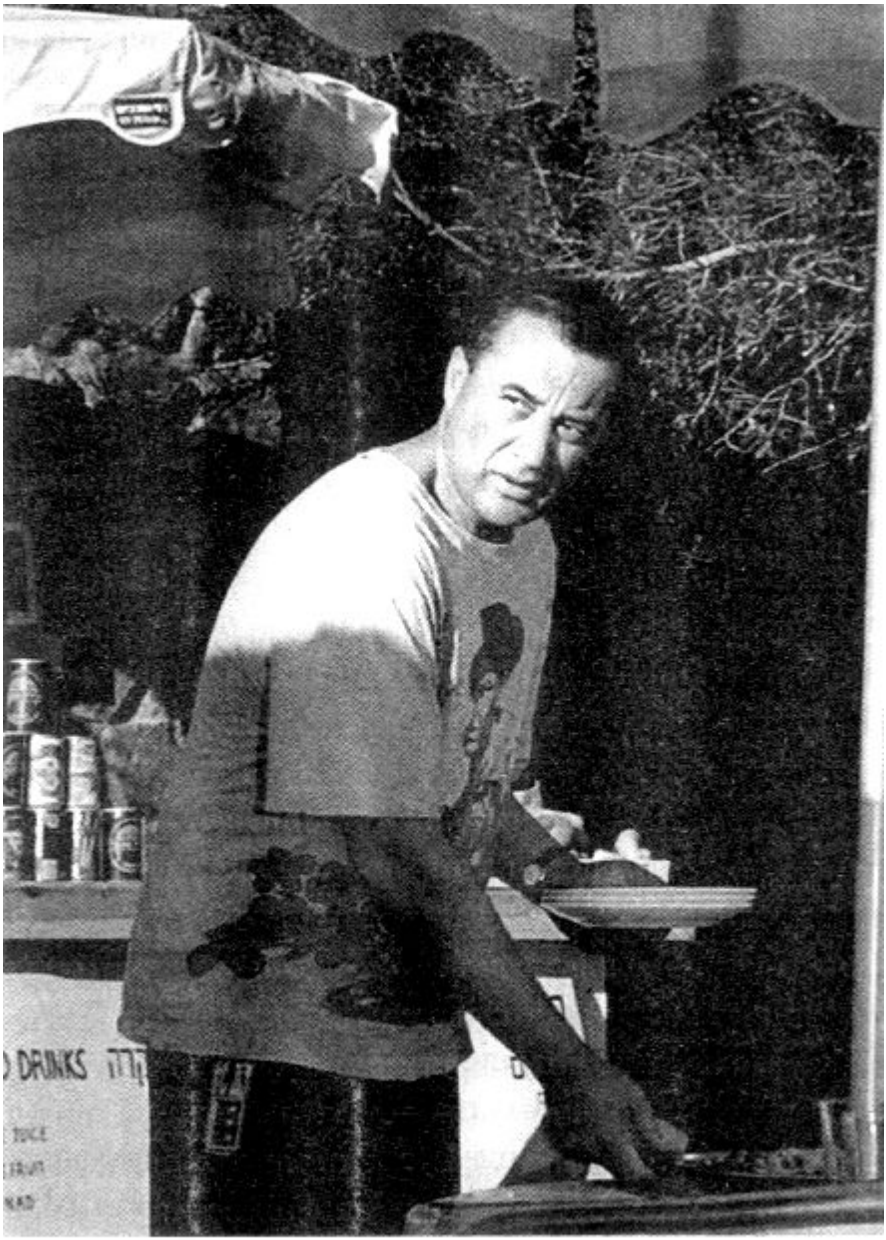
«Совинфильм», съемки в Австрии и Израиле — Константин. Советский Союз имеет право на прокат фильма на своей территории, остальной прокат за Константином.

Подписали и договор на сценарий. Авторы: Р. Габриадзе, Г. Данелия, А. Хайт. За сценарий Константин переведет в ВААП (Всесоюзное агентство авторских прав) 10 тысяч долларов. Сейчас — 2, остальные по окончании фильма. Мы не торговались. (Вот тогда-то мы и узнали, что ВААП забирает себе 65 %!)

Рассказал я про все это быстро, но со встречи с Терешковой до подписания договора прошло больше года.

КОСТЯ

Константин Александров родился в Ташкенте, потом его родители уехали в Румынию, потом он уехал в Израиль, оттуда поехал в Южную Америку, был в Аргентине, в Мексике, несколько лет работал в Таиланде, потом переехал в Париж и сейчас был французским поданным. Он свободно говорил на английском, французском, испанском, иврите и очень плохо на русском. Яркий человек с глазами плута. В Париже он пригласил нас на ужин в тайский ресторан, сказал, что любит тайскую кухню, потому что вторая его жена была тайка, сейчас она живет в Бангкоке, а с ней двое его детей, мальчик и девочка. На ужине были мама Константина, первая жена Константина, третья жена Константина с дочкой, постоянная любовница Константина с сыном Константина и своими дочкой и мамой, бывшая любовница Константина и девушка, которая ему нравилась. К моему удивлению, это была дружная компания. Константин читал наш сценарий увлеченно, как свой. Все внимательно слушали, смеялись, делали замечания.



Константин Александров —
официант в фильме «Паспорт»

НЕ КУРИТЬ!

Для того чтобы встретиться с актерами, отобранными по видеокассетам в Париже, в апреле 88 года мы с Аркадием полетели в Америку (там нас ждал Константин). Летим — курить нельзя. Стоим в длиннющей к паспортному контролю очереди — курить нельзя (тогда я курил очень много и Аркадий тоже). Ждем багаж — курить нельзя. Едем в такси — курить нельзя. В вестибюле гостиницы — курить нельзя. В лифте — курить нельзя. В коридоре — нельзя. В номере — можно!

Позвонил Константин и сообщил, что через час в холле гостиницы нас будет ждать Гриффин Данн.

— Я отсюда никуда не выйду, там курить нельзя! Зови его, пусть поднимается, — сказал я.

— В номер звать актера неприлично.

— Тогда давай встретим его на улице!

И Константин, проклиная меня, для встречи с актером снял на два часа апартаменты.

Гриффин Данн пришел вовремя. Молодой, энергичный, резкий. Аркадий рассказал ему сюжет (Аркадий хорошо знал английский).

Данн сказал, что не очень понял, почему, если евреям не нравится жить в Советском Союзе, один брат с семьей уезжает в Израиль, а второй брат и отец нет.

— Потому что отец и второй брат не евреи, а грузины.

— Что значит грузины?

Тогда о Грузии в Америке мало кто слышал.

— Национальность такая. Кавказ знаешь?

— Это в России, да?

— Да. Там и живут грузины.

— Значит, грузины — русские?

— Ну, если так тебе удобнее, называй их русскими.

— Тогда вообще непонятно, в чем проблема. Русские ведь тоже евреи.

— Почему ты так решил?

— А потому, что я был на Брайтон-Бич (район, где в Нью-Йорке *живут* евреи из России). И там все русские — евреи. У них и синагога есть. (В то время всех приехавших в Америку из СССР называли русскими.)

Константин положил перед Гриффином Данном сценарий.

— Ты это прочти, тогда тебе понятней будет. Данн спросил, где мы собираемся снимать? Мы сказали, что в России и в Израиле.

— Очень заманчиво. Чернобыль, белые медведи, арабские террористы.

Гриффин Данн сказал Константину, чтобы он связался с его агентом, и ушел.

— С этим все ясно, — сказал Константин. — Он сниматься не будет.

С Питером Рихардом обедали в ресторане гостиницы (в зале для курильщиков). Сюжет Питеру понравился. Что русские не евреи, а грузины не русские, он знал. География его не смущала.

— Братьев будут разные актеры играть или один? — спросил он.

— Один.

Рихард встал, прошелся между столиками и показал походку одного, потом другого. Очень точно. Один был озорным и расхлябанным, второй спокойным и собранным. Выпили кофе. Рихард попрощался и ушел.

— Ну, что скажешь? — спросил Константин.

— Хороший, но возраст. Мераб должен быть моложе. (Питеру Рихарду было под сорок.)

Между прочим. С этой поездки и дальше Константин выплачивал нам суточные. Мне 100 долларов в день. Я первый раз держал стодолларовую купюру в руках. Потом выяснилось, что это мучение. У меня в кармане бумажка с размерами детей и внуков: Лапочки, Кирилла, Иришки, Маргариты, Саши и Аленки, всем надо было что-то купить. Поход в магазин был для меня кошмаром. Я с тоской вспоминал счастливое время, когда мне платили 3 доллара в день, я привозил всем по пачке жевательной резинки, и все были счастливы.

ХУИЗХУ

Вечером мы с Аркадием ужинали в русском ресторане «У Иосифа». Официант узнал меня:

— Вы советский режиссер пан Георгий Данелия?

— Да.

Оказалось, что официант — польский актер, играл в знаменитом польском фильме Иисуса Христа (в Польше тоже была перестройка). А меня узнал, потому что видел мою фотографию в польском киножурнале. Он взял заказ и ушел. Через минуту вернулся с фотоаппаратом, дал фотоаппарат бармену, подошел ко мне и спросил:

— Пан Георгий, можно с вами сделать фото?

— Можно, — я встал с ним рядом. — А это писатель Аркадий Хайт.

— Бардзо ладно[2].

— Аркадий, иди к нам.

Аркадий тоже встал. Бармен нас щелкнул.

— А теперь, пан Аркадий, можно фото — я и пан Георгий, пожалуйста? — попросил официант.

Аркадий сел.

Бармен щелкнул меня и официанта.

— Пан Георгий, а можно я позову мою жону Ванду?

— Можно.

Официант ушел. Мне стало неловко перед Аркадием.

— Аркадий, извини.

— Бремя славы, — улыбнулся Аркадий. Официант вернулся с высокой статной блондинкой в белом халате. Я встал.

— Пан Георгий, моя жона Ванда, она тоже актерка.

— Очень приятно. А это пан Аркадий Хайт, наш знаменитый писатель и сценарист, — представил я Аркадия. — Знакомьтесь.

— А он какие фильмы зробил?

— Всего лишь один мультик, — улыбнулся Аркадий.

— Ванда, вы «Ну, погоди!» видели? — спросил я.

— Это он зробил?!

— Он.

— Пан Аркадий, можно с вами фото? Вы и я?

— С удовольствием. — Аркадий встал, застегнул пуговицы пиджака, улыбнулся.

А потом с автором «Ну, погоди!» сфотографировались: официант, бармен, пожилой армянин, две украинские дивчины, американская супружеская пара, хозяин ресторана Иосиф, гардеробщик, повар с поварятами и толстый китаец-швейцар. А

про меня забыли. Теперь и я понимал, ху из ху…

Аналогичный «ху из ху» был со мной, когда мы с Евгением Примаковым, Давидом Иоселиани и с женами полетели в Иорданию отдохнуть и встретить там Новый, 2009 год. Прилетели рано утром 31 декабря. Расположились. Выбрали столик в ресторане. Заказали новогодний ужин. В 11 вечера пришли в ресторан провожать Старый год. На сцене музыканты. Грохочет музыка. Все скачут и трясутся. Музыка играет так громко, что тосты говорить невозможно, ничего не слышно, приходится орать. И даже ровно в 12 ничего не изменилось: музыка как грохотала, так и грохочет, все как скакали, так и скачут! Мы встали, чокнулись, прокричали: «Ура!»

Ко мне подошел парень в кофте с белыми оленями и закричал:

— С Новым годом, Георгий Данелия!

— С Новым годом!

— Я ваш поклонник!

— Спасибо!

— Люблю ваши фильмы!

— Спасибо!

— Они прикольные!

— Спасибо!

— Господин Данелия, небольшая просьба, отодвиньтесь немножко!..

— Что?

— Отойдите в сторонку! — еще громче заорал он. — Я хочу с Евгением Максимовичем Примаковым сфотографироваться!

Но бывают и иные «ху из ху».

Париж. Аэропорт Шарль де Голль. Сижу в кресле. Жду вылета. Глаза слипаются: всю ночь отбирал дубли. Вдруг слышу:

— Здравствуйте, Данелия.

Поднимаю голову. Передо мной космонавт Георгий Гречко — улыбка искренняя, глаза озорные, прическа ежик.

— В Москву летим? — спросил он.

— В Москву.

— У вас какое место?

— Не помню, — достал билет.

— У вас первый класс? (На картине «Паспорт» я летал первым классом.) И у меня первый. Там попросим и сядем рядом.

— С удовольствием.

— Я задумал киносценарий писать, хочу посоветоваться. Можно?

— Ну конечно!

— Тогда договорились. Пойду воды куплю. Вам принести?

— Нет. Спасибо.

Гречко пошел, его все узнавали, оглядывались. А я приуныл: «Попался! Хотел в самолете выспаться». Вернулся Гречко с водой:

— Георгий Николаевич, у вас какой рейс? Тут у них, оказывается, в Москву два подряд.

Я снова достал билет.

— 2544.

— А у меня 2144, через полчаса после вашего.

— А, жалко, — обрадовался я.

Объявили мою посадку. Попрощались. Прошел на свое место, сел в широкое и удобное кресло первого класса, скинул ботинки, вытянул ноги. И заснул. Летим. Слышу, кто-то шепчет:

— Георгий Николаевич, если вы спите, то спите… Открываю глаза — Гречко.

— Я не сплю, Георгий Михайлович.

— Я рейс поменял. «Попался!» — подумал я и сказал:

— Это хорошо!

— Георгий Николаевич, пойдемте, я там занял два места.

Я встал. Пошли.

— Гречко, — перешептывались пассажиры. Места легендарный космонавт нашел только в последнем ряду, у туалета. У окна спала пожилая женщина. Я сел рядом с ней, в среднее кресло. Гречко в крайнее, у прохода.

— Значит так, Георгий Николаевич, пока это только наброски, особенно не придирайтесь… — начал Гречко.

— Извините, что отвлекаю, — парень с другой стороны прохода протянул блокнот с ручкой, — не могли бы вы…

— Молодой человек, извини, давай потом… Только не обижайся.

Гречко повернулся ко мне и начал рассказывать свой сюжет. Рассказывал он хорошо, увлекательно. Действие, естественно, было связано с космосом. Когда он закончил, я сказал:

— Ну что же, все интересно…

— Извините, — парень с другой стороны прохода снова протянул свой блокнот, — а теперь можно?

— Подожди, я сам скажу, когда… Георгий Николаевич, а вы взялись бы такое кино снимать?

— Георгий Михайлович, все очень интересно, но это не моя тематика.

— А кого посоветуете?

— Надо подумать.

Гречко повернулся к парню с блокнотом.

— Ну, молодой человек, давай, — взял у парня блокнот, — кому писать?

— Извините, товарищ Гречко, но мне надо, чтобы режиссер Данелия написал.

— Прости. — Гречко смутился и положил альбом мне на столик.

— Пишите, — начал диктовать молодой человек. — Клубу авиамоделистов-самоделыщиков «Пепелац» города Йошкар-Ола, режиссер фильма «Кин-дза-дза!» желает процветания и всяческих малиновых Ку! Число и ваша подпись.

В Москве мы несколько раз созванивались с Георгием Михайловичем, но так и не встретились.

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ

На следующий день после ужина «У Иосифа» мы с Константином полетели в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с Николасом Кейджем. Аркадий остался в Нью-Йорке по своим писательским делам. Поселились в Голливуде, в гостинице «Хилтон». Константин кому-то долго звонил и наконец радостно сообщил, что агент Николаса Кейджа примет нас сегодня, в три часа.

Офис агента занимал весь 27-й этаж, а кабинет был размером с баскетбольную площадку, и из него открывался вид на весь Лос-Анджелес и океан. За столом сидел полный краснощекий мужчина лет пятидесяти, как положено, в подтяжках и с сигарой в зубах.

— Он по-английски говорит? — спросил агент Константина, показав на меня сигарой.

— Говорит, но плохо…

— А как он будет работать с актером?

— Через переводчика.

— В мировом прокате его фильмы были? — спросил агент.

— Его фильмы получили призы на фестивалях в Канне, Венеции, Берлине… — начал перечислять Константин.

— Не имеет значения, — перебил его агент. — Мировой прокат — это когда фильм выходит во всех кинотеатрах мира. И в Африке, и во Франции, и в Вашингтоне. Везде.

— В мировом прокате мои фильмы не были, — сказал я.

— А какие фильмы делали вы, сэр? — спросил агент Александрова.

Константин назвал.

— Не слышал.

— Это французские картины.

— Все ясно, — агент посмотрел на часы и сказал, что Кейдж очень занят и в этом году встретиться с вами не сможет.

И я понял, что и господин Данелия из России, и господин Александров из Франции для американского агента люди из глухой провинции. Дикари.

Вернулись в гостиницу. Теперь, когда сказали, что Кейджа мы не увидим, я считал, что только Кейдж и именно Кейдж должен играть Мераба.

Что делать? Позвонил Яше Бронштейну (моему бывшему ученику, который уехал в Америку) разузнать, как еще можно выйти на недосягаемого Николаса Кейджа.

— Очень просто, — сказал Яша. — Вы же с Копполой

знакомы, позвоните ему.

— А при чем тут Коппола?

— Николас Кейдж его родной племянник. Через час Яша был у меня, и мы звонили Копполе в Сан-Франциско. Ответил мужской голос.

— Его нет, а кто его спрашивает?

— Советский кинорежиссер Джордж Данелия, — сказал Яша.

— Привет, Джордж, как поживаешь?!

— Я не Джордж, я переводчик.

— Он там? Дайте ему трубку.

— Я слушаю.

— Hello, Джордж! Это Джулио. Брат Фрэнсиса. Помнишь меня?

— Да, конечно, — сказал я.

— А Фрэнка нет, он в Греции. А что ты хочешь?

— Мне надо встретиться с его племянником Николасом Кейджем.

— Зачем?

— Хочу, чтобы он прочитал сценарий моего нового фильма.

— А ты где?

— В Америке. В Лос-Анджелесе. В гостинице «Хилтон».

— О'кей! Через час Николас будет у тебя и прочитает сценарий. Это мой сын.

Ровно через час Николас Кейдж появился в холле нашей гостиницы. Яша вручил ему сценарий. Кейдж сел в кресло у столика, прямо в холле, и начал читать. Итальянская семья. Слово отца — закон для сына.

Я позвонил Константину и сказал, что в холле его ждет приятный сюрприз. Через пару минут Константин вышел из лифта. Увидел Николаса Кейджа и остолбенел.

— Это он? Я не ошибаюсь? — спросил Константин тихо.

— Не ошибаешься. Это Николас Кейдж читает сценарий «Паспорт».

— Как тебе это удалось?!

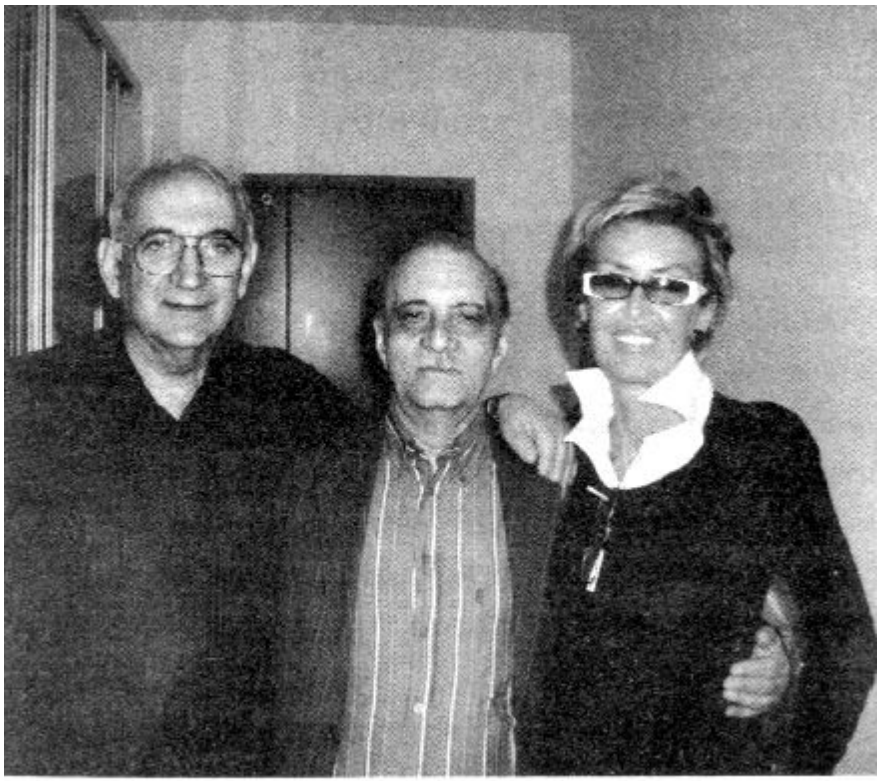
— Он узнал, что я член правления Общества дружбы ОАР — СССР, — объяснил я.

Сценарий Кейджу понравился, сниматься он согласился и сказал, что все остальное Константин должен согласовать с его агентом.

Между прочим. В середине шестидесятых годов, когда мое имя стало упоминаться в прессе, ко мне стали приходить письма от общественных организаций, где сообщали, что я избран в члены правления и что ближайшее заседание Правления этой организации

состоится там-то и тогда-то. Уведомления приходили два года. Я не ходил. Потом их присылать прекращали. И только одна организация — Общество дружбы ОАР-СССР преданно присылало мне приглашения почти двадцать лет. И в знак признательности этому обществу я включил в число своих регалий и это свое почетное членство. На официальных письмах я стал подписываться: народный артист, лауреат Государственных премий, член правления Общества ОАР — СССР Георгий Данелия. А когда я так подписал поздравительную телеграмму в Тбилиси своему другу кинорежиссеру Эльдару Шенгелая и ее зачитали на торжестве в честь его юбилея в Доме кино, было немало звонков от моих тбилисских коллег. Они интересовались, что это за общество, какие оно дает привилегии и что надо сделать, чтобы стать его членом.

Я отвечал, что это не телефонный разговор.



Эльдар Шенгелая, Нана Анджапаридзе и я

ГРИМАСЫ КАПИТАЛИЗМА

Константин уехал на встречу со Спилбергом с надеждой уговорить его принять участие в нашем проекте. Яша отправился по своим делам, а я вышел прогуляться. Никаких магазинов поблизости не было, только бутик при гостинице. На витрине бутика стоял манекен, фигурой похожий на мою супругу Галю. На манекене был английский костюм в полоску, «простенький, со вкусом».

— Вот такой бы Гале, — подумал я. И зашел в бутик.

— Слушаю вас, — сказал пожилой мужчина в золотых очках, очевидно, хозяин.

— Вот этот костюм, — я показал на манекен, — сколько стоит?

— Вы русский?

— Можно и так сказать.

— Мистер, у нас эксклюзивные товары и поэтому цены очень высокие.

— Ну, а все-таки.

— Извините, — сказал хозяин и распахнул дверь.

У бутика остановился «Роллс-Ройс» с водителем в униформе. Из машины вышел молодой человек в тройке и высокая женщина в брючном костюме. Молодой человек открыл заднюю дверцу, подал руку и помог выйти старухе лет под девяносто.

— Хелло, мисс Эрмитаж, хау а ю? — радостно поприветствовал старуху хозяин.

Гости вошли в помещение. И в ту же секунду появились полная дама с сантиметром и девушка-манекенщица. Сразу стало тесно. Старуха что-то сказала, девушка ушла и вернулась с коробкой. Вытащила из коробки яркое цветастое платье и приложила к себе. Старуха кивнула, и все куда-то ушли. Я остался один. Через какое-то время вывели старуху в этом платье, подвели к большому зеркалу в барочной золотой раме и стали восхищаться. Старуха вопросительно посмотрела на меня.

— Вери найс! — соврал я. Платье старуху не украсило.

— О'кей, — сказала старуха.

Молодой человек выписал чек. Старуха не стала переодеваться, и они уехали на своем «Роллс-Ройсе». Полная дама и девушка-манекенщица ушли.

— Извините, что вам пришлось ждать, — неожиданно доброжелательно обратился ко мне хозяин.

— Ничего страшного. А все-таки сколько стоит этот костюм?

— Сказать вам, сколько мисс Эрмитаж заплатила за платье?

— Скажите.

— Двенадцать тысяч долларов.

— Я все понял. Извините, до свидания.

— Минутку. Вы турист?

— Нет, по делам приехал.

— Надолго?

— Послезавтра домой.

— А сколько вы могли бы заплатить за костюм?

— Сколько могу, вас не устроит.

— Ну а все-таки.

— Ну, долларов триста.

— О'кей, договорились. Но есть два условия: в Америке этот костюм никто не наденет и вы никому не скажете, что купили его у меня за такую цену.

— А если спросят?

— Отвечайте, что это коммерческая тайна.

В Нью-Йорке перед вылетом пошли покупать армейские ботинки для сына Аркадия на Яшкин-стрит (улицу, где отоваривались туристы из Советского Союза). В одном из магазинчиков увидел: висит цветастое платье — точно такое же, какое купила старуха Эрмитаж за двенадцать тысяч.

— Сколько стоит? — спросил я хозяина.

— Это люксовый товар, эксклюзивный.

— Ну а все-таки?

— Сорок девять долларов, — твердо сказал он. Гримасы капитализма…

Костюм Гале понравился.

— Угадал! Молодец! — обрадовалась она и повесила его в шкаф.

И пока еще ни разу не надевала. «Простенький, со вкусом» костюм в полоску висит в шкафу двадцать семь лет и четыре месяца, ждет подходящего случая.

МАЛЕНЬКИЙ УЗБЕК

Во время Московского кинофестиваля 1979 года позвонили с «Мосфильма» и сказали, что завтра в десять утра показывают Фрэнку Копполе «Осенний марафон» и Сизов просит меня приехать. Приезд Фрэнка Копполы на Московский кинофестиваль с фильмом «Апокалипсис» произвел фурор. За него шла борьба, все хотели с ним пообщаться и пригласить в гости.

В 10 я был на «Мосфильме». Зашел к Сизову. Он говорил по телефону:

— А когда вы его привезете? Ну, хорошо, подождем, — положил трубку и сердито сказал мне:

— Вчера он был у кого-то в гостях, там его так накачали, что теперь не могут разбудить. Так что давай подождем часик. Покажем фильм, потом пообедаем.

Через час Коппола не появился, через два тоже. Приехал он только в половине второго, как раз к обеду. Приехал не один. С ним был брат Джулио, племянники, двоюродная сестра с мужем, детьми и няней, переводчики.

За обедом я рассказал Копполе о том, что произошло в Тбилиси, когда показывали в Доме кино его знаменитый фильм «Крестный отец». Попасть на этот просмотр мечтал весь город. Одному богатому человеку по почте прислали пять билетов, тот обрадовался. Пошли всей семьей: он, жена, сын, дочь и родственница из Дигоми. Когда они вернулись, квартира была пуста. Вынесли все, включая картины, антикварную мебель и даже чешский унитаз.

Копполе эта история понравилась.

После обеда показали гостям фильм. Фильм итальянцам понравился.

А потом поехали в гостиницу «Россия», где жили гости фестиваля. Семья Копполы — на двух фестивальных «Чайках». А Коппола с переводчиком со мной на моей машине. По дороге он спросил:

— У вас в фильме герой полтора часа изменяет жене. Были проблемы?

— Нет.

— Странно… вчера мне ваши коллеги жаловались, что в советском кино ничего показывать нельзя. Это не так?

— Кое-что показывать можно, но не все…

В гостинице мы попрощались. Коппола пошел к себе. А я направился к стойке администратора, чтобы узнать, в каком номере остановился западногерманский продюсер Сергей

Гамбаров, для него у меня был припасен альбом с рисунками Сергея Эйзенштейна. В вестибюле гостиницы наткнулся на свою сестренку, актрису Софико Чиаурели.

— Ты Коку Игнатова не видел? — взволнованно спросила она.

— Нет, а что?

— Вчера Коппола был у Двигубского, и мы с Кокой пригласили его сегодня в «Иверию» (был такой грузинский ресторан в Голицыно, по Минскому шоссе). — Кока куда-то исчез, а у меня всего шестьдесят рублей. Надо деньги доставать. У тебя есть?

— Вы Копполу вчера так ухайдакали, что вряд ли он помнит, что говорил вчера Кока.

— Что значит — не помнит, а если помнит?

— Давай спросим.

Подошли к фестивальной службе, попросили выяснить планы Копполы на сегодняшний вечер. Они позвонили секретарю Копполы, и тот сказал, что сегодня вечером Копполу пригласила грузинская актриса в загородный ресторан.

У меня было с собой рублей тридцать, у Софико шестьдесят, всего девяносто — для ужина с Копполой и его свитой в загородном ресторане маловато. Что делать? Ехать в сберкассу за деньгами поздно, уже закрыто. Поднялся в номер к своему сокурснику, режиссеру Шухрату Аббасову, взял взаймы «до завтра» 190 рублей (все, что у него было) и, естественно, пригласил его на ужин. Спустился в вестибюль. Спросил у Софико:

— Сколько нас будет?

— Я, ты, Коля Двигубский, их человек восемь.

— Еще Шухрат.

— Берем с запасом — пятнадцать.

— Если в Доме кино, должно хватить, а в ресторане «Иверия» — не знаю.

— А еще такси, — сказала Софико.

Снова позвонили секретарю Копполы и попросили узнать, не хочет ли Коппола вместо загородного ресторана пойти в ресторан Дома кино. Секретарь сказал, что Коппола в Доме кино уже был, а сегодня хочет посетить загородный, грузинский. Пришлось звонить в «Иверию», заказывать стол на пятнадцать человек.

Когда Коппола со своей семьей и свитой спустились, я сказал, что Софико моя сестра, пригласила меня на ужин тоже, и объяснил переводчику, как ехать в «Иверию».

Между прочим. В конце шестидесятых в Голицыно построили

ресторан грузинской кухни и назвали его «Иберия» (так античные и византийские историки называли древнее грузинское царство). Принимать ресторан начальство приехало под вечер. В двухэтажном здании зажгли свет, зажглись и цветные буквы на крыше с названием ресторана. Все было празднично.

— Красиво? — спросил директор ресторана.

— Красиво, ~ сказал кто-то.

— Красиво-то красиво, — сказал главный начальник. — А что будет, если у вас буква «и» погаснет?

Тягостная пауза.

— Вот именно! И будет под Москвой ресторан имени предателя родины, японского шпиона Лаврентия Берия.

Букву «б» заменили на букву «в». И ресторан стал называться «Иверия».

От гостиницы отъехали в таком составе: две «Чайки» с семьей Копполы, три «Волги» с переводчиками, фестивальной службой и свитой Копполы, «мосфильмовский» рафик с кинокритиками, микрик со съемочной группой с ЦСДФ, лихтваген. И мы на синем «жигуле» — Софико, художник Коля Двигубский, Шухрат Аббасов и его приятель, маленький узбек в тюбетейке, с медалью «Ветеран труда» на лацкане пиджака.

— Какой ужас! Вся эта шобла с нами за стол сядет? — нервничала Софико.

— А куда деваться.

Я затормозил у телефона-автомата, позвонил в «Иверию» и попросил, чтобы стол организовали не на пятнадцать, а на тридцать человек и еще отдельный стол — на восемь, для водителей. А закуски пока не ставили.

Когда приехали и все расселись по своим столам, Софико сказала Копполе:

— Фрэнк, есть два варианта: можно заказать обычный ужин, это примерно та же еда, что ты ел вчера, или простой крестьянский ужин, какой грузинские крестьяне едят каждый вечер.

— Я люблю простую еду, — сказал Коппола.

— Неси всем лобио, зелень, сулугуни, хлеб, семь бутылок водки и тридцать «Боржоми», — заказал я.

— Все? — спросил официант.

— Нет, подожди, — сказал маленький узбек в тюбетейке, — Георгий, знаете, что еще вкусное крестьянское? Сациви. Это вареная курица с орехами, — объяснил он переводчику. Тот перевел.

— Сациви всем? — спросил официант.

— Мне не надо, — сказал я.

Софико и Двигубский тоже отказались. Остальные заказали сациви.

Я открыл меню и начал искать, сколько стоит сациви.

— Все? — спросил официант.

— Все, — сказала Софико, — неси.

— Нет, подожди. Софья Михайловна, а знаете, что еще любят грузинские крестьяне? — не унимался маленький узбек. — Грузинские крестьяне любят молодого барашка, зажаренного целиком.

— Сейчас не сезон, уважаемый. Неси то, что уже заказали, — велела Софико официанту.

Официант пошел выполнять заказ.

— Откуда он взялся, этот идиот? — спросила у меня Софико по-грузински.

— Шухрат привел, — ответил я ей тоже по-грузински.

Шухрат услышал свое имя и пожал плечами, мол, все понимаю, но ничего не могу поделать.

Когда официанты принесли водку «Столичную» и воду «Боржоми», маленький узбек спросил:

— Георгий Николаевич, а вино «Киндзмараули» они пробовали?

— Не пробовали, — сказал переводчик.

— Вино «Киндзмараули» сколько бутылок? — тут же спросил официант.

Софико посмотрела на меня, вздохнула и сказала:

— Неси пять бутылок, а потом посмотрим.

И тут я увидел, как другой официант несет на подносе восемь банок с черной икрой и лососину к столу водителей. Маленький узбек тоже увидел.

— Георгий Николаевич, здесь черная икра есть! Спроси, — велел он переводчику, — они черную икру любят?

— Любят, — уверенно сказал переводчик.

— Черную икру сколько? — спросил официант. Мы с Софико посмотрели друг на друга. «Оставлю паспорт, завтра деньги сниму с книжки и расплачусь», — решил я.

— Черную икру неси всем! — сказал я. И успокоился.

Вечер прошел хорошо. Было весело. Софико, умная и обаятельная, была прекрасным тамадой. Оркестр, не прекращая, играл музыку из «Крестного отца» и «Мимино». Потом на сцену вышел Джулио и спел арию из оперы «Паяцы». После него худенький кинокритик в роговых очках, Фима Розенберг, со сцены спел «Сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько душ я загубил, только тебя, занозу сероглазую, больше я всех полюбил». Ему казалось, что эта песня в стиле фильма «Крестный отец» и

Копполе должна понравиться. А чтобы не обидно было и мне, критик спел песню на слова Евтушенко, которая звучит в ресторане в фильме «Мимино»:

В стекло, уткнув свой черный нос,

Все ждет и ждет кого-то пес.

Я руку в шерсть его кладу,

И тоже я кого-то жду…

Когда ужин подошел к концу, я попросил официанта принести счет.

— Все оплачено, — сказал официант и посмотрел на маленького узбека.

Маленький узбек виновато развел руками и застенчиво улыбнулся.

Софико, Галя и я

НЕ КАРУЗО!

После того как я снял фильм по роману Марка Твена, меня стали приглашать на приемы в американское посольство. Поскольку там были виски и сигареты «Мальборо», которых не было в продаже, ходить туда мне нравилось. На одном из таких приемов в честь Дня Независимости моя подруга Мила Вронская, которая работала в посольстве преподавателем русского языка, подошла ко мне с женой американского посла и сказала, что жена посла в восторге от моего фильма «Афоня».

— Трогательный фильм, — сказала жена посла.

— Спасибо.

— А вы слышали, как Георгий Николаевич поет? — вдруг спросила Мила. — Он замечательно поет. Гия, спой, пожалуйста!

— Здесь?

— Здесь. Только нужна гитара, — сказала Мила жене посла.

Я энергично отказывался, но кто-то принес гитару, кто-то поставил стул, а Мила объявила по-английски:

— Господа, идите сюда, для нас будет петь режиссер Данелия.

Кошмар! Голоса нет, играть не умею (три аккорда для своих). Куда деваться? Сел, взял гитару, она оказалась шестиструнной, и я, как утопающий за соломинку:

— Господа, это шестиструнная гитара, а я играю на семиструнной. Здесь другой строй.

— Ты настрой гитару, как тебе удобно, а мы подождем, — сказала Мила.

Пока я перестраивал гитару, вокруг меня собрались все: американский посол со своей женой, дипломаты из других посольств, наши чины, их шпионы, наши разведчики, прогрессивный поэт, модный художник, красавица актриса и мой старый приятель-актер Евгений Моргунов.

Я настроил гитару и запел слабым голосом: «Уткнув в стекло свой черный нос, все ждет и ждет кого-то пес…»

Когда я допел, раздались жидкие аплодисменты, а восторженная Мила воскликнула:

— Прелестно, правда!

— Энрико Карузо! — зычным голосом поддержал ее Моргунов.

Кто такой Карузо, не все дипломаты знали и на всякий случай согласились, но спеть еще меня никто не попросил. Я прислонил гитару к стулу и слинял. И больше на приемы в американское посольство не ходил.

О том, что в этом стихотворении Евгения Евтушенко можно найти опасную крамолу, я тогда не подозревал. После просмотра фильма «Мимино» во ВГИКе в коридоре меня остановили два юных студента, отвели в сторонку и конфиденциально спросили, правильно ли они поняли настоящий подтекст песни, которую поет в фильме Матти Гешоннек (студент моей мастерской):

— Это тоска нашего народа по свободе!

— Не понимаю. Расшифруйте, пожалуйста.

— Там в песне: «…уткнув в стекло свой черный нос, все ждет и ждет кого-то пес…» Пес — это не собака, а советский народ, который ждет не женщину, как это можно подумать, а свободу! — сказал один студент.

— А вот: «…я руку в шерсть ему кладу и тоже я кого-то жду» — на поверхности — перископ: хозяин гладит собаку, а по сути автор имеет в виду: интеллигенция вместе с народом ждет перемен, — сказал второй.

— Вы на каком курсе?

— На первом.

«Бедные, — подумал я. — Еще четыре года учебы, и они совсем свихнутся».

— Интересная трактовка, — сказал я, — но как быть с последней строкой: «…мой славный пес, ты всем хорош, и только жаль, что ты не пьешь…», к кому обращается автор, к советскому народу или все-таки к славному псу? Подумайте… — и ушел.

Между прочим. В то время и редакторы и цензоры искали и находили подтекст, и авторы ухитрялись что-то протащить, и зрители искали и находили эзопов язык даже там, где его и вовсе не было. Особенно в этом преуспевали студенты творческих вузов.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ!

Прилетели с Аркадием из Америки в Москву. Запустили фильм в производство. Набрали группу, написали режиссерский сценарий, утвердили актеров на все роли, полетели выбирать натуру в Тбилиси, в Вену, в Израиль. А когда вернулись, узнали, что нас опять закрыли.

Оказалось, когда советский министр иностранных дел был с визитом в Сирии, в Дамаске, там ему намекнули, что арабским странам не очень приятно, что Советский Союз совместно с Францией снимает фильм про хороших евреев в Израиле. Министр иностранных дел это мнение довел до сведения министра кинематографии, и тот нас прихлопнул.

Я позвонил своему другу Георгию Шахназарову (он был помощником Горбачева). Георгий сказал, что надо, чтобы фильм был не советско-французским, а только французским.

— Вы приглашенные специалисты, а киностудия «Мосфильм» оказывает услуги.

Досталю этот вариант понравился, он написал письмо в Госкино, и нас снова открыли. А мне стало смешно. Два невысоких немолодых симпатичных грузина с умными глазами зашли в «Воды Лагидзе», выпили газировки (лысый — сливочной, не лысый — тархун), засунули руки в карманы, прошлись по улице Руставели, дошли до Земеля, купили пирожки с повидлом, съели, закурили и придумали нехитрую историю. И вот теперь летят зашифрованные телеграммы, арабские страны протестуют, министры звонят министрам, управления министерств ведут переписку: отвечают, комментируют, отрицают.

ТЫ МНЕ — Я ТЕБЕ

Во время подготовительного периода шла ожесточенная торговля с французским продюсером. Поскольку все, что снималось у нас, оплачивал «Мосфильм», а все, что снималось за границей, оплачивал Александров, он старался, чтобы как можно больше объектов снималось на нашей территории. А мы хотели, чтобы как можно больше наших людей побывало в Австрии и в Израиле. Многие из них не бывали за границей никогда.

Торг шел так. Константин предлагает:

— Подземный гараж в Тель-Авиве снимаем в Тбилиси.

Я в ответ:

— А на роль сестры дяди Изи утвердим нашу актрису Нину Тер-Осипян.

— Зачем ее возить в Израиль? Там много хороших актрис.

— Зачем снимать гараж в Тбилиси? В Израиле уйма подземных гаражей!

Константин предлагает:

— Давайте и голландское посольство снимем в Тбилиси.

Я в ответ:

— А в роли Дода (израильского приятеля Бори) снимем Леонида Ярмольника.

В итоге договорились: Сохнут, подземный гараж, голландское посольство, тюрьму, переход границы снимаем в Грузии. В Вену и Израиль едет съемочная группа (восемь человек) и актеры. В Вене снимаются: Янковский, Леонов и Гундарева. В Израиле: Янковский, Тер-Осипян, Ярмольник, Джигарханян и Кикалейшвили. А сам Константин сыграет официанта, которого взял в плен Сеня.

Съемки спланировали так: начинаем в Тбилиси, потом в Москве, в Вене, в Израиле и поздней осенью опять в Москве (кладбище).

Обо всем договорились, кроме оператора. По условиям договора оператором должен был быть француз. Я уговаривал Константина:

— Давай возьмем кого-нибудь из наших. У нас блестящие операторы!

— Ничего не могу сделать. Это условие Национальной академии кино Франции.

И тут я узнал, что фильм, который должен был снимать Вадим Юсов, закрыли.

— Освободился лучший оператор мира, Вадим Юсов, — сказал я Константину. — «Андрей Рублев» смотрел? Неужели

даже для него ваша киноакадемия не сделает исключение?

— Ладно, узнаю.

На следующий день Александров спросил:

— Юсов не будет возражать, если рядом с его фамилией в титрах будет стоять фамилия французского кинооператора?

— Будет, — сказал я.

— Другого варианта нет. Юсов сказал:

— Бог с ней, с фамилией, пусть стоит. Главное, чтобы он на площадке не появлялся.

— Вы его вообще не увидите, это я гарантирую, — пообещал Константин.

И это обещание выполнил. Француза мы так и не видели, но во французском варианте его фамилия в титрах стоит.

Также не видели мы и художника Эммануэля Амрами, имя которого тоже стоит в титрах. А действительным художником-постановщиком на нашей картине был Дмитрий Такаишвили. С этим уникальным художником, по кличке Мамочка, мы с Юсовым снимали мой лучший фильм «Не горюй!».

С Вадимом Юсовым. 2010 год

АДЬЮ, МЕСЬЕ!

Поскольку Юсов не видел натуры, мы с ним и Димой Такаишвили полетели в Израиль смотреть отобранные места. Саша Хайт остался составлять смету.

В Израиле нас ждал художник израильской студии, с которым мы в прошлый приезд отбирали места съемок. За три дня осмотрели все (Израиль маленький) и вернулись в Тель-Авив. Когда вошли в гостиницу, внизу в холле сидел Константин с переводчиком, поздоровался и сказал мне, что хочет поговорить со мной тет-а-тет. Вадим и Дима ушли. А мы с Константином и переводчиком сели за столик. Константин показал мне бумагу.

— Это письмо директору «Мосфильма» Владимиру Досталю. Он переведет.

Переводчик, потомок русских эмигрантов, перевел. В письме говорилось, что Константин отстраняет меня от постановки, потому что я ничего не делаю, хожу по магазинам и общаюсь с русскими и грузинскими евреями. И еще что я упрямый, грубый и что со мной невозможно разговаривать о деле, потому что я в ответ обижаю его маму. Потомок русских эмигрантов переводил все это с наслаждением.

За время этой поездки в магазине я был один раз, когда у меня порвались брюки, а его маму упомянуть мне хотелось очень часто, но я воздерживался. Хотя, возможно, в пылу полемики мог и упомянуть, случайно. Я сказал, что ему нет необходимости ждать ответа на это письмо, потому что, при любом решении, я на этом фильме больше не работаю.

— Эх, жалко, что сейчас не XIX век, я бы вызвал этого мерзавца к барьеру! — возмутился темпераментный Мамочка, когда я рассказал друзьям о своем увольнении.

— Пусть этот сын обиженной мамы нам сначала суточные заплатит! — сказал Вадим. — А перчатку потом кинешь.

Суточные нам заплатили.

— Вы идиот! — «бросил перчатку» Константину Мамочка.

Константин сделал вид, что не понял.

— Прощай, пацак! Адью, месье! — перевел я.

И на следующий день мы с Юсовым и Такаишвили улетели в Москву.

Это был большой удар по моему самолюбию. Это был мой фильм! Я его придумывал, организовывал, согласовывал! Каждый фильм — это моя жизнь, я ни о чем другом не могу думать, он мне снится, ночью я встаю, переписываю сцены, исправляю, улучшаю, для меня нет ничего более важного! А тут француз из

Ташкента, Костя Александров, ни с того ни с сего одним щелчком смахнул меня как крошку со стола. Но в то же время я почувствовал облегчение, потому что работать с продюсером мне было очень трудно. Я должен был согласовывать каждого актера, места съемок, костюмы, поправки к сценарию. Я к этому не привык. Конечно, обычно я отчитывался перед начальством «Мосфильма» или Госкино, но это происходило не больше трех раз за картину.

В Москве я рассказал все как есть Досталю. Он сказал, что пока никакого письма не получал, но при любых вариантах без меня «Мосфильм» продолжать этот фильм не будет.

Дома Галя очень расстроилась, потому что видела, сколько сил и нервов было вложено в этот проект. Я стал думать, что делать дальше. Роза Буданцева, редактор нашего объединения «Ритм», где я был художественным руководителем, дала мне почитать сценарий Георгия Николаева «Звездный час по местному времени». Роза сказала, что этот сценарий лежит в объединении несколько лет и никому не нравится. А она считает, что сценарий хороший. Роза Буданцева была права. Сценарий был прекрасный! С юмором, смыслом, яркими персонажами.

— Покупаем! — сказал я Розе и стал примерять сценарий на себя.

Время летело быстро. Через месяц Саша Хаит сообщил, что сегодня в Москву прилетают Константин Александров и Филипп Роттон, второй продюсер.

— Теперь Константин будет работать вместе с ним, — объяснил Саша.

— Мне до этого нет дела. Я с ними встречаться не буду.

Саша сказал, что потрачено много денег и времени, а главное, может получиться хороший и нужный фильм. Надо поступиться самолюбием и поставить свои условия.

На следующий день ко мне в кабинет вошли Александров и Филипп Роттон, оба со скорбными лицами. Поздоровались. Сели. Молчат.

— Слушаю вас, — сказал я неприветливо.

— Плохие известия, господин Данелия, — сказал Филипп Роттон. — Николас Кейдж отказался сниматься.

— А мне какое дело? Я на этой картине не работаю. Этот господин меня уволил.

— Это была минутная вспышка, он сожалеет, — сказал Роттон. — Мы предлагаем на роль Мераба взять Питера Рихарда.

— Гия, тебе же нравился Питер Рихард, — вступил в разговор Константин.

— Это уже не имеет значения. Так что не будем терять время.

Ищите другого режиссера.

— Мы хотим, чтобы снимали вы, — сказал Филипп.

— Тогда такие условия. Константин не присутствует на съемках и не дает советы во время репетиций.

— Хорошо. Вы это напишите, а мы подпишем. Это будет дополнительным соглашением, — сказал Филипп.

— Все, мир, Гия, я больше на тебя не обижаюсь, — сказал Константин.

— Нет, Костя, не все. Если вы хотите, чтобы я продолжил работу над этим фильмом, вы должны заплатить за сценарий не 10 тысяч, как в договоре, а 100! И не после фильма, как в договоре, а сейчас.

— Ты серьезно это говоришь? — спросил Константин.

— Абсолютно серьезно.

— Но это нарушение договора! — сказал Филипп.

— Да, нарушение. Но в договоре не было, что этот француз из Ташкента, без предупреждения, на ровном месте может дать мне пинок под зад.

— Мы на все твои условия согласны, кроме денег.

— Ну, тогда я вас больше не задерживаю.

— Предупреждаю, мы сейчас пойдем к господину Досталю и расскажем ему о твоих вопиющих, наглых требованиях.

— Идите. Бон вояж!

Через пятнадцать минут звонит Досталь:

— Георгий Николаевич, здесь у меня ваши продюсеры, приходите, без вас мне с ними трудно разговаривать.

— Владимир Николаевич, они мои условия знают, если не согласны, пусть берут другого режиссера.

— И все-таки я вас прошу прийти сюда, Георгий Николаевич.

Дальше выпендриваться было неприлично.

— Ваши продюсеры утверждают, что они согласились на все требования по производству, которые у вас были, — сказал Досталь, когда я пришел.

— Да, мы даже согласны подписать дополнительное соглашение, — подтвердил Филипп. — Но месье Данелия выставил еще и новое требование. Невыполнимое.

— Да, выставил.

— В договоре написано 10 тысяч долларов за сценарий. Две по подписании договора, остальные при окончании фильма. Месье Данелия, вы подписывали этот договор? — спросил Филлип.

— Подписывал.

— Мы можем подать на вас в суд.

— За что? Сценарий мы написали, вы его приняли. А о том,

что я должен быть режиссером на этой картине, в договоре ничего не написано. Так что, если хотите, чтобы я работал, платите 100 тысяч за сценарий, и не после, а сейчас. Считайте, что это компенсация за «минутную вспышку» господина Александрова на Земле обетованной.

— Вы видите, какие абсурдные требования он выдвигает, — обратился Роттон к Досталю.

— Почему абсурдные? Насколько мне известно, на Западе за сценарий платят и больше. Но это меня не касается. Этот вопрос вы должны решить между собой, — сказал Досталь. — Но ставлю вас в известность: «Мосфильм» принимает участие в этом проекте при условии, что режиссером фильма будет Георгий Данелия.

— Почему? Есть много других прекрасных режиссеров.

— Есть. Согласен. Но если вы пригласите своих Шаброля, Лелуша или Годара, у нас их мало кто знает. А кто такой Данелия, знают все.

Продюсеры переглянулись, и Александров сказал:

— О'кей, Гия, за сценарий — сто тысяч. Но не сейчас, а когда фильм будет завершен.

— Не согласен. Сейчас.

— О'кей. Сейчас — десять.

— Нет. Все.

— Десять, Гия, это очень много, никакие «минутные вспышки» так дорого не стоят!

— Идиотские минутные — стоят сто.

— Господин Досталь, вот видите, как он разговаривает?

— Георгий Николаевич, не волнуйтесь, — сказал Досталь.

— Владимир Николаевич, я про его маму ни слова не сказал…

— Хорошо. Не начинайте все с начала, — вмешался Филипп Роттон, — господин Данелия, предлагаю двенадцать. А остальные, когда будет первая копия фильма. Согласны?

— Нет. Сто. Сейчас.

— Дальше нам разговаривать не о чем.

— И мне с вами не о чем. Извините, Владимир Николаевич, я ухожу. Всего хорошего!

Между прочим. Последний раз я торговался в 42-м году, когда мне было двенадцать лет, мы шили босоножки из автомобильных покрышек и клеенки и продавали их на рынке.

«Комедия ля финита!.. Сказал сто — значит сто!» Прошел шагов десять. «Хотя… согласились на все. Никуда вмешиваться не будут! Двенадцать тысяч — не маленькие деньги!» Остановился.

«Что, вернуться, согласиться?.. Нет, получится — сдался»… Пошел. Иду, думаю: «Почему сдался? Вовсе не сдался. Главного добился. В кино лезть не будут… Так что…» И тут слышу:

— Гия!

Оглянулся. Ко мне по коридору шагают Филипп и Константин.

— Пятнадцать! — говорит Константин. — Больше не можем, честное слово! О'кей, Гия?.. — Константин протянул руку.

— О'кей, Костя! — сразу же согласился я.

Пошли в группу договариваться. Собрались: Саша Хайт, Вадим Юсов, продюсеры с переводчиком и я. Поскольку времени на поиски другого актера уже не было, мы договорились, что Мераба играет Питер Рихард. Через месяц, когда он освобождается, я с ним лечу в Тбилиси, привыкаем друг к другу, репетируем. 15 августа начинаем съемки. К этому времени в Грузии должна быть вся техника, костюмы, реквизит и съемочная группа.

Вечером, когда я угощал продюсеров ужином в грузинском ресторане «Пиросмани», Саша Хайт спросил Филиппа:

— Если честно, до какой суммы Данелия мог торговаться?

— До пятидесяти. Мы договорились, что больше пятидесяти не дадим.

Настроение у меня испортилось.

Александров и Роттон улетели в Париж. А я никак не мог понять, почему и зачем Александров меня увольнял. Юсов считал, что он и не собирался со мной расставаться, просто хотел припугнуть, чтобы я перестал разговаривать с ним в повелительном наклонении. А Саша Хайт сказал, что, по его сведениям, у Константина сорвалось финансирование и он не мог продолжать фильм, пока не договорился с Филиппом Роттоном.

Между прочим. Когда в 1990 году я показывал «Паспорт» в Музее Современного Искусства в Нью-Йорке, директор музея спросил, не тот ли это фильм, в котором должен был сниматься Николас Кейдж.

— Тот.

— Николас жаловался, что русский режиссер Джордж его пригласил, а потом пропал, так никто ни с ним, ни с его агентом не связался.

Сейчас мне понятно: Николас Кейдж после нашей встречи снялся в фильме, который прошел с громким успехом, стал звездой и был уже начинающему продюсеру Константину Александрову не по карману. Но самолюбивый Константин не мог признаться, что у него не хватает на Кейджа денег, и сказал, что Кейдж

сниматься отказался.

ГРЕК МАНОЛИС

Рассказал я быстро, но вся эта кутерьма с поисками продюсера, выборами актера, конфликтами с заказчиками, открыванием и закрыванием картины, моим увольнением длилась два года. Я очень устал.

И моя жена Галя уговорила меня, пока составляется новый календарный план, поехать отдохнуть в Ессентуки.

Приехали. Воду не пьем, не гуляем, а с утра до ночи смотрим по телевизору бурные дебаты народных депутатов. 88-й год. Перестройка. Депутаты один за другим в прямом эфире говорят то, за что раньше давали от пяти до пятнадцати. Мы вполне с ними солидарны. Грядут перемены. Впереди нас ждет нормальная, человеческая жизнь. Настроение хорошее.

Но тут звонит Саша Хайт и сообщает, что Питер Рихард сниматься у нас не сможет.

— Константин (наш французский продюсер) предлагает снимать французского актера. Он прислал кассету. Если «да», то снимаем, если «нет» — сворачиваемся, дальше он тянуть не может.

По контракту в главной роли мы должны были снимать зарубежного актера.

На следующий день мы встретили самолет в Минводах и получили кассету с французским фильмом. Возникла проблема. В санатории видео не было. У врачей и персонала тоже. Это сейчас видео есть в каждом доме, а тогда, в середине восьмидесятых, с трудом нашли один видеомагнитофон.

В тот день, вечером, перед показом фильма «Кин-дза-дза!» у меня была встреча со зрителем в местном Доме культуры. После того как я рассказал все, что обычно рассказывают, и ответил на все вопросы, я обратился к залу:

— Товарищи, есть у кого-нибудь из вас видеомагнитофон? Мне надо срочно посмотреть кассету, для работы.

Молчание.

— А может быть, вы знаете кого-нибудь, у кого есть?

— У грека Манолиса есть, — сказал немолодой тучный мужчина в тесном железнодорожном кителе.

— А вы не подскажете, где он живет?

— Тут, недалеко. За водокачкой.

— Может, вы меня проводите?

— Товарищ Данелия, он, между прочим, ваше кино пришел посмотреть, — сказала женщина, сидевшая рядом, видимо, его жена.

— Это кино он еще увидит. А тут французский фильм, новый.

— Только без меня он никуда не пойдет! — сказала женщина.

Пока мы шли к выходу, меня спрашивали:

— Товарищ Данелия, а Бельмондо в этом кино играет?

— Не знаю.

— А клубничка там есть?

— Не думаю.

Когда мы подошли к двери, к нам присоединился мальчишка лет четырнадцати:

— Тетя Роза, я с вами, — сказал он жене железнодорожника.

— Ладно, будешь переводить.

Когда шли по вестибюлю, к нам присоединились еще трое. А когда вышли из кинотеатра и пошли по тротуару, за нами увязалось уже человек девять мужчин и женщин разных национальностей.

— Товарищи, — жена железнодорожника тетя Роза остановилась, — простите, а вы куда?

— С вами, кино смотреть, — сказал мужчина в украинской рубашке.

— Товарищ, мы не в клуб идем. Куда грек посадит такую ораву?!

— Когда людей много, он кино во дворе показывает, — сказал мальчишка. — Манолис мужик широкий.

Рядом с водокачкой за аккуратным забором стоял добротный двухэтажный дом из красного кирпича. Остановились у калитки. Тетя Роза крикнула:

— Манолис! Манолис!

Манолис, полный, лысый мужчина лет пятидесяти, вышел на балкон:

— Что случилось, Роза?

Она объяснила, кто я и что мне надо. Грек крикнул, что он извиняется, но в доме все не поместятся и придется смотреть кино во дворе.

Сыновья, дочери, племянники, сам Манолис быстро и слаженно вынесли из дома телевизор, видеомагнитофон, поставили на табуретки, подключили. Принесли из дома стулья, недостающие взяли у соседей. Соседи тоже присоединились к просмотру.

Когда все разместились, старший сын Манолиса спросил:

— Папа, можно начинать?

— Подожди, — сказала толстая женщина в черном басом, — товарищ Данелия, а детям это кино можно смотреть?

— Нельзя, — сказала тетя Роза.

— Почему?

— Потому что там будет такое, чего детям лучше не смотреть.

— Откуда вы знаете? Вы же сама еще ничего не видели, — сказала девочка лет восьми с белым бантиком.

— Сама-то я, может, и не видела, деточка! А что такое французское кино, знаю. Они про это только и думают.

— Христос, Йоргос, Таня, Рубен, Нателла — все дети, марш по домам! — сказала толстая женщина.

— Ну, пожалуйста, бабушка!

— Я сказала!

Всех детей, и своих и соседских, выдворили. А женщина в туркменском одеянии сказала своей молоденькой дочери:

— Пойдем и мы, Гуля! Как раз на седьмую серию успеваем.

Все расселись.

— Начинай! — скомандовал Манолис своему сыну. Пошли начальные титры на фоне архитектуры французского провинциального городка и авторский закадровый голос. Изображение и звук были не очень.

— Толян, чего сидишь, давай, переводи! — сказала тетя Роза.

— Сейчас, разберусь. В общем так, понял. Мужик этот говорит по-французски. Это титры. А это церковь, это дворец какой-то, а это жилой дом.

Железнодорожник, который сидел рядом со мной, задремал. Мальчишка переводил скупо:

— Они поздоровались. Разговаривают. Он сказал «Мерси» и ушел. Она зашла в ванную. Руки моет, с мылом.

И так далее. Фильм оказался неторопливой, нудной бытовой драмой. Зрители были разочарованы. Железнодорожник громко храпел.

— И чего панику развели? — сказал Манолис. — Зачем детей прогнали? Дети, идите сюда, кино смотреть.

— Да ну! Занудство! — сказала девочка с белым бантом, которая смотрела фильм вместе с другими детьми с крыши сарая. — Даже не поцеловался никто!

А я смотрел с удовольствием. Актер мне понравился с первого кадра. Было ясно — это Мераб.

— Поздравляю! — прошептала Галя. — Этот намного лучше, чем все предыдущие.

Минут через двадцать я встал, подошел к Манолису и тихо сказал:

— Вы досматривайте, а мы пойдем, нам срочно надо позвонить в Москву.

— Зачем уходить? Звоните от меня. Георгий, а можно мы не будем досматривать ваш фильм?

— Конечно!

Зашли в дом. В кабинете Манолиса посреди потолка висела большая люстра из чешского хрусталя. Стоял финский гарнитур «Эллоу»: диван, письменный стол, кресло и стенка. На полках стенки разместились собрания сочинений Диккенса, Драйзера, Шекспира, Стендаля, Бальзака, Мопассана, Золя, Конан Дойла, Дюма, Джека Лондона с чистыми, ровными корешками. Я заказал Москву. Минут через десять соединили.

— Актер подходит стопроцентно! — объявил я Саше Хаиту.

— Фу, слава богу! Стучу по столу.

Когда мы с Галей вышли во двор, гости смотрели «Кавказскую пленницу» Леонида Гайдая. Грек Манолис протянул мне кассету с французским фильмом и сказал:

— Георгий, извините, что я вас так принял, даже чаем не напоил.

— Наоборот, спасибо вам большое!

— А в «Сакле» на Железной горе вы были, шашлыки из кабана пробовали? Вот и хорошо. Завтра к часу я за вами заеду.

В «Сакле» мы побывали, кабана попробовали, а потом снова уселись перед телевизором и с удовольствием смотрели и слушали, как депутаты поносят советскую власть, коммунистическую партию и даже Ленина.

БИСТРО ДЛЯ ТАКСИСТОВ

А когда мы прилетели в Москву, в аэропорту Внуково нас встретил Саша Хайт и сообщил, что актер, который нам понравился, попал в автокатастрофу. Сейчас он в больнице и сниматься не будет.

— Ладно, Саша, давай на этом ставить точку, закрываем картину, — сказал я.

— Подожди, Гия, в Москву из Парижа летит французский актер на замену. Прямо отсюда еду в аэропорт Шереметьево его встречать. Если он тебе не понравится, мы действительно ставим точку. Времени для раздумий и поисков больше нет.

Договорились, что Саша встретит актера, поселит в гостинице и к девяти часам привезет в ресторан Дома кино, где я буду их ждать.

Вечером в ресторане Дома кино сел за столик в глубине зала, лицом к двери. Сижу. Жду. Волнуюсь. Около девяти в дверях появились Саша Хайт и немолодой мужчина с длинными седыми волосами в кожаном пиджаке и потертых джинсах. Саша увидел меня, помахал рукой и крикнул:

— А вот и мы!

«Кошмар! Неужели этот?! — подумал я. — Все. Конец картине. А давай так: орел — снимаю, решка — нет».

Я достал из кармана монетку, раскрыл руку — орел!

— Знакомься Гия, Жерар Дормон, — Саша Хайт подвел к столику актера. — Сценарий ему понравился, он в самолете прочитал.

— Это хорошо, — я встал, пожал гостю руку. Сели. Смотрим друг на друга. Молчим.

— Что будете заказывать, Жерар? — спросил Саша.

— Спасибо, я поел в самолете, — голос у него был красивый.

— Жерар, чтобы вы не нервничали и я тоже, давайте договоримся, на роль Мераба я вас утвердил, — сказал я.

— Так сразу? — удивился Жерар.

— Да. Завтра вас подстрижем, покрасим и усы попробуем.

— Усы я сам отпущу, — сказал Жерар и улыбнулся.

Улыбка у него был обаятельная.

Жерара подстригли и покрасили, а усы он отпустил сам.

Я полетел с ним в Тбилиси. Водил по городу. К родственникам. К знакомым. Мои друзья научили его пить из перевернутого стакана, рога, вазы и аккуратно вычищенного арбуза. Побывали на базаре. В серных банях. Знакомил его с грузинской едой. Перестройка в Тбилиси началась с того, что

открылось несколько частных ресторанчиков, там было все вкусно, уютно, презентабельно. И дико дорого! Ходили туда в основном «деловые». Вкусно можно было поесть и за городом в фанерных сарайчиках, цены там были приемлемыми, но возить гостя из Франции в сарайчик мне не хотелось. В остальных ресторанах города, как и в других городах Советского Союза, — общепит (скудное меню). Поэтому обедать Жерара я водил в частные ресторанчики, а ужинали мы, как правило, в гостях. Позже в интервью французскому телевидению Жерар сказал, что очень благодарен мне за то, что я показывал ему жизнь в Советском Союзе и Тбилиси как она есть, ничего не приукрашивая. И обедать его водил не в дорогие рестораны, а в простые бистро, куда ходят таксисты и другой рабочий люд. Там он подсмотрел для своего героя манеру разговаривать, сердиться, пить, есть.

А мне стало обидно, что Жерар, оказывается, все это время думал, что я вожу его в забегаловки.

ADIDAS

Художницей по костюмам с советской стороны была Катя Шишлина. Еще в Москве она одела Жерара как Яшу. Костюм и рубашка швейной фабрики имени Розы Люксембург, сандалии, соломенная шляпа — все из костюмерной «Мосфильма».

Подготовила она вариант и на Мераба. Кожаная куртка, джинсы, ковбойка, кеды (ковбойку и кеды купила в ЦУМе), а кожаную куртку и джинсы взяла на время съемок у своего отца, моего приятеля Николая Шишлина. Жерар примерил все и сказал, что куртка чересчур элегантная. Мераб таксист. Куртка должна быть простой и удобной.

Когда приехала французская группа, выяснилось, что Люси, художницу по костюмам с французской стороны, Константин перед самым вылетом уволил, и вместо нее в Тбилиси прилетела высокая девушка Мадлен. Ее разместили в трехкомнатном люксе гостиницы «Тбилиси». Мы с Жераром и Зурабом Качкачишвили (переводчиком) пришли на примерку. Мадлен привезла рубашки, брюки, пиджаки, спортивные костюмы, обувь разных размеров, джинсы, ковбойку и кожаную куртку для Мераба. Жерар надел куртку, повертелся перед зеркалом и сказал:

— Это тоже не то.

— Люси дала мне эту, — сказала Мадлен.

— Вот, — Жерар показал пальцем на меня. — Нужна такая.

— Пожалуйста, месье Данелия, можно мы примерим, — попросила Мадлен.

Я снял свою легкую курточку, которую купил в Израиле на базаре за пять шекелей, и Мадлен надела ее на Жерара.

— И такую же рубашку, — показал на меня Жерар (на мне была тонкая джинсовая рубашка).

— Рубашка есть! Вот! Примерьте. — Мадлен показала ковбойку.

— Это бежевая. К куртке не подойдет.

— А вы хотите синюю? Сейчас, — Мадлен начала нервно рыться в вещах, она волновалась. — Вот.

— Эта рубашка женская, пуговицы на левой стороне! — сказал Жерар.

— Ой, я не обратила внимания! Месье Данелия, извините, пожалуйста, можно месье Дармон примерит вашу рубашку?

— Можно, — сказал я, расстегивая рубашку. Жерар примерил рубашку.

— Может быть, Георгию Николаевичу и штаны снять? — пошутил Зураб. — Мадлен, ты скажи, не стесняйся!

— Лен? — тут же спросил Жерар.

— Лен, но тебе они будут коротки, — сказал я.

— А запаса там нет? Мадлен, посмотри, — сказал Жерар.

Мадлен опустилась на колени, пощупала край штанины, вывернула.

— Тут запас есть, — сказала Мадлен.

— Давай примерим, — сказал Жерар. Я снял брюки, протянул Жерару:

— Трусы тоже снять? — поинтересовался я.

— Месье Жерар? — Мадлен вопросительно посмотрела на Жерара.

— Трусы не надо, — сказал Жерар, надевая мои брюки, — трусы не видны.

На Жерара надели все, что было на мне. Я остался в одних трусах. Жерар посмотрел на себя в зеркало и сказал:

— Это то, что я хотел.

— На этом останавливаемся? — спросила Мадлен.

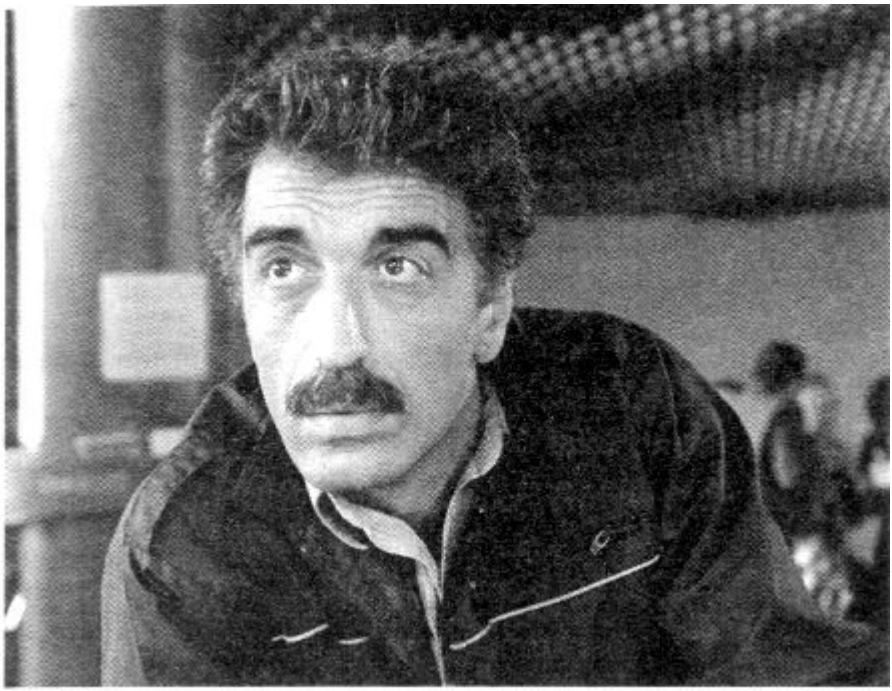
— На этом, — сказал Жерар.

— А я в чем буду ходить?

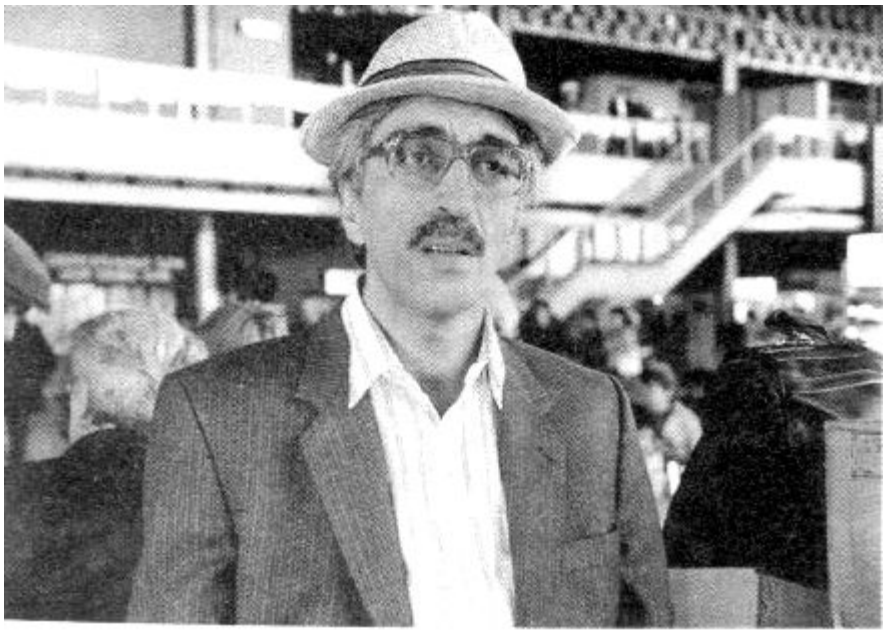
— Месье Данелия, не волнуйтесь. Сегодня же я пойду в супермаркет и куплю все в нескольких экземплярах.

Купит она, разбежалась! Куртку я покупал в Тель-Авиве, брюки в Вене, а рубашку в Сингапуре. Естественно, в тбилисских магазинах ни она, ни Катя Шишлина не нашли ничего похожего. Точно такую куртку, рубашку и брюки ни она, ни Катя Шишлина не смогли найти и в Москве, и в Вене, и в Израиле.

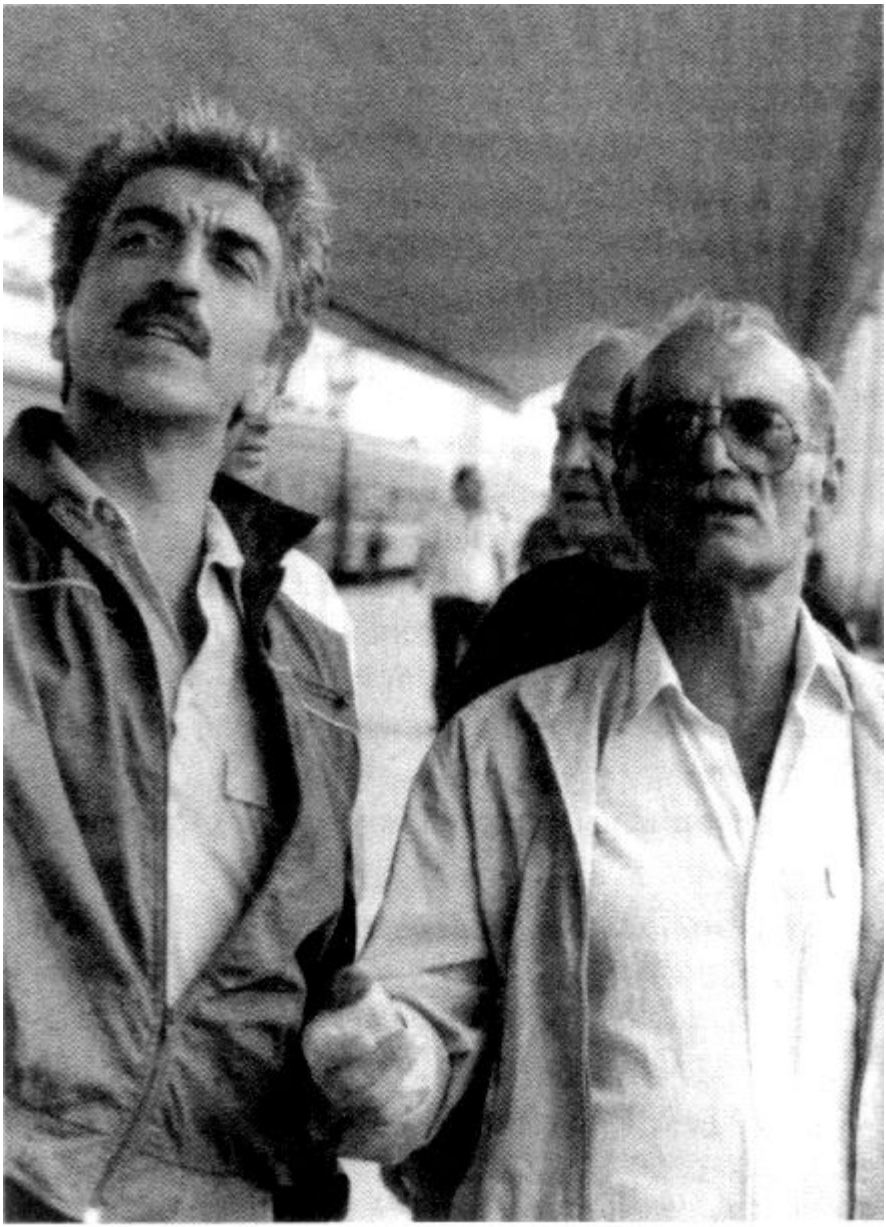
Так и снимался Жерар в моих вещах.



Мераб Папашвили — Жерар Дормон



Яков Папашвили — Жерар Дормон



Рабочий момент

Между прочим. Обычно для героя фильма костюмеры держат несколько одинаковых рубашек, брюк, пар обуви. После каждого съемочного дня рубашку надо стирать, а брюки и куртка могут порваться или вообще износиться. У нас было 60 съемочных дней, значит, шестьдесят раз мы стирали эту рубашку. Естественно, она еле держалась, мы берегли ее как зеницу ока. Представьте себе: герой открывает дверь, на нем одна рубашка, и входит в комнату,

на нем рубашка такая же, но чуть-чуть другого цвета и чуть-чуть другого фасона воротник — это сразу же бросится в глаза.

За день до начала съемок в Тбилиси прилетел Константин и сказал, что на Мерабе обязательно должны быть кроссовки фирмы «Adidas». (Он заключил договор с фирмой на скрытую рекламу.) До этого Жерар хотел сниматься в своих старых кедах. В Тбилиси «Adidas» в то время можно было купить только на рынке. Мадлен и Катя купили три пары (с запасом). Жерар примерил все три и сказал, что в этих кроссовках сниматься не будет.

— Почему? Они очень хорошие, — сказал Константин.

— А ты надень!

— Пожалуйста!

— А теперь пройдись!

Пройтись Константин не смог, подошва не сгибалась.

— Несколько дней поносить, разносятся!

— Вот ты и разнашивай, а я буду сниматься в своих.

— Месье Дормон, кажется, у меня есть вариант.

И Мадлен извлекла из своих запасов синие матерчатые тапочки:

— Вот легкие, удобные, тоже «Adidas».

— А как понять, что это «Adidas»?

— А вот, — сзади на тапочках был лейбл, где мелким шрифтом было написано «Adidas».

— Придется снять крупным планом.

— Нельзя, это будет реклама.

Тогда Юсов предложил крупно снять руки и тапочки с названием фирмы в сцене, когда в Вене полицейские отдирают Мераба от ограды советского посольства. Но когда дошли до этого кадра, оказалось, что снимать нечего, надпись «Adidas» стерлась (после съемок в Тбилиси и в Москве).

А как Александров отчитался перед фирмой «Adidas», мы не знаем.

БОРЯ ЧИЖ

— Боря Чиж — второй по значению персонаж в фильме. Сыграл его Олег Янковский. Я им доволен, а он мною — нет. Олег на встречах со зрителем жаловался, что в первом варианте сценария его роль была намного богаче и интересней, а я сократил ее и все испортил. Хочу уточнить.

В первом варианте Боря Чиж, русский, беспартийный, переправил все свои ценности за границу, фиктивно женился на пожилой еврейке, изучил Талмуд, сделал обрезание и вылетел в Вену. В самолете он оказался рядом с Мерабом. В Вене Боря распрощался со своей женой, которая улетела в Америку, и хотел ехать развлекаться и играть в Монте-Карло, но таксист ему подсказал, что в Вене тоже есть казино. Под утро, когда Боря вышел из венского казино, денег у него на такси не было, и он пешком поплелся в Сохнут (организацию, которая занимается вопросами репатриации в Израиль).

Там ему пригодились и обрезание, и чтение Талмуда. В Сохнуте он встретил Мераба, и они вместе полетели в Израиль.

В Израиле Мераб дважды встречал Борю. Первый раз Боря шел со своим блатным приятелем Додом, оба были одеты как хасиды (белая рубашка, черный длинный пиджак и черная широкополая шляпа) и в каждой руке они несли семисвечники. Мераб обрадовался встрече, но Боря сделал вид, что его не узнает. Второй раз Боря в военной форме маршировал в роте израильских солдат и самозабвенно голосил «Хава нагила…». В третий раз Мераб и Боря Чиж встретились в Турции, в тюрьме. В Израиле Мераба посадили как советского шпиона. Он бежал. В Турции его посадили как израильского шпиона.

— Боря, а тебя за что? — спросил Мераб.

— Как всегда, ни за что, — улыбнулся Чиж. Ночью, когда все спали, Боря посоветовал Мерабу признаться, что он разведчик. Но только не еврейский, а наш, советский.

— И попроси, чтобы они тебя поменяли на какого-нибудь американского агента, как в фильме «Мертвый сезон».

— Турки, может, еще поверят, что я советский шпион, но наши-то точно знают, что я не их агент.

— Да ты что! В КГБ сейчас бардак! Перестройка! Они уже забыли, кто у них кто. Придумай какой-нибудь номер и кличку.

И еще Боря попросил, чтобы Мераб упомянул и о нем, сказал бы, что он его подручный, тоже агент КГБ.

— Запомни: майор Борис Чиж. Так и говори, что майор.

Все это Мераб без всякой надежды сообщил следователю на

первом же допросе. И вдруг через две недели Мераба и Борю вызывают «с вещами», сажают в машину и привозят на берег горной реки. На той стороне возле моста стоят черные «Волги», военные и штатские в черных плащах. С этой стороны черные «Мерседесы», военные и штатские тоже в черных плащах. Шпионов выпустили одновременно. С советской стороны по мосту пошел негр в ватнике. А с турецкой стороны — Боря Чиж (Мераб пропустил его первым). Посредине моста, когда шпионы поравнялись, Боря подмигнул негру. Негр улыбнулся. А когда Боря оказался на советской стороне, военные и штатские в плащах вдруг бросились к нему, стали обнимать и хлопать по спине.

Пошел по мосту и Мераб. Когда дошел до середины моста, все на советской стороне, включая Борю, расселись по машинам и поехали.

А советский пограничник опустил шлагбаум и сказал:

— Нельзя.

Мераб пошел обратно в Турцию, но и на турецкой стороне все расселись по «Мерседесам» и уехали. И турецкий пограничник опустил шлагбаум и сказал:

— Нельзя.

Справа турецкая граница, слева советская, а посреди моста сидит Мераб. Фильм заканчивается.

ПОГРАНИЧНИК, НЕ СТРЕЛЯЙ, БРАТ

Написали этот вариант финала и понесли в Госкино. Там спросили:

— Боря наш разведчик?

— Не знаем, может быть.

— Он еврей?

— Да нет вроде…

— А чего он семисвечники носит?

— Не знаем.

— А он что, голубой?

— Нет.

— А негру зачем подмигивает?

— Да бог его знает. Может, тот двойной агент.

— Нет, ребята, это надо согласовать с КГБ.

— Согласовывайте.

— Нет, вы. Вы авторы. Пока не согласуете, мы заявку не принимаем.

— Дайте мне номер телефона, по которому надо позвонить.

— Не знаем мы никакого номера. Сами выясняйте!

— Ну что нам, выйти на Лубянку и закричать: «Товарищи сотрудники государственной безопасности, как вы считаете, можно Боря подмигнет негру или лучше не надо?»

— Это, конечно, будет эффектно, но мы советуем проконсультироваться с ними каким-то другим способом.

Я опять позвонил Георгию Шахназарову и опять попросил помочь. На следующий день звонок. Низкий мужской голос:

— Георгий Николаевич, здравствуйте. Георгий Хосроевич сказал, что вам нужна наша консультация. Приезжайте. Мы пришлем за вами машину.

— А можно по телефону?

— Ну, давайте по телефону.

Я рассказал сюжет с новым финалом.

— У меня несколько вопросов, — сказал низкий голос. — С каким заданием едет этот ваш майор Чиж?

— Не знаем.

— А какие у него аксессуары?

— Это тоже не увидим.

— Тогда последний вопрос. А чего он негру подмигивает?

— Да так просто. Можем вычеркнуть.

— Не надо, пусть подмигивает. И последний вопрос, личный: а кто его будет играть?

— Олег Янковский.

— Все. Вопросов больше нет. Желаю удачи!

Этот вариант финала всем нравился. Но через какое-то время мы поняли, что главным героем становится разведчик Боря Чиж и такой финал уводит нас от темы: человек и граница. И мы от этого финала отказались. Но в Госкино были уверены, что этот вариант нам запретили в КГБ, и мы не могли никого убедить, что отказались от финала по собственной инициативе.

— Вам велели не говорить, что это они запретили, вот вы и не говорите. И правильно делаете…

В этом также был уверен и Олег Янковский. Он уговаривал меня:

— Георгий Николаевич, пойдите к Крючкову (в то время глава КГБ), убедите его.

— Олег, — говорил я, — у нас хороший финал. Но и этот тоже в фильм не вошел. Финал был такой:

Вена. Аэропорт. День. Маленький Голд (представитель Сохнута) держит в руках документы Якова Папашвили (старшего брата Мераба). А перед ним стоит Яков с семьей, женой Ингой и дочкой Наной.

— Женщина с ребенком могут пройти. А вы, извините, нет! Якоб Папашвили уже давно в Израиле! — заявляет Голд. (Он встречал Мераба, который прилетел по документам Якова.)

Инга посмотрела на Якоба. Якоб посмотрел на Ингу и вдруг взорвался. Сжав руку в кулак, он начал перечислять:

— Я его маму! Я его папу! Я его бабушку!..

— Извините, чью? — не понял Голд.

— Того, кто первый эти границы придумал.

Этот финал мы сняли, этим эпизодом заканчивалась копия, которую мы показывали в Доме кино. Но больше фильм с таким финалом никто никогда не увидел.

На следующий день после просмотра я приехал на «Мосфильм» и этот эпизод отрезал. И вот почему. Когда я смотрел фильм вместе со зрителями, то понял, что «Я его маму! Я его папу! Я его бабушку!.. Того, кто первый эти границы придумал» — в фильме понятно и без этих слов. А намного эмоциональней финал, когда Мераб, подняв руки над головой, медленно входит в воду. В одной руке у него кольцо, которое дал ему Семен. Он доходит до середины реки, останавливается и просит: «Пограничник, не стреляй, брат!» Никакого ответа. С той стороны только кроны деревьев под ветром тревожно шуршат, как предвестники беды…

И действительно, через несколько месяцев на том берегу зазвучали выстрелы. Они звучат и по сей день.

ИСПОЛНИТЕЛИ

Когда из Тбилиси приехали в Москву и начали снимать сцены в аэропорту Шереметьево, в первый же день к концу смены после спектакля на площадке появился Олег Янковский (по плану Олег снимался только через два дня) и спросил меня:

— Вам не кажется, что малиновый пиджак на Боре чересчур ожидаемый?

На костюм Бори был утвержден малиновый пиджак и шелковая рубашка.

— А что ты предлагаешь?

— Белый смокинг. Он же в Монте-Карло едет. И шить не надо, у меня есть.

— И будет актер Олег Янковский на Каннском фестивале.

— Не будет актер Янковский. Руки все в татуировках, зубы железные и верхние и нижние, как?

— Зубы не успеем сделать, в среду съемка.

— Фиксу наклею, рыжую, тоже хорошо.

— А может, он в спортивном костюме? — предложил я. — Вадим, как?

— Гия, оглянись, — сказал Юсов.

Я оглянулся. Среди прочих отъезжающих двое бородатых в папахах катили тележки с чемоданами, оба были в цветастых спортивных костюмах.

— Послезавтра съемка. Что будем делать? — спросил Олег.

— Пока малиновый пиджак.

— У вас завтра обеденный перерыв когда?

— Часа в два.

— Я подъеду.

Когда на следующий день во время перерыва я вернулся на площадку от начальника погранотряда (мы уточняли детали съемки), у камеры стояли Вадим Юсов, Саша Хайт, Катя Шишлина и разговаривали с мужиком в ватнике. Подошел.

— Все ребята, перерыв окончен! Ира, Янковский не появлялся?

— Появился, — мужик обернулся. — Вот он я! Боря Чиж теперь такой!

Передо мной стоял Олег Янковский в сапогах, в телогрейке поверх майки, в кепочке, на шее тоненькая золотая цепочка, в руке видавший виды, ободранный чемоданчик, перевязанный старым ремнем от брюк.

— Ну что, братья евреи, тоже на историческую родину собрались? (реплика Бори из фильма) — улыбнулся Олег, и во

рту у него блеснула рыжая фикса.

Пауза. Стою. Молчу. И все молчат.

— Георгий Николаевич, сразу не говорите — нет. Подумайте! — сказал Олег.

— А чего тут думать, — сказал Вадим. — Ему тоже нравится.

Так и покинул Боря Чиж родину: в сапогах, в телогрейке и кепочке. Он был обаятельным и опасным.

Семена Кляйна сыграл Армен Джигарханян. Сыграл скупо, но чувствовалось, что его герой человек со сложной биографией.

Прототипом Семена Кляйна был сибиряк Павел Липман, которого в тулупе и валенках мы с Резо видели во время поездки по Израилю. С самим Павлом мне встретиться не удалось, он был у дочери в Канаде. Саша Кляйн познакомил нас с его двоюродной сестрой, она тоже переехала в Израиль из Омска. Сестра рассказала, что после войны Павел вернулся домой героем. Работал начальником большой стройки. Был уважаемым человеком. Но пошла волна государственного антисемитизма, его уволили, выгнали из партии, и он смог устроиться только на должность ночного сторожа. Подал заявление на выезд в Израиль. Его лишили всех наград, и он уже считался не защитником родины, а предателем. К израильскому климату Павел привыкнуть не мог. Слишком жарко! Поэтому устроился работать в рефрижераторе. Тосковал.

Сеню мы писали на Евгения Леонова. Но тогда у Жени случился сердечный приступ, и врачи категорически запретили ему ехать на съемки в Израиль. Но с тем, что в фильме вообще не будет Леонова, я смириться не мог и уговорил Женю сыграть маленькую роль привратника в советском посольстве в Вене.

Ингу, жену Яши, сыграла Наталья Гундарева. Когда я предложил ее на эту роль, Саша Хайт удивился:

— Наташа типичная русская, а Инга еврейка!

— Наташа Гундарева кого угодно сыграет! — сказал я.

Я чувствовал себя ее должником. Когда мы с Игорем Можейко (Киром Булычевым) писали сценарий «Слезы капали», он посоветовал мне на роль подруги жены Васина пригласить Наташу Гундареву.

Я сказал, что Наташа для меня настолько жена Бузыкина, что я не могу представить ее в другой роли. И на эту роль мы пригласили Нину Русланову. А потом мне сказали, что Гундарева очень переживает, что я ее не пригласил. Откуда она узнала, что мы о ней говорили? Кто-то доложил. Я позвонил Наташе, сказал, что я ее не пригласил, потому что думал, что сыграть такую маленькую роль будет для нее неинтересно.

— Меня это очень расстроило. Я поняла, что вы мне как

актрисе не доверяете, — сказала она.

А сейчас, когда я предложил ей сыграть Ингу, она спросила:

— Это потому, что тогда не позвали?

— Нет, Наташенька. Это потому, что я тебе стопроцентно доверяю.

В фильме Наташа говорила без акцента, не жестикулировала руками во время разговора (как это принято, когда рассказывают анекдоты про евреев), в ее пластике и в построении речи было что-то неуловимое и совершенно достоверное. Во Франции, в Израиле и в Америке не сомневались, что Ингу играет еврейка.

Боря Чиж *(Олег Янковский)*
и Яша *(Жерар Дормон)*

Боря Чиж

Блатного Дода, приятеля Бори Чижа, сыграл Леонид Ярмольник. (Перед ним я тоже чувствовал себя должником.) В 85 году Леня был утвержден на роль продавца космической пыли в фильме «Кин-дза-дза!». Дважды мы возили его с собой в пустыню Кара-Кумы и по несколько недель держали там, но так и не сняли. Первый раз сгорела декорация, а второй раз в ту же декорацию утром, перед съемкой, въехал пьяный водитель лихтвагена. И поэтому никакого продавца космической пыли в фильме «Кин-дза-дза!» нет. А в фильме «Паспорт» декорацию не сожгли, никто ничего не сломал и Дод с Чижом проворачивают свои делишки.

Между прочим. Когда после пяти лет работы па мультфильме «Ку! Кин-дза-дза» мы оказались в цейтноте и не было никаких шансов на финансирование, появился Леонид Ярмольник и помог. И фильм «Ку! Кин-дза-дза» вышел на экраны. И получил приз за лучший анимационный художественный фильм, так называемый азиатско-тихоокеанский «Оскар».

Моше, продавца женского белья на базаре в Тель-Авиве (в прошлом инспектора ГАИ), сыграл Маму-ка Кикалейшвили. Сыграл он смешно, много импровизировал. Снимали эпизод: Моше преподносит хозяину свадьбы подарок, вазу с родной

грузинской землей. На репетициях Мамука просто элегантно преподносил вазу, а когда снимали этот кадр, он с неожиданной для толстяка легкостью сел на шпагат.

Сестру дяди Изи сыграла всеми любимая Нина Мамиконовна Тер-Осипян (за глаза мы ее звали Мамиконовна). Перед выездом в Израиль она пришла ко мне в кабинет и спросила:

— Георгий Николаевич, а смогу я на свои суточные купить в Израиле кожаные джинсы?

— Думаю, да. А вам для кого?

— Для себя!

Нине Мамиконовне на тот момент было 79 лет.

Отца Якова и Мераба Папашвили сыграл Леван Пилпани. Когда Константин Александров увидел его первый раз на экране, он спросил:

— Взяли настоящего крестьянина? (Настолько Леван Пилпани был убедительным.)

— Да. Колхозника.

— Способные у вас колхозники.

В Москве Мераб со своим приятелем Васей попали в милицию. Инга (жена Яши) пришла в милицию их спасать. Она предъявила дежурному авиабилет и выездные документы мужа (на черно-белых фотографиях Мераб и Яша — одно лицо).

— Товарищ капитан, самолет в 9.05, — сказала она. — Опоздает! Один дурак вовремя не уедет, эти евреи опять шум поднимут. ООН, «Голос Америки», права человека. Нам это надо?

— Ну, ладно, пусть едет, — сказал дежурный.

— Товарищ капитан, а второй?

— Василий Кузьмич? Он что, тоже в Израиль?

— Нет, Василий Кузьмич — главный раввин Московской области.

А через какое-то время к Васе выяснять отношения пришел настоящий раввин. Настоящего раввина сыграл Игорь Кваша.

Инга — Наталья Гундарева

Дядя Изя с сестрой —
Яков Бен-Сира и Нина Тер-Осипян

Сеня Кляйн — Армен Джигарханян

Мераб, Боря Чиж и Дод —
Жерар Дормон, Олег Янковский и Леонид Ярмольник

Шпагат на свадьбе. Мамука Кикалейшвили

Между прочим. На съемочной площадке первый раз мы с Игорем встретились в 57 году. В короткометражном фильме «Тоже люди» он пробовался на роль французского солдата. Но не прошел. Слишком молодо выглядел.

РАЙОННЫЕ ФИЛАТЕЛИСТЫ

График работы на этой картине был напряженный: шестидневная рабочая неделя в две смены. За восемь недель мы должны были снять уйму объектов, раскиданных географически: Грузия, Москва, Вена, Израиль, Синайская пустыня.

Начали снимать в Грузии. За неделю сняли все, что было запланировано, включая израильские объекты (сцену в подземном гараже и в голландском посольстве).

В Москве мы начали снимать со сцены: Яша с семьей уезжает в Израиль, Мераб его провожает (снимали в аэропорту Шереметьево). В аэропорту Мераб хочет выпить с братом на прощание шампанского. В буфете с нашей стороны шампанского нет (антиалкогольная кампания), а за паспортным контролем есть все. Мераб по документам брата (они очень похожи) проходит паспортный контроль, покупает бутылку шампанского, возвращается обратно, но его не пускают.

В аэропортах вообще снимать непросто, а в нашем случае было особенно сложно. Поскольку в то время немцам Поволжья разрешили уезжать на историческую родину. В ожидании своих рейсов немцы с детьми и со всем своим скарбом разместились на скамейках и на полу. Их было много. Ночевали они там же. Мы понимали, что, если к нам в кадр попадут спящие на полу люди, нашу картину за очернительство советской действительности закроют. Поэтому для каждой точки мы уговаривали всех подняться и переместиться. И так в течение шестнадцати часов раз десять (график был напряженный, работали в две смены). К концу первого съемочного дня мы люто ненавидели друг друга. Мы немцев, а немцы нас.

Для того чтобы снимать на погранично-паспортном контроле (ППК) и за ним, нужно было получить разрешение от начальника погранотряда аэропорта Шереметьево. За месяц до съемок мы дали ему сценарий. Он прочитал и сказал, что разрешения на съемки не дает.

— Хотите показать на весь мир, что советские пограничники настолько непрофессиональные, что граждан по чужим паспортам пропускают!

— У него паспорт брата, а они очень похожи, на фотографиях невозможно различить.

— На то он и пограничник, чтобы различать! Опять пришлось обратиться к Шахназарову.

В итоге разрешение на съемки на ППК аэропорта Шереметьево дал начальник пограничных войск КГБ СССР

генерал армии В. А. Матросов.

Для того чтобы снимать за государственной границей, мы до начала съемок сдали списки с паспортными данными съемочной группы и актеров, которые будут работать с той стороны границы, и нас туда пропускали строго по списку по общегражданским паспортам.

Начали снимать со сцены, как Мераб и Боря проходят паспортный контроль, а с ними иностранец с балалайкой и еще три человека. Юсов ставил свет. Рядом со мной стоял заместитель начальника погранотряда с нашим сценарием в руках. Сам начальник от огорчения, что нам разрешили глумиться над советскими пограничниками, на работу в тот день не вышел. Я убеждал заместителя, что ничего дискредитирующего пограничную службу в сценарии нет. Комедия. Все условно.

— А я вообще молчу. У меня — приказ.

— Мы готовы, — сказал Юсов.

— Приготовились к съемке! Мотор, камера! Начали! Паспортный контроль прошли Мераб, Боря и иностранец с балалайкой.

— Стоп! Давайте еще дубль!

— Секундочку! Товарищ режиссер, а какой штемпель ваш пограничник ставит? — спросил замначальника.

— Никакой, просто вид делает. В кадре только голова видна.

— Ставит, это слышно. Товарищ Янковский, — обратился он к Олегу, — можно посмотреть ваш документ?

— Пожалуйста, — Олег протянул ему свой «паспорт».

Замначальника взял его, раскрыл и посмотрел на меня.

— Так! Товарищ режиссер, а товарищ Матросов в курсе, что в вашей кинокомедии советский пограничник при прохождении ППК ставит в паспорта печать районных филателистов? Остановите киносъемку!

— Каких филателистов?

— А вот, читайте. Это уже не смешно!

В «паспорте» стояла треугольная печать с надписью: «Добровольное общество филателистов при Доме пионеров Фрунзенского района».

— Саша, откуда взялась эта печать? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами Саша. — Товарищ майор, эта печать не в кадре, ее не будет на экране.

— Не будет, говорите? Открываем сценарий, — он открыл сценарий на закладке. — Читаем: «Крупно. Рука пограничника ставит печать». Значит, печать этих районных филателистов народ все-таки увидит и прочитает?

— Этого кадра не будет — вы же не даете свой штемпель…

— Георгий Николаевич, извините, что отвлекаю, — сказала помреж Ира Фандера, — там уже чужие проходят!..

И мы увидели: от ППК отошел индус в чалме, с паспортом в руке, а в окошко протянул свой паспорт африканец, и выстроилась очередь, человек шесть.

Пограничная служба сработала четко. За несколько минут задержали и вернули обратно в Советский Союз тех, кто успел пройти наш ППК. Кроме индуса это были пожилая немка и священник из Твери. У всех троих в паспортах навеки стояла печать «Общества филателистов при Доме пионеров Фрунзенского района»!

Свой штемпель пограничники нам на полчаса все-таки дали. И кадр «Крупно: рука, паспорт, печать» в фильме есть.

Между прочим. Печать филателистов принес на съемку студент первого курса ГИТИСа, который играл роль пограничника. Он знал, что печать будет не видна, но она ему нужна была для самочувствия, чтобы было все по Станиславскому.

ДАНЕЛИЯ МЕРДО!

В советском посольстве в Вене прочитали сценарий и также, как пограничники, запретили снимать на своей территории.

— Высмеивать сотрудников советского посольства мы вам помогать не будем! — сказали нам.

Что делать? Завтра съемка.

— Гия, звони своему Шахназарову, — сказал Саша Хайт.

— Не могу, это уже неприлично. Давай искать похожее здание.

К вечеру нашли. Договорились. Когда вернулись в гостиницу, нам сказали, что звонили из посольства и просили перезвонить по такому-то номеру. Позвонили. Женский голос на том конце провода сообщил, что наш сценарий они еще раз внимательно прочитали и решили, что это комедия, все условно.

— Так что снимайте, как было запланировано.

— Посол, наверное, прочитал. Умный, — решили мы.

На следующее утро, когда начали снимать сцены у посольства, ко мне подошел дежурный дипломат и протянул записную книжку:

— Ваша?

— Моя.

— Вы вчера забыли на столе в приемной.

— Вот теперь все встало на место, — сказал Саша Хайт, когда дежурный отошел. — Раскрыли они твою книжицу, полистали и видят: на букву К — Крючков (председатель КГБ), на букву М — Матросов (начальник пограничных войск СССР), на букву С — Степанов (начальник секретариата министра иностранных дел), на букву Ш — два: Шахназаров (помощник президента) и Шеварднадзе (министр иностранных дел). И они поняли: с владельцем этой записной книжки лучше не связываться.

В тот день мы первый и последний раз поссорились с Жераром Дармоном. Снимали сцену, как Мераб лезет через чугунную ограду советского посольства, а австрийские полицейские пытаются его задержать. Жерар попросил снять этот кадр без репетиции. Включили камеру.

— Начали! — скомандовал я.

Жерар подпрыгнул, схватился за чугунные прутья, подтянулся и полез через ограду. Австрийские актеры в форме полицейских подбежали, схватили его за ноги и потянули. Жерар начал кричать и брыкаться. Он так истошно орал и так отчаянно лягался, а полицейские так правдоподобно отдирали его от ограды, что мне не хотелось останавливать камеру. А когда

наконец я скомандовал «стоп!» и «полицейские» отпустили Жерара, он содрал с руки часы, что есть силы бросил их об асфальт и, указав на меня пальцем, заорал:

— Мердо! Данелия мердо! — и убежал.

— Что с ним? — спросил я Зураба.

— Он возмущен, что вы не остановили съемку.

— А ты почему молчал?

— Я говорил, вы не реагировали…

Выяснилось, что австрийские актеры не изображали, что отдирают Жерара, а на самом деле что есть силы тянули его за ноги, и он еле удержался, чтобы не отпустить руки и не разбить лицо об асфальт.

— Тогда съемки остановились бы надолго, — сказал мне Жерар, когда я вечером пришел к нему в номер извиняться.

— А часы при чем?

— А часы так врезались мне в запястье, что казалось — кость сломают.

За все время съемок этот конфликт был у нас первым и последним. Работали мы дружно. Жерар доверял мне, а я ему.

Поймали!

Сотрудник советского посольства в Вене –
Евгений Леонов

СЪЕМКИ В ИЗРАИЛЕ

В Израиле первым ассистентом и главным моим помощником на площадке был Саша Кляйн. Группа работала быстро и четко. Никаких претензий у меня не было. Единственное, что меня раздражало, — это то, что у каждого члена группы была рация и любое мое распоряжение, ну, скажем, переставить кувшин, дублировалось и вызывало такую волну переговоров, можно было подумать: война началась, а всего-то надо было кувшин на втором плане подвинуть на полметра.

Завтрак был в 5 часов утра. Возле съемочной площадки ночью разбивали большой шатер и готовили пищу. Кормили очень качественно, быстро и независимо от ранга. К великой радости Юсова, менять точки съемок, как всегда, я не мог. Было свободно только то пространство, в направлении которого мы должны были снимать, а все остальное с вечера было занято шатром, машинами, техникой.

Работали, как и везде, в две смены. В шесть утра начинали снимать, снимали до десяти вечера. Но в Израиле на этом мой рабочий день не заканчивался. В гостинице меня ждали актеры, претенденты на эпизодические роли. С ними мы оговаривали костюмы и репетировали текст. Из-за того, что график съемок сдвинулся, актеров, отобранных для эпизодов, надо было набирать заново, почти всех (кто-то уехал, кто-то снимался в других фильмах). На следующий день опять завтрак на площадке в пять утра, независимо от того, на каком расстоянии находится от гостиницы эта площадка, и если площадка в тридцати километрах, значит, надо выезжать в четыре. А после съемок в гостинице меня опять ждали актеры. Выходной у группы был в субботу — шабат. А мы с Вадимом Юсовым, Сашей Хайтом и Димой Такаишвили ездили и выбирали натуру. Ассистента, с которым мы в прошлый приезд определили все съемочные площадки, Александров уволил, и он уже работал на другой картине в Австралии, а все карты и записи остались у него. Так что нам приходилось и натуру выбирать заново. А в воскресенье опять в пять утра завтрак на площадке и работа в две смены, а после съемки в гостинице ждут актеры.

Через три недели во время съемок я потерял сознание. Отвезли меня в больницу, пять часов исследовали: кровь, давление, узи, томографию, еще что-то. Собрали консилиум. Посовещались и поставили диагноз:

— Тотальное переутомление. Надо отдохнуть. Хотя бы месяц.

— А я-то думал, что-то серьезное, — обрадовался Саша

Кляйн. — Георгий Николаевич, сейчас в гостиницу и до трех отдыхаете. А в три едем проезды Сени снимать.

ЕВРЕЙСКАЯ ЦЕНЗУРА

Когда начали снимать в Израиле, я совершил необдуманный поступок. Собрал израильскую группу и спросил, нет ли в сценарии чего-нибудь обидного для израильтян.

— Мне важно, чтобы в нашем фильме этого не было.

И получил замечания.

— Все хорошо, — сказала Эсфирь, ассистентка по актерам, — только вот, когда Боря Чиж из Сохнута с Америкой разговаривает по телефону, у него сотрудник Сохнута Давид Голд отбирает аппарат и запирает в ящик стола. Не надо, чтобы Голд запирал. А то подумают, что евреи жадные.

— Правильно! — поддержали ее все. — Не надо!

— А у меня принципиальных замечаний нет, — сказал художник-декоратор Давид. — Только не надо, чтобы Сеня пил водку. Получается, что евреи алкаши.

— Георгий Николаевич, Моше, которого Мамука играет, — сказал механик по аппаратуре Реувен, — в Тбилиси был офицером полиции, а у нас на базаре женскими трусами торгует. Получается, что там у вас в Грузии евреи жили лучше, чем здесь!

— Не получается. У нас Тенгиз, друг хромого Альберта, ездит на «Мерседесе», — сказал я.

— Хорошо, что напомнили! — сказал реквизитор Моня. — У этого Тенгиза на лобовом стекле портрет Сталина наклеен. Можно подумать, что евреи обожают этого тирана, а это совсем не так. Портрет надо убрать.

А Саша Кляйн сказал:

— Георгий Николаевич не слушайте никого. Если все замечания выполнить, от сценария ничего не останется! Я бы только имя героя поменял. Мераб очень напоминает «араб».

— Правильно, — сказали все. — Очень напоминает. Но и этого я делать не стал. Как было написано, так и сняли.

ХОЗЯИН ВЕРБЛЮДА

Приехали снимать общий план тюрьмы в пригороде города Бершевы. Она стояла в пустыне, особняком. Установили камеру. Рядом с тюрьмой пасся верблюд. Переставили верблюда по кадру. Ждем солнца.

Как всегда, первыми появились любопытные мальчишки. Смотрят, ждут.

Подъехал бедуин на ослике. Остановился. Поздоровался и спросил по-английски:

— А Сталлоне привезут?

— Нет.

— В прошлый раз был.

— В прошлый раз были американцы, — сказал Саша Кляйн. (Почти все фильмы «Рембо» снимали в Израиле.)

— А это кто?

— Русские.

— А Гагарин приедет?

— Нет.

Из-за угла тюремной стены появилась женщина в темном платке и в длинной до пят коричневой рубахе, подошла к верблюду, взяла его под уздцы и повела. Израильская ассистентка Эсфирь побежала за ней и остановила. Женщина начала что-то громко выговаривать, размахивая руками.

— Чего она хочет? — по рации спросил Саша Кляйн.

— Не понимаю! — по рации сообщила Эсфирь.

— Зураб! Где Зураб?!

— Только что здесь был.

— Она говорит, что она жена хозяина верблюда, — перевел бедуин на ослике, — она деньги хочет.

Женщине заплатили. Она вернула верблюда на место. Пока торговались, солнце ушло.

— Можно и осла поставить рядом с верблюдом, — предложил бедуин. — Еще больше будет на Афганистан похоже.

— При чем тут Афганистан?

— Здесь всегда про войну в Афганистане снимают.

— Осел не нужен, — сказал Юсов. — И эта дама не нужна.

К верблюду шла другая женщина, в темно-красной до пят рубахе.

— Скажи ей, — обратился Саша Кляйн к бедуину, — чтобы шла быстрее. Она у нас в кадре.

Бедуин что-то крикнул, женщина пошла быстрее, подошла к верблюду, взяла его под уздцы и повела.

— Скажи ей, чтобы поставила верблюда на место. Бедуин что-то крикнул женщине. Она ответила.

— Говорит, верблюд устал. Пока не заплатите, не даст его снимать.

— Скажи, что мы за верблюда уже заплатили, если не вернет на место, я полицию вызову, — сказал Саша Кляйн.

— Вы заплатили третьей жене хозяина верблюда, а это первая.

— И сколько у него жен?

— Пять.

— И всем надо платить?

— Да, всем. А можно мне.

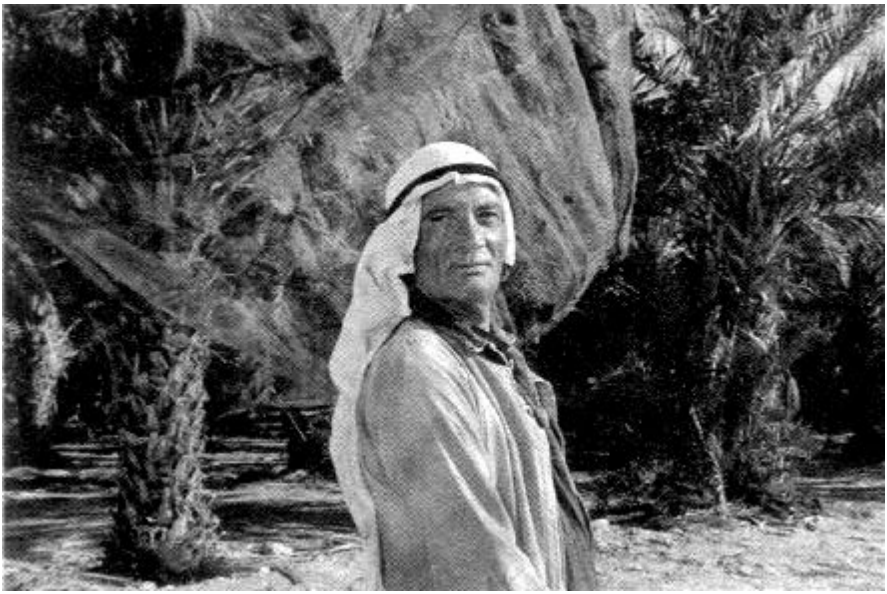
— А тебе за что?

— Я хозяин верблюда.

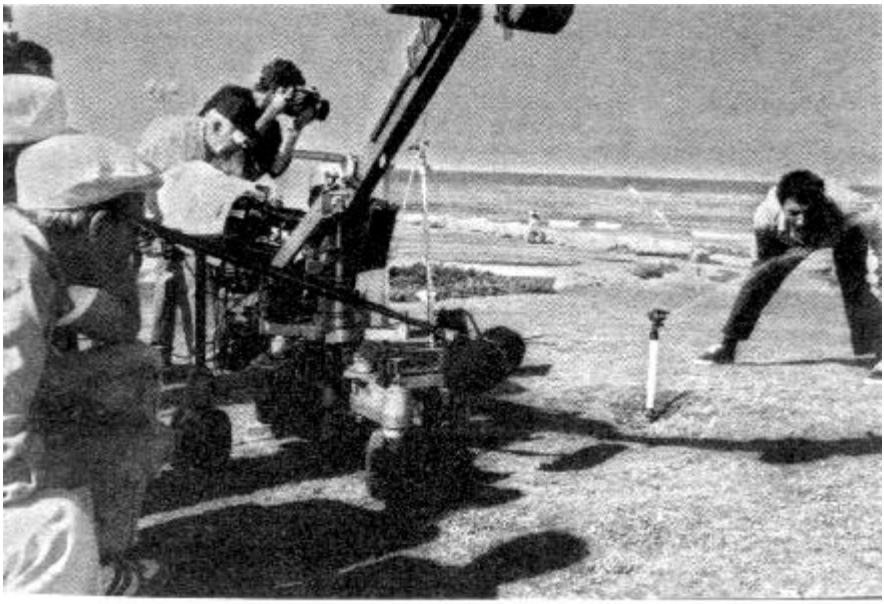
— А все-таки, где Зураб? — спросил я Сашу Кляйна.

— Не переживайте, Георгий Николаевич, рано или поздно появится.

Бедуин на ослике.
В роли бедуина *Георгий Данелия*. В роли ослика — личный ослик хозяина верблюда



Репетиция



Съемка

Зураб, я, Армен и Саша Хайт

ЗУБ ВЕРБЛЮДА

Я уже писал, что переводчиком на этом фильме со мной работал Зураб Качкачишвили. Зураб свободно говорил по-французски, по-грузински, по-английски, по-русски, на иврите и арабском. Переводил он идеально, но был у него и недостаток.

Съемочная площадка. Репетирую с актерами. Зураб переводит. Отвлекся. Нет Зураба.

— Зураб! Где Зураб?!

— Только что здесь стоял.

— Зураб! — вызывают его по рации.

— Бегу, Георгий Николаевич!

В тот день настраивались на съемку эпизода «Мераб прощается с Джейн» (Джейн играла израильская актриса Шэрон Брэндон). Юсов ставит свет. Механики укладывают рельсы. Саша Кляйн руководит массовкой. Я репетирую с актерами. Зураб переводит.

Подошел к Юсову, посмотрел в объектив. Обернулся — нет Зураба.

— Зураб! Где Зураб?!

— Только что здесь был, — сказала французская практикантка Софи.

— Георгий Николаевич, посмотрите, — Саша Кляйн показал мне наручники, которые принес реквизитор Моня для эпизода «Мераб приковался к ручке «Мерседеса» голландского консула».

— Подойдут или другие искать?

— Подойдут. Появился Зураб.

— Я здесь, Георгий Николаевич. Что надо?

— Зураб, для интенсификации производства фильма надо тебя этими наручниками к Георгию Николаевичу приковать, — сказал Саша Кляйн, — всегда будешь рядом, когда нужен.

— С превеликим удовольствием! Не будете гонять меня по всему Израилю с поручениями!

— Вот и прикуйся! Георгий Николаевич, не возражаете?

— Это моя мечта! — сказал я.

Так мы с Зурабом оказались «скованными одной цепью».

Репетируем. Подошел Гена Давыдов.

— Приковали? — весело спросил он. — Правильное решение. Зураб, там тебя спрашивают.

— Маленький в кипе?

— Маленький в кипе.

— После съемки пусть приходит, — сказал я. — Так, пошли актеры. Пошел Жерар! Стоп! Еще раз, пожалуйста.

— Георгий Николаевич, это за лекарством, — сказал Зураб. — Сейчас я тебе его дам, Гена, а ты передай, пожалуйста. Руку чуть-чуть опустите, Георгий Николаевич, я в карман не могу залезть, — Зураб достал из кармана маленький пузырек. — Гена, вот капли Вотчала (были такие советские капли, популярные среди выходцев из Союза). — Скажи, по двадцать капель три раза в день.

Гена взял пузырек и ушел. Снимаем. Появилась Нина Мамиконовна Тер-Осипян. В белых кожаных джинсах и в красной бейсболке. Скромно стоит в сторонке. Сняли два дубля. Меняем точку.

— Георгий Николаевич, отстегните меня на пять минут, пожалуйста, — сказал Зураб. — Я обещал помочь Мамиконовне мячики для бадминтона купить.

— В рабочее время?

— Завтра она улетает!

— Саша, отстегни Зураба.

— До обеда, господа, вы неразлучны. Ключ у Мони. А Моня уехал к Саше Хайту (Саша Хайт в городке Ашдод готовил завтрашний объект), — сказал Саша Кляйн.

— Далеко магазин? — спросил я Зураба.

— Да здесь рядом.

— Вы сами хотите пойти?! Ни в коем случае! — запротестовала Мамиконовна.

— Нина Мамиконовна, пять минут у Георгия Николаевича есть, — сказал Юсов. — Мы диг будем ставить. Иди, Гия.

И мы быстро пошли. Без привычки идти прикованным было не очень удобно.

— Георгий Николаевич, вы так рукой не размахивайте, Зурику больно! — сказала Мамиконовна.

— Стараюсь.

— Георгий Николаевич, извините, пожалуйста, мы вас обманули. Мячики для племянника мы еще вчера купили. А сегодня он обещал мне шекели на доллары поменять. Не хотел об этом при всех говорить, — сказал Зураб.

В то время в Тель-Авиве менялы обменивали шекели на доллары и доллары на шекели прямо на улице, почти открыто. В банке курс был намного ниже. Наш меняла, небритый пожилой мужчина в черной кепке с большим козырьком, какие в сороковых носили в Грузии, стоял возле газетного киоска.

Подошли, Зураб представил меня и Мамиконовну. Сказал, что мы люди в своей стране очень известные. Говорили по-грузински. Меняла сказал, что ему очень приятно иметь дело с такими клиентами. Сам он был из Кутаиси, звали его Иосиф.

— А правда, что Горбачев приказал все виноградники вырубить? — спросил меняла.

— Не слышали о таком приказе.

— Что он говорит? — спросила Нина Мамиконовна.

— Дорогая, я говорю, что поменяю вам по самому выгодному курсу, — сказал меняла по-русски. — Но если у вас большая сумма, надо будет поехать в другое место.

— Сумма не очень большая. Главное, чтобы фальшивых не было, — попросила Мамиконовна.

— Фальшивых, дорогая, у меня не бывает! Для вас персонально, я на каждой стодолларовой купюре свою подпись поставлю.

Мамиконовна открыла сумочку, достала деньги и протянула их меняле.

— Вот. Здесь тридцать четыре шекеля!

— Это все?

— Да, меняю все, — сказала Мамиконовна.

— Тридцать четыре шекеля — это двадцать семь долларов, — подсчитал меняла. Он взял у Мамиконовны шекели и протянул три купюры по десять. — Здесь тридцать долларов. У вас три найдется?

— Найдется, — сказал я. — Зураб, чуть-чуть руку опусти, — я полез в задний карман за бумажником.

До этого мы с Зурабом стояли так, чтобы меняле не видно было наручников. А тут он увидел. Посмотрел на наручники, на меня, на Зураба, на Мамиконовну, развернулся и пошел прочь. Мы — за ним.

— Подождите! Куда вы?! Вот ваши три доллара, возьмите!

— Пешкеш[3], — не оглядываясь, сказал меняла, прибавил шагу и скрылся за углом.

— Он подумал, что мы сбежавшие бандиты! Нельзя так ходить, — сказала Мамиконовна. — Георгий Николаевич, давайте найдем какого-нибудь кузнеца, и он вас раскует.

— Некогда, Нина Мамиконовна, — сказал Зураб. — График нарушим!

Мимо ехало такси, я поднял руку:

— Такси!

— Вай! — простонал Зураб.

— Очень больно, Зурик? — спросила его Мамиконовна.

— Совсем не больно, Нина Мамиконовна. Видите — даже не покраснело, — сказал Зураб.

Такси остановилось.

— Зурик, спроси у таксиста, до Ашдода, туда и обратно, тридцать долларов хватит? Я ключ у Мони возьму и привезу.

— Вы их не найдете, — сказал я. — Это не в самом Ашдоде, а в окрестностях, как доехать, мы не знаем.

— Не нравится мне это все, — покачала головой Мамиконовна. — Георгий Николаевич, я вас очень прошу, вы на Зурика не сердитесь, пожалуйста, — попросила она на прощание. — Он мальчик отзывчивый! Всем всегда помогает!

— Не буду, Нина Мамиконовна.

Мы дали таксисту деньги и отправили Мамиконовну в гостиницу. А сами поспешили на площадку.

— Георгий Николаевич, не успел сказать, сегодня вечером мы идем на свадьбу. Морис пригласил. Он там поет.

— Не идем, Зураб. Вечером снимаем.

— Как?! Гамлет же телеграмму прислал, что не прилетит. (Гамлета играл американский актер.) Я Морису позвонил, сказал, что мы свободны. Подумал, наконец-то французы грузинскую свадьбу увидят!

— Если бы ты не исчезал, ты бы знал, что Саша Кляйн назначил на сегодня освоение ресторана.

— Надо срочно Морису звонить, предупредить.

Между прочим. Морис Джанашвили — знаменитый эстрадный певец. И было время, когда я предлагал его на роль Мераба. Константин не согласился.

Быстро перешли на другую сторону улицы к телефону-автомату. Свободной рукой Зураб опустил монетку.

— Георгий Николаевич, руку поднимите, — Зураб быстро набрал номер. — Мориса позовите, пожалуйста. Жду.

К нам подошел патлатый малый в мятых шортах и спросил меня по-английски:

— Вы русский кинорежиссер?

— Да.

— А это зачем? — он показал на браслеты. — Любовь?

— Нет, субординация.

— Не понял.

— Приказ Михаила Горбачева. Каждого выдающегося переводчика приковывать к шефу наручниками, — сказал Зураб.

— Зачем?

— Для интенсификации… Алло, Морис! — закричал Зураб в трубку. — Мы не придем. Кляйн, оказывается, съемку назначил! Извини, не могу говорить! — Зураб повесил трубку. — Все!

Мы быстро пошли. Малый увязался за нами.

— Извините, господа, а как этот приказ можно соотнести с вашей перестройкой и демократизацией? — спросил он.

— Никак. Извините, нам некогда, — сказал я. Малый отстал, а мы быстро, почти бегом вернулись на площадку.

— Хорошие у тебя «пять минут», Зураб, — упрекнул Саша Кляйн.

— Все готово, — сказал Юсов. — Можно снимать. Я взял мегафон:

— Приготовились к репетиции!..

— Мистер Зураб, — загремело из динамика по-английски, — подойдите к тонвагену, Париж на связи!

«Тьфу, черт!» Пошли к тонвагену. Зураб взял трубку. Звонил Константин из Парижа.

— Сейчас спрошу. Георгий Николаевич, он просит встретить в аэропорту его подругу.

— Дай трубку. Константин, это Гия. Может быть, кто-то другой встретит твою подругу?

— Гия, я прошу. Это Анжела. Застенчивое, робкое существо, а Зураба она знает.

— Ладно, встретит.

— Гия, еще раз дай Зураба, пожалуйста.

— Не дам, некогда!

— Очень прошу.

— На, только коротко, — я передал трубку Зурабу.

— Да?…Когда, завтра? Хорошо, — сказал Зураб.

— Что он хочет?

— Да так, мелочи…

Когда вышли, возле тонвагена нас ждали Катя Шишлина, Ира Фандера и сурового вида высокий араб в платке.

— Георгий Николаевич, извините, у нас к Зурабу вопрос, можно? — обратилась ко мне Катя.

— Нельзя. У нас сейчас съемка. Вернулись на площадку. Я взял мегафон.

— Полная тишина на площадке! Генеральная репетиция. Начали!

«Джейн, хватит за мной ходить…» — начал свой текст Жерар.

К Саше Кляйну подбежала израильская ассистентка Эсфирь и что-то зашептала ему на ухо.

— Ну, это уже совсем! — подумал я. И объявил в мегафон:

— Стоп! Жерар, замолчи! Мешаешь госпоже Эсфирь на ушко господину Кляйну шептать! Все, Эсфирь, мы создали все условия, не отвлекайся, продолжай!..

— Георгий Николаевич, ЧП! — взволнованно сообщил Саша Кляйн. — Только что по радио передали, что советский режиссер Данелия по личному приказу Горбачева ходит по Тель-Авиву прикованный полицейскими наручниками к агенту КГБ!

— Доигрались, — сказал Юсов.

— А еще сказали, — продолжила Эсфирь — что господин Данелия заявил, что в стране при Горби стало хуже, чем при Сталине.

Пауза.

— Это арабы! — сказал механик Алик.

— Что арабы?

— Арабы эту передачу организовали, чтобы вашу картину прихлопнуть! Давно об этом мечтают.

— Алик, это не арабы. Это я глупо пошутил, — сознался Зураб.

— Ты? Зачем?

— А кто знал, что этот кретин корреспондент?

— Эсфирь, какое радио это передавало? — спросил Саша Кляйн.

— Местное, — сказала Эсфирь.

— Тогда не так страшно. Георгий Николаевич, это радио никто не слушает, — сказал он.

— Кто надо слушает, — сказал Юсов. Пауза.

— Мисс Катя, извините, — по-английски сказал суровый араб, — я больше ждать не могу, у меня дела.

— Георгий Николаевич, понимаю, что не вовремя, но Максуд-Баба уйдет. Зураб, вот, — Катя показала Зурабу предмет в серебряной оправе, — талисман, зуб верблюда. От злых духов защищает.

— Сколько? — спросил по-английски Зураб.

— Двести шекелей, — мрачно ответил Максуд-Баба.

— Дорого, — сказал Зураб.

— Мужскую силу дает. Жены и не жены всегда довольны!

— Ну как, Зураб, берем? — спросила Катя.

— Георгий Николаевич, а как вы думаете? — обратился ко мне Зураб.

— Зураб, с того момента, как мы приковались, прошел всего час. За это время мы занимались каплями Вотчала, менялой из Кутаиси, французами для свадьбы, подругой Александрова и организовали эту идиотскую передачу на радио! А теперь остановили съемку и решаем, брать зуб для импотентов или не брать!

— Гия, не кипятись! Ребята тебе на день рождения подарок выбирают, — сказал Вадим Юсов.

— Ну, вот… не будет теперь сюрприза, — огорчилась Катя.

— Сто девяносто три шекеля — последняя цена, — сказал Максуд-Баба.

— Сто пятьдесят, — твердо сказал Зураб.

После обеда приехал реквизитор Моня и снял с нас наручники. Потом приехал Шпильман, исполнительный продюсер с израильской стороны, и сказал мне:

— Господин Данелия, я понимаю, очевидно, дома вы привыкли так работать, но Израиль — демократическая страна, у нас все обязаны соблюдать Женевскую конвенцию по правам человека.

— Хорошо. Ладно. Больше не буду.

И Шпильман уехал. Потом на площадку приезжали фотокорреспонденты и разочарованные уезжали, а вечером позвонил Сеня Черток (кинокритик, уехавший в Израиль) и спросил:

— Гия, я знаком с их главным редактором. Хочешь, попытаемся дать опровержение?

— Спасибо, не надо! Еще больше внимания привлечем.

На следующий день на площадку приехал советский дипломат Александр Оня (фамилия и имя условные). Он отвел меня в сторонку и спросил, что за треп про наручники.

— Просто дурака валяли, — ответил я.

— Я так и сообщил, что это фантазии желтой прессы.

Несколько дней мы ждали реакции. Реакции не было, и мы поняли, пронесло! Спасибо Александру.

Между прочим. В то время дипломатических отношений с Израилем не было, но группа израильских дипломатов работала в голландском посольстве в Москве, точно так же на территории финского посольства работали советские дипломаты в Иерусалиме. Отношения у нас с ними были прекрасные, они нам много помогали.

Когда закончился съемочный период, Саша Хайт стал вице-президентом Фонда детского кино Ролана Быкова, а Зураб стал вторым режиссером на этой картине и прекрасно организовал монтажно-тонировочный период.

А через много лет мы с Зурабом снова встретились. Я попросил его быть моим переводчиком, когда был членом жюри фестиваля телевизионных фильмов в Монте-Карло. На этом фестивале кинокритик из Израиля спросил:

— В свое время слышал, что во время съемок в Тель-Авиве вы наручниками приковали к себе переводчика. Господин Качкачишвили тот переводчик?

— Тот…

— Здесь бы ему тоже наручники не помешали. Нам еще повезло, что вы по-английски понимаете.

ИЗРАИЛЬТЯНЕ

За пять дней до конца съемок в Израиле, в шесть утра, во время завтрака в шатре, появился Шпильман и громко объявил, что израильская группа сегодня работает только до обеда. И пока Александров не переведет деньги за услуги, студия «Израиль-фильм» больше с ним не сотрудничает.

— Господин Шпильман, эту радостную весть вы могли бы сообщить после обеда. Мы хотя бы до обеда работали в хорошем настроении! — сказал я.

Шпильман уехал. Из тонвагена позвонил в Париж Константину, разбудил и рассказал об ультиматуме. Константин заявил с трагическим пафосом, что эти евреи выставили ему такие космические надбавки за переработку, что он подаст на Шпильмана в суд.

— А нам как быть? Сегодня с двух до трех мы должны снимать полицейский участок, а в режим — Гамлета у катера. И вообще, нам осталось снять в Израиле еще четыре сцены.

— А нельзя все это снять в России?

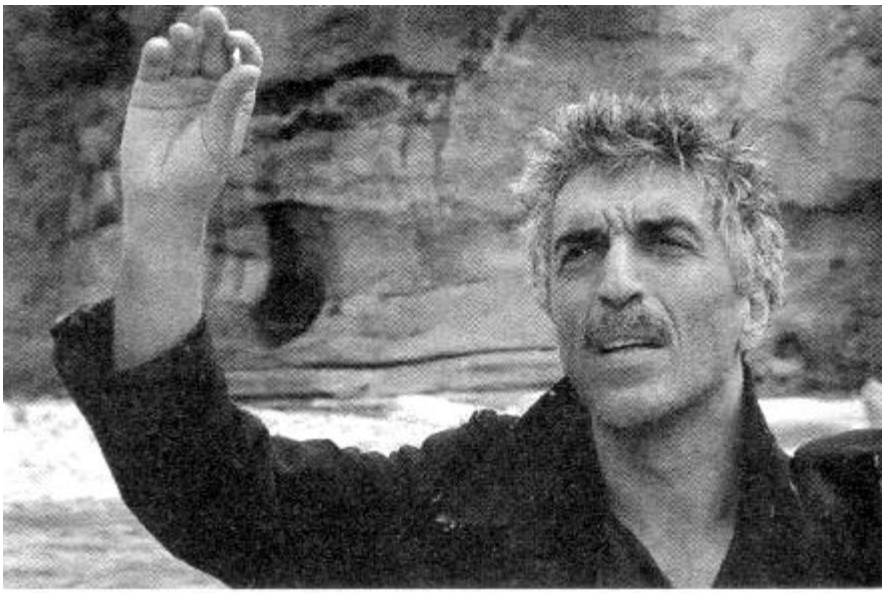
— Нельзя. Константин, если мы сегодня не снимем полицейский участок и Гамлета, их не будет в картине.

— Ладно, я постараюсь решить этот вопрос.

Между прочим. Съемки были плотно расписаны по часам и по дням. Если по каким-то причинам не успели снять объект, его уже в фильме не будет.

Когда я вернулся на площадку, ко мне подошел бригадир осветителей и сказал, что израильская группа будет работать сегодня до конца смены и завтра две смены. Бесплатно. А больше они по закону не могут. Так что полицейский участок и Гамлета у катера в тот день мы сняли. Спасибо израильской группе.

Между прочим. Деньги Константин взял в кредит у своего друга Джереми Даду. Фильм в Израиле мы досняли.



Пограничник! Не стреляй!

БОМЖПАКЕТЫ ДЛЯ ИЗВЕСТНОГО РЕЖИССЕРА

В конце съемок, чтобы закончить все формальности с «Израиль-фильмом», в Тель-Авив прилетел Константин Александров. Вечером он пригласил меня на ужин в ресторан и там со скорбным видом сообщил, что фильм не получился. Я объяснил, что по материалу трудно судить. Надо сначала отобрать дубли (во время съемок в Израиле мы дубли не отбирали, не было времени), смонтировать, озвучить, подложить шумы, музыку, и только тогда будет понятно, получилось кино или нет. Константин вздохнул и сказал, что фильм он уже смонтировал, за исключением двух последних сцен. Видеокассета у него с собой, можно посмотреть. Оказалось, что, пока мы снимали, Константин, не сказав ни слова, в Париже нанял монтажера, отобрал дубли и смонтировал фильм. И этот его шедевр мы посмотрели у меня в номере. «Непечатное слово!» — подумал я.

— Что молчишь, скажи что-то, — сказал Константин.

— Не могу понять, это так омерзительно, потому что склеено безграмотно, или вообще все плохо? Если ты решил учиться монтажу, мог хотя бы проконсультироваться!

— Мы монтировали по сценарию.

— И напрасно! Часто я импровизирую, меняю текст, сцены, а некоторые эпизоды вообще не снимаю. Не зная этого, мой материал смонтировать невозможно!

— По договору, ты обязан был снимать по сценарию.

— Тогда два варианта. Первый: ты подаешь на меня в суд. Второй: мы отбираем дубли, монтируем и через месяц привозим свой вариант.

Через месяц на «Мосфильме» в директорском зале мы показали черновой вариант монтажа с эскизами музыки Канчели Владимиру Досталю.

— Не знаю, как у французов, но у нас фильм есть! Поздравляю! — сказал Досталь.

Этот вариант мы согнали на кассету, я полетел в Париж и показал продюсерам. Когда фильм закончился, Филипп Раттон долго жал мне руку и сознался, что до сегодняшнего дня был уверен, что зря выкинул деньги. А Константин сказал, что это уже мы можем показать кое-кому из отборочной комиссии Каннского фестиваля.

— Константин, я к Каннскому фестивалю не успею, вы нам

еще не весь материал прислали, — сказал я.

— Жалко, — сказал Филипп.

— К Берлинскому успеваем.

По договору, французы должны были нам присылать контратипы негативов отобранных дублей, но делали это весьма неаккуратно.

Я дал продюсерам видеокассету:

— Очень прошу, склейте все так, как здесь, ничего не меняйте. А любые изменения мы вам будем присылать. Обещаете?

— Обещаем.

— И еще. Костя, подскажи, где найти в Париже китайскую лапшу.

— Нет проблем, Гия!

И прямо из офиса мы с Константином на мотоцикле поехали в Бельвиль покупать китайскую лапшу (во время пробок Константин часто ездил на мотоцикле).

Тогда, в конце восьмидесятых, в продуктовых магазинах совершенно опустели полки, даже в Москве.

Между прочим. В 87 году к Дню Октябрьской революции дирекция киностудии «Мосфильм» каждому объединению выделила праздничный заказ — одна венгерская курица, две банки болгарской кабачковой икры, коробка отечественных конфет фабрики «Красный Октябрь» и пачка чая «со слоном». Наше объединение (восемь человек) собралось, и мы тянули жребий.

Если раньше за рубежом я покупал вещи жене, детям, внукам, друзьям и знакомым, то теперь стал покупать еду. Один опытный человек подсказал мне, что от них надо везти не сыры и колбасы, а китайскую сухую лапшу в пакетиках, она дешевая, питательная и мало весит (сейчас эта лапша весьма популярна в нашей стране и называется «бомжпакет»).

Пакетики с лапшой действительно оказались очень дешевыми, и я купил сто штук. Их уложили в картонную коробку и заклеили скотчем. Константин сел за руль, я на заднее сиденье. Продавец положил картонную коробку мне на колени, я обхватил ее руками и сказал:

— Поскакали!

— Так я не поеду, — сказал Константин. — Держись зубами за мою куртку.

С кожаным воротником во рту, прижимая к себе картонную коробку с китайской лапшой, ехал я по Парижу, городу мечты моей юности! Когда выехали на Елисейские Поля[4], нас кто-то

подрезал. Константин резко затормозил. Я выставил вперед руки, чтобы не разбить нос о его шлем. Коробка упала на тротуар, скотч лопнул, и пакетики рассыпались. Константин поставил мотоцикл на подножку, и мы стали собирать все в коробку. Прохожие не обращали на нас внимания.

К нам подошел полицейский, показал пальцем на пакетики и спросил, что это. Константин объяснил. Полицейский взял пакетик, надорвал его, понюхал, бросил в коробку и попросил предъявить документы. Константин показал свои права, а я вспомнил, что паспорт оставил в гостинице. Полицейский сказал, что вынужден препроводить меня в участок, для выяснения личности. (Говорили по-французски, но к тому времени я почти все понимал.)

— Секундочку, — Константин извлек из кармана куртки газету «Пари Матч» и указал полицейскому на заметку, где среди знаменитостей, приехавших вчера в Париж, была и моя фамилия, — читайте, вот здесь написано: «В Париж прилетел известный советский кинорежиссер Георгий Данелия». Это вот этот господин.

Вчера утром, когда я прилетел в Париж, еще в аэропорту, Константин с гордостью показал мне эту заметку в газете, которую, наверное, сам и организовал.

Полицейский посмотрел на меня, на Константина, на коробку с китайской лапшой и спросил:

— Это вы известный режиссер из России?

— Да.

— Ну, ну, — сказал полицейский и ушел.

А мы продолжили собирать «бомжпакеты».

ОЗВУЧАНИЕ — ДУБЛЯЖ

По договору, должно было быть два варианта фильма: Константина, где все говорят только по-английски, и наш, где все герои говорят на языках, на которых они говорят по сюжету. Мы потратили немало времени и сил на укладку и дубляж.

Наши актеры озвучивали себя сами. Сложности были с Джейн и дядей Изей. Джейн играла израильская актриса Шэрон Брэндон. Она снималась на английском, а в фильме должна была говорить на ломаном русском. Обычно, когда наши актеры делают какой-нибудь акцент, всегда чувствуется фальшь. Поэтому я попросил пригласить на озвучание кого-то из носителей языка. Пригласили английскую журналистку, по-русски она говорила плохо. Мы попросили ее выучить текст и постараться говорить по-русски чисто, без акцента. Она выучила и очень старалась, и акцент у Джейн получился именно такой, какой надо.

Дядю Изю сыграл знаменитый израильский комик Яков Бен-Сира (он говорил на иврите). Дублировать его я попросил пригласить нашего Геннадия Хазанова.

— Сняли другого актера, а Хазанова зовем озвучивать? Не согласится, — сказала Таня Саулкина (ассистент по актерам).

— А ты попробуй.

— И чем я его заинтересую, нашей ставкой? Позвоните сами, Георгий Николаевич.

Я позвонил. Геннадий согласился. В назначенный день ровно в восемь утра Хазанов был на тонстудии. Озвучивал полную смену (восемь часов). Искал слова, точные интонации, предложил уйму вариантов. Получилось хорошо. Я поблагодарил Геннадия, и мы попрощались.

На следующий день приезжаю на озвучание, а там уже меня ждет Хазанов.

— Георгий Николаевич, можно кое-что интересней сделать. Понимаю, у вас график, но, если будет окно, давайте перепишем.

— Зачем ждать «окна»? Прямо сейчас и начнем, — сказал я.

Писали почти до конца смены. Геннадий, как и вчера, все время искал. Переписали все, что записали до этого. И не напрасно! Получилось еще лучше!

На следующий день приезжаю, там опять Геннадий.

— Не пугайтесь! Я всего на пять минут. У меня самолет в 10.15, я в Уфу на концерт лечу. Георгий Николаевич, думаю, будет точнее, если дядя Изя на свадьбе закричит не «стойте, господа!», а «стойте, евреи!».

У Геннадия действительно не было времени, и мы

переписали только одну реплику.

Но самым сложным было озвучание Мераба. Во время съемок Жерар говорил по-английски, а у нас в фильме Мераб должен был говорить по-грузински, по-русски и кое-где по-английски. Мы понимали, что, если где-то будет озвучено не синхронно, фильм можно считать не состоявшимся. И поэтому скрупулезно, не допуская ни малейшей оплошности, записывали эпизод за эпизодом. Мы старались сдублировать так, чтобы даже у специалистов было впечатление, что звук записан синхронно.

Мераба и Яшу озвучил грузинский актер Мурман Джинория. У Мурмана такой же бархатистый баритон, как и у Жерара Дармона, и, где Жерар говорит по-английски, мы оставляли оригинальную запись.

Когда фильм вышел на экраны, никто не верил, что актер, который играет Мераба, не грузин. Даже в Грузии. И кто-то распространил слух, что истинная фамилия Жерара Дармона — Жордания. Ибо Жерар Дормон внебрачный внук Ноя Жордания. (Ной Жордания — лидер грузинских меньшевиков.)

И это не только потому, что Мурман Джинория его так великолепно озвучил, но и потому, что Мераб в исполнении Жерара Дармона ходит, стоит, садится, жестикулирует точно так, как это делал бы грузинский таксист. Жерар многое увидел, когда был в Тбилиси (ну и я ему кое-что показал).

ФРАНЦУЗСКИЙ ВАРИАНТ

Композитором на фильме «Паспорт» был Гия Канчели, свою музыку он записал с большим оркестром, и копию мы отправили в Париж. Дня через три позвонил Константин и говорит, что музыка не подходит.

— Как не подходит? Мы здесь этой музыкой хвастаемся, даем всем слушать.

— Костя наверняка опять все склеил по-своему! — сказал Зураб.

И мы с ним полетели в Париж. Сели смотреть. Посмотрели. Зураб оказался прав. Константин склеил все по-своему. И естественно, не все музыкальные номера оказались на своем месте. Так, музыка, написанная для пролета над горами, лесами и церквами в их монтаже, оказалась на кладбище. А самого пролета вообще не было.

И еще, с первого же кадра мне стало не по себе. И отец, и Инга, и дочка, и проводник, и Моше, и Сеня говорили по-французски, с прононсом и картавя, чужими, незнакомыми голосами. Для меня это было настолько фальшиво, что я с трудом досмотрел до конца. Я спросил Константина, нельзя ли, чтобы и во Франции в кинотеатрах шел многоязычный вариант, с субтитрами? Константин ответил, что с субтитрами во Франции не принято. Что поделаешь? Слава богу, мои родственники, друзья и знакомые этот вариант не увидят никогда.

Мы показали Константину наш вариант с подложенной музыкой (кассету мы привезли с собой).

— Так лучше?

— Так лучше.

— Тогда так и монтируй. Только обязательно точно так.

И мы улетели.

Через несколько дней Зураб радостно сообщил: из Парижа звонил Константин и сказал, что наш фильм берут на Каннский фестиваль в программу «Перспективы французского кино». И он приглашает меня на неделю в Канны, оплачивает гостиницу, билеты и суточные.

— Он хотя бы что-нибудь поправил в этом своем варианте? — спросила Таня Егорычева (мой постоянный монтажер).

— Говорит, не успел.

Я позвонил Константину, попытался его убедить не показывать свой вариант на «Перспективе», а набраться терпения и показать на Берлинском фестивале наш, многоязычный.

— Если я скажу Филиппу и Жерару, что мы не едем на

Каннский фестиваль, они меня кастрируют, а потом сами повесятся!

Французский вариант фильма представлять на Каннский фестиваль я не поехал. Мало того, я позвонил всем членам нашей делегации и попросил, чтобы они там фильм «Паспорт» не смотрели. Не исключено, что я был не совсем объективен. Олег Янковский, который принял приглашение Константина и побывал на этом фестивале, сказал, что просмотр прошел неплохо, была хорошая пресса, а в разделе «Перспективы французского кино» фильм «Паспорт» получил главный приз.

Между прочим. Сейчас я понимаю, что Константин Александров был неплохой продюсер. Человек способный и со вкусом, он ни разу не предложил мне снять то, что не соответствовало моему стилю. После того как фильм был готов, мы с ним подружились.

ЧЕРНУЮ ИКРУ — ЛОЖКАМИ!

В октябре 1990-го меня пригласили в Одессу на фестиваль «Золотой Дюк». Перед этим я решил поехать в Астрахань, где режиссер Никита Орлов снимал фильм нашего объединения «Призрак». Якобы по работе. А на самом деле порыбачить. Там работали мои друзья — директор фильма Эдик Белоусов и его заместитель Гена Давыдов. Они предоставили мне лодку, удочки, спиннинг, и я с раннего утра до вечера ловил рыбу. Вечером отдавал улов в ресторан, там рыбу жарили, и я всех угощал, а меня угощали черной икрой (браконьерской).

А было время, когда я ел черную икру ложками. В 43-м году, мне было тринадцать лет.

Мою маму, меня и нашу домработницу Наташу война застала в деревне Дигоми, под Тбилиси. Там мы каждое лето отдыхали у сестры моей мамы Верико Анджапаридзе. Отец в то время под Москвой строил под землей секретные объекты. В мае 43 года из Москвы в Тбилиси приехала мамина подруга Катя Левина (кинокритик) и рассказала, что отец от нас скрывает, что очень болен, у него открытая форма туберкулеза.

— Как он там один? — заволновалась мама.

И решила ехать в Москву. Одна. А мы с Наташей должны были остаться в Тбилиси.

— Мама, я тебя одну, беззащитную, не пущу! Если ты меня с собой не возьмешь, я в Москву пешком приду, — пригрозил я.

Мама понимала, что это не пустые слова, она знала, что я со своим другом Шур-Муром готовился бежать на фронт и только чтобы не бросить ее одну в Тбилиси, в последний момент отказался от этой затеи. И мама взяла меня и Наташу с собой.

Родственники и друзья в дорогу собрали нам десять бутылок водки, сказали, что под Мичуринском (на юге России) водку можно выгодно поменять на сливочное масло (лучшее лекарство для больных туберкулезом).

Мой дядя Миша Чиаурели достал нам три билета в мягкий вагон, и мы поехали к папе в Москву. Поезд был набит битком. Пассажиров было много. Купе забиты, багажные отделения тоже. Люди ехали в коридорах, в тамбурах, на крышах. На всех станциях подсаживались. В наше купе в итоге набилось девять человек. До Москвы ехали восемь суток.

Проводник предупредил:

— В окно не высовывайтесь и ничего не хватайте, граждане.

И объяснил, что на крыше немало бандюг. Они на палочке с веревочкой спускают папиросу или бутылку портвейна в авоське,

человек открывает окно, высовывается, тянется за предметом, его хватают, вытягивают на крышу поезда, раздевают и выбрасывают на ходу.

— В нашем поезде двоих дернули и выкинули.

Ехали через Баку и Махачкалу. Медленно, с большими остановками. Иногда стояли сутки, двое. Чем дальше отъезжали, тем больше появлялось разрушенных зданий, нищих, инвалидов на колясках, беспризорников (мальчишек и девчонок). У беспризорников на шее висела банка на веревочке из-под тушенки (ее Америка присылала по ленд-лизу). Самая большая их ценность. В эту банку пассажиры бросали им остатки еды.

На пятый день за окном поплыли разрушенные города, станции, мосты. По восстановленным наспех мостам ехать было страшно, казалось, что летишь в воздухе. Восстанавливали их скупо, без ограды, только узкую проезжую часть.

На станции разрушенного города Мичуринска мама поменяла две бутылки водки на масло. Когда поезд тронулся, к нам в купе пришли двое в форме НКВД (энкавэдэшники ехали в последнем вагоне, и им кто-то уже донес). Предъявили документы. Попросили маму показать наши вещи. Мама показала. У нас с мамой был один чемодан. Его вытащили из багажного отделения.

— А еще какие ваши вещи?

— Еще тот, фанерный, — подсказала тетка, которая подсела в Орджоникидзе.

— Это не ее, это мой, — сказала Наташа.

— Там разберемся. Чемоданы забрали.

— Извините, товарищи, в чем дело, за что? — спросил Вахтанг Долидзе, администратор Театра Марджанишвили (он ехал в нашем купе).

— За спекуляцию.

— Гражданка, пройдемте, — энкавэдэшник взял маму за локоть.

— Руку отпусти, гад! — кинулся я к нему.

— Пацана уберите!

Долидзе обхватил меня руками.

— Пустите, — я начал вырываться.

— Гиечка, ты не волнуйся, — крикнула мама, — я сейчас все объясню, и меня отпустят.

И маму увели.

— Гия, сядь и сиди спокойно. Я все улажу. Наташа, последи за мальчиком.

И Долидзе ушел.

«Уладит он! Я сам все улажу! — думал я и старался не заплакать. — Сейчас все успокоятся, возьму наган, и они на

коленях у меня будут ползать, прощение у мамы просить…»

У меня в сумке под сиденьем лежал завернутый в майку наган. Этот наган я выменял на бутылку чачи в Тбилиси, в госпитале у раненого. Отдать жизнь за маму я мог в любую секунду.

Вернулся Долидзе с военным летчиком, со звездой Героя Советского Союза на груди.

— Вот этот мальчик.

— Тебя как зовут?

— Гия.

— А меня Володя. Газета о награждении отца у тебя есть?

— У мамы в сумке, а сумку забрали. И маму…

— Я знаю. Пойдем, Гия, за мамой, и газету заодно почитаем.

Мы отправились в последний вагон к энкавэдэшникам. За нами пошла и Наташа.

— А ты куда? — спросил Долидзе.

— Как куда? Я не могу мальчика одного оставить.

— Но он же с нами!

— А я вас плохо знаю.

Путь был нелегкий. Все проходы были забиты пассажирами. И если бы не звезда Героя на груди Володи, до последнего вагона мы вряд ли бы добрались. Когда добрались до последнего вагона, энкавэдэшники вскочили и отдали честь.

— Здравия желаем, товарищ Герой Советского Союза!

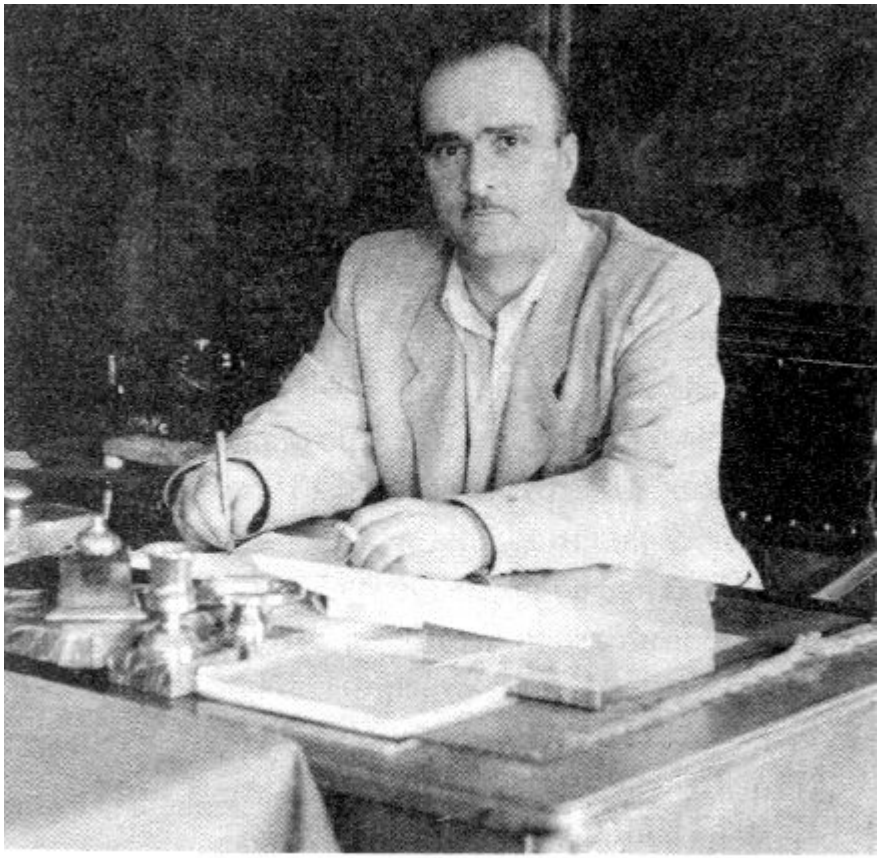
Маму отпустили. Вещи, водку и масло вернули и пообещали не мешать выменивать водку на лекарство для больного фронтовика.

В свой вагон возвращались на остановке, чтобы не тащить чемоданы по головам.

— Как все-таки у нас уважают Героев Советского Союза, — сказала мама.

— Меричка, Володя не только Герой. Володя — сын Анастаса Ивановича Микояна. Они это наверняка знают.

Между прочим. Анастас Иванович Микоян по значимости был в СССР третьим человеком. Сталин, Молотов, Микоян…



Николай Дмитриевич Данелия — отец

Мама — Мери Ивлиановна Анджапаридзе и я

Когда приехали в Москву, отец нас встретил без ордена, в

больничной пижаме (сбежал нас встречать из госпиталя). Я растерялся. В мечтах я его видел в военной форме, с орденом на груди. Мне хотелось похвастаться. Да, было время!..

А про икру-то я ни слова не сказал! Забыл. Увлекся! Около Махачкалы мама вышла и поменяла пачку соли на ведро совсем свежей, еще не соленой черной икры, и мы два дня ели эту икру всем купе. Ложками. Испортиться она не успела.

НАРОДНОГО АРТИСТА СССР — В УРНУ!

Ночью звонит мне из Одессы представитель «Мосфильма» на фестивале «Золотой Дюк». Извиняется, что так поздно, но так соединили, и возмущенно сообщает, что они здесь, на этом фестивале дискриминируют «Мосфильм». Фонду Ролана Быкова для самого Быкова выделили двухэтажный номер с сауной и бильярдной, а «Мосфильму» для Георгия Данелия дают одноэтажный, без сауны и бильярда.

— Георгий Николаевич, может, вам вообще не стоит приезжать на этот фестиваль? Подумайте.

И я подумал. Здесь Великая река, лодка, удочка. Встаешь на рассвете, спокойно, красиво, тишина, а там одноэтажный номер без сауны и тусовка. И решил, что фильм «Паспорт» прекрасно могут посмотреть и без меня. И сдал авиабилет на Одессу.

А в тот же день вечером по телевизору среди прочих новостей объявили, что в Одессе на фестивале «Золотой Дюк» будут отмечать 60-летие режиссера Данелия (25 августа 1990 года мне стукнуло шестьдесят, никогда не думал, что доживу до такого почтенного возраста).

— Георгий Николаевич, надо лететь, — сказали все.

На следующий день Гена Давыдов поехал в аэропорт менять билет с моим паспортом и удостоверением. В этом году я получил звание «Народный артист СССР» и удостоверение, которое подписал Президент СССР Михаил Горбачев.

В кассах билетов на Одессу не было. Гена пошел к дежурному администратору, спросил:

— Может, для этого товарища найдется местечко? — и положил на стол перед ним мое удостоверение.

Администратор взял синюю книжицу, раскрыл, прочитал, закрыл.

— Пойдемте.

Они вышли в зал для пассажиров, администратор подошел к урне, бросил в урну мое удостоверение и плюнул.

— Вот так вот! — сказал он Гене, развернулся и ушел.

Гена извлек из урны мое оплеванное удостоверение, протер платком и опять пошел к администратору. Постучался, вошел.

— Ну, что еще?

— Билет на Одессу нужен.

— Этот антихрист страну до ручки довел, виноградники все вырубили, зарплату не платит, люди голодают, за водкой до

смерти давятся! А я должен билеты для его жополизов искать?! Не дождется! — гневно произнес администратор.

— Ты «Мимино» смотрел? — спросил Гена.

— Смотрел, а что?..

— Это он снял. Данелия.

Летел я в Одессу в кабине с летчиками. Рассказывал, что в фильме «Джентльмены удачи» в цистерне не цемент, а подкрашенное тесто.

Между прочим. Сегодня, 1 февраля 2014 года, каждый россиянин может поехать куда хочет, говорить что хочет, писать что хочет, читать что хочет, смотреть и слушать что хочет, спать с кем хочет и на рубли покупать что хочет, если они есть. Всех этих свобод до конца восьмидесятых не было. А в том, что они появились, немалая заслуга Михаила Сергеевича Горбачева. И я доволен, что в моем удостоверении «Народный артист СССР» стоит его подпись.

Я лично знаком с Горбачевым. И одна встреча была особенно памятной. Расскажу о ней.

ПАНТАЛОНЫ

В 2012 году летом в Москве в Доме кино мне вручали приз «За вклад в киноискусство». Мы с моим закадычным другом Юрием Ростом пошли его получать. Когда меня вызвали на сцену, со мной для страховки пошел и Юра. Ходить без палки мне уже трудновато. Меня поздравили и вручили вазу — большую и тяжелую. Раздались аплодисменты. Я поднял вазу, чтобы показать ее зрителям. Поднял руки и понял, что у меня сзади отстегнулись подтяжки. И почувствовал, как брюки ползут вниз…

— Юра, спасай! — шепнул я Росту.

Юра моментально все понял, обнял меня левой рукой и прихватил штаны сзади. Так, полуобнявшись, в позе нетрадиционников, мы прошли по сцене, но не в зал, а прямо на лестницу. Когда вышли на улицу, из здания напротив, где словацкое представительство, вышел первый и последний президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев.

— Михаил Сергеевич! — окликнул Рост. Горбачев обернулся.

— Мы вас приветствуем! — Юра радостно вскинул обе руки. (Они с Горбачевым друзья-приятели.) — Поздравьте Георгия Николаевича! Он приз получил! Гия, покажи.

Я поднял вазу.

— За вклад в киноискусство, Михал Сергеевич!

— Поздравляю! Георгий, у вас панталоны падают, — крикнул первый и последний президент СССР.

ЛАМПОЧКИ

Заодно расскажу уж и про мои встречи с первым президентом России Борисом Николаевичем Ельциным.

В декабре 1985 года первым секретарем Московского городского комитета КПСС (по сегодняшним понятиям — мэр Москвы) назначили Ельцина, высокого, спортивного, с упрямым взглядом и резким голосом. Он ездил в автобусах, стоял в очереди в магазинах и поликлиниках, выступал против привилегий. Таких простых и доступных начальников до этого мы видели только в кино (знаменитый кадр, как Ленин с рабочими и красноармейцами несет бревно по кремлевскому двору).

Весной 86 года Ельцин приехал на «Мосфильм». Ему показали студию, павильоны, декорации, а потом привели в кабинет директора на встречу с правлением. В члены правления входили худруки объединений (восемь человек), главный редактор, парторг и новый генеральный директор «Мосфильма» Десятерик Владимир Ильич, недавно назначенный и совсем не киношный человек. Ельцин сказал:

— Ну, что будем делать, товарищи? Директора снимать?

То, что Ельцин любит снимать руководителей и ставить на их место новых, все уже знали. Среди прочих он снял моего друга Сергея Купреева — первого секретаря Бауманского райкома — умного, талантливого человека, который много сделал для района, где я жил.

— А за что мы будем снимать директора? — спросил Сергей Федорович Бондарчук.

— За серое кино.

В то время в газетах, на телевидении и везде, во всех выступлениях только и говорили о том, какое безликое, серое советское кино.

— Борис Николаевич, этого директора только что назначили, и он еще не успел сделать никакого кино, ни серого, ни яркого, — сказал С. Бондарчук.

— Ну, ну, тогда подождем. А вы что насупились, на партию обиделись? — строго спросил Ельцин Десятерика. — На партию не обижаются.

Десятерик покраснел, засопел и опустил глаза. Мне стало неловко за него, а сам Ельцин как-то разонравился.

— Борис Николаевич, — обратился я к высокому гостю, — вот тут до вас к нам приезжал товарищ Гришин. Я его попросил помочь купить мне лампочки для фильма, над которым работал. Он ничего не сделал, и за это его сняли.

— Да? — без юмора спросил Ельцин. — А у меня другие сведения.

— Не знаю, какие у вас, но у меня достоверные…

— Данелия, подожди со своими лампочками, — вмешался Сергей Федорович Бондарчук, — Борис Николаевич, вы только что смотрели декорации к фильму «Борис Годунов». Какие впечатления?

Сергей, зная меня хорошо, понимал, что я могу ляпнуть еще что-нибудь в том же духе, и поменял тематику.

Между прочим. За несколько месяцев до Ельцина на «Мосфильм» приезжал первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин. По этому случаю в кабинете директора киностудии собралось начальство и ведущие творцы, всего человек сорок. При встречах творческого коллектива с высоким начальством выработался такой ритуал: мы, творцы, должны были себя как следует поругать, а потом что-то выпросить. Этим занялись. Мне было что просить. В то время я снимал фильм «Кин-дза-дза!» и для объекта «Торговый зал» мне нужно было для шлемов эцилоппов (полицейских) двести ярких лампочек. Но купить мы их не могли. Тогда директор фильма мог тратить наличными не больше пяти рублей. А все, что стоит дороже пяти рублей, мы должны были приобретать по безналичному расчету на складе номер три. На этом складе специальных лампочек для шлемов эцилоппов не было. Минут через сорок я решил, что покаялись мы достаточно и можно уже просить. Я взял слово и попросил Гришина отменить в Москве пятирублевый барьер. Гришин ответил, что все не так просто, как мне кажется. Все намного сложнее.

— А что тут сложного? Надо…

— Данелия, у нас регламент, — заткнули меня и предложили обсудить тему патриотизма в нашем кино.

И лампочки мне достал мой друг Лева Оников, инструктор ЦК.

Часа в четыре ночи звонит телефон, беру трубку:

— Товарищ Данелия?

— Да.

— Георгий Николаевич?

— Да.

— Это помощник Бориса Николаевича Ельцина. Извините за поздний звонок, у вас неправильный в справочнике телефон, трудно было найти. Скажите, пожалуйста, какие вам лампочки нужны? Какого типа и куда их доставить?

— Спасибо. Уже никакие. Фильм готов, скоро выйдет на

экран.

— Тогда с вашего разрешения лампочки я вычеркиваю, так?

— Так.

Весной 88 года мы с Галей пошли на мюзикл «Кете» в Театр оперетты на Пушкинской (люблю американские мюзиклы). После первого отделения, во время антракта, вышел на улицу покурить. Вижу, в сторонке стоит бывший первый секретарь МГК, бывший кандидат в члены политбюро, опальный Борис Николаевич Ельцин. Один. (За это время он успел поссориться с членами политбюро, и его сняли со всех должностей.) Подошел, поздоровался. Он посмотрел на меня и сказал:

— Вот, Данелия, не купил я вам лампочек.

Между прочим. Мне запомнился такой эпизод. XXVIII съезд КПСС. Ельцин кладет на стол перед Горбачевым свой партбилет. Спускается со сцены в зал. И под враждебный гул делегатов, с прямой спиной, не спеша идет к выходу.

ЗОЛОТОЙ ДЮК

В Одессе в аэропорту меня встретила представительница «Мосфильма» Света и радостно сообщила, что выбила для меня номер еще лучше, чем у Ролана Быкова! Тоже двухэтажный, тоже с сауной и бильярдной и не только, есть еще комната, где можно поставить стол для пинг-понга! Действительно, номер был огромный. На втором этаже спальня и бильярдная, а сауна, туалет и телефон внизу. Все очень неудобно.

На следующий день в фестивальном зале перед просмотром фильма «Паспорт» я стоял на сцене, а меня поздравляли с круглой датой, преподносили цветы и подарки. От Союза кинематографистов Украины я получил расшитую рубаху и особую горилку, от Одесского морского порта капитан-наставник подарил мне настоящий корабельный штурвал, от одесской еврейской общины раввин преподнес мне старинную Библию в красивом кожаном переплете, а от одесских грузин — жареного поросенка на блюде. Подарки я передавал тому, кто оказывался рядом. (Все, кто преподносил подарки, говорили речь и почему-то не уходили, а становились в ряд на сцене.) Тут я увидел, что маленькая девочка с огромным букетом идет по проходу к сцене. Я передал блюдо с поросенком тому, кто был рядом, и пошел навстречу девочке. В зале раздался смех и аплодисменты. Я оглянулся и понял причину смеха. Блюдо с поросенком оказалось у раввина!

На следующий день было заседание жюри. Заседали они в номере рядом с моим. Обсуждали громко, темпераментно, и, чтобы не подслушивать, я поднялся на второй этаж. Лег на диван и думаю. В жюри мои друзья-приятели. Если дадут приз, будет выглядеть, как подарок к юбилею. Это неприятно. Может, пойти сказать, чтобы не давали? Нет, это неприлично, а если им и в голову не приходило мне приз давать? Я понимал, что наш фильм к тому времени во многом потерял свою злободневность. Израиль перестал быть далекой планетой. Выехать туда и даже вернуться стало намного проще.

Слышу, внизу хлопнула дверь, уверенные шаги. Это пришел Юра Рост, который был членом жюри, сообщить, что я получил главный приз. Если бы я не получил этот приз, Юра вошел бы тихо, скромно.

— «Золотой Дюк»? — крикнул я сверху.

— «Золотой Дюк»! Только я тебя очень прошу, не комплексуй. Это никакой не подарок к юбилею. Были дебаты и тайное голосование.

Мне судить трудно, ни одного фестивального фильма я не видел. Говорят, там было два достойных фильмы молодых режиссеров, Димы Месхиева и Валеры Тодоровского (детей моих друзей). Но мне комфортней думать, что приз получил фильм «Паспорт» за свои достоинства, а не я за то, что не помер до шестидесяти.

СТАЛИН НА НЕБЕ

В августе, когда мы отмечали мое шестидесятилетие, в Москву прилетел Константин Александров и подарил мне набор великолепных инструментов для машины, шикарное кресло на колесиках и пригласил меня и Кушнерева отдохнуть в декабре в Таиланде. Билеты мы покупаем сами, а все остальное за его счет.

В декабре за сутки до вылета мы получили паспорта с визой. В тот же день я отправился в банк за деньгами. Хотя на моем счету во «Внешторгбанке» были доллары (гонорар за сценарий к фильму «Паспорт»), получить их до этого я ни разу не смог. На руки валюту выдавали только при наличии визы в паспорте и авиабилета, а паспорт и билет, как правило, выдавали к концу рабочего дня, в день накануне вылета, когда банк был уже закрыт. На сей раз запас времени у меня был. В банк я приехал за день до вылета, утром. Там уже образовалась длиннющая очередь, человек восемьдесят. Встал в хвост, спросил у соседа:

— А успеем до закрытия?

— А вы какой номер?

— В каком смысле?

— В очереди у вас какой номер?

— Никакого.

— Тогда надо записаться, вон товарищ стоит в кепке, он записывает.

Я подошел к товарищу в кепке, тот спросил фамилию, имя и отчество, записал в тетрадь и сказал, что мой номер 303.

— Так много? Это я не успею!

— Когда летите?

— Завтра утром.

— Можете успеть. По-разному бывает, кто-то не приходит, кто-то визу не получил. Приходите сегодня часов в пять.

Пришел к пяти. Слышу, выкрикивают:

— 311!

— Как 311? Немного опоздал! Извините, товарищи, я свою очередь пропустил, я — 303!

— Давайте проверим, — человек в шляпе открыл тетрадь.

— Как ваша фамилия?

— Данелия.

Человек полистал тетрадь.

— Извините, товарищ, вас в списке нет.

— Как нет? Я утром записывался.

— У кого?

— Ну, здесь стоял, высокий в кепке, лет сорока.

— А, это Шадрин. Он составляет второй список. Можете спокойно идти домой. До Шадрина сегодня очередь не дойдет.

На завтра в 6.30 утра мы с Кушнеревым вылетели в Бангкок. Летели долго, с посадкой в Ташкенте и Дели. Прилетели усталые. Прошли паспортный контроль, получили вещи, вышли в зал. Константина нет (он должен был нас встретить). Подождали полтора часа. Все прилетевшие разошлись. Остались мы вдвоем в большом пустом зале. Константин не появился. Что делать? Куда ехать? Кушнерев сказал, что Рая Каладжиева упоминала, где Константин остановился, но название отеля он не запомнил.

— Кажется, что-то связанное с обезьянами, — сказал Юра Кушнерев.

Подошли к такси-сервису Сказали диспетчеру:

— «Макака-отель». Есть такой?

— Нет.

— «Шимпанзе-отель»?

— Нет.

— «Павиан-отель»?

— Нет.

— «Горилла-отель»?

— Нет. Отошли к багажу.

— Георгий Николаевич, смотрите, Шкет прилетел! — сказал Кушнерев.

По залу шел худой серый кот, похожий на моего кота Шкета.

— Кысс, кысс, кысс, — позвал Кушнерев.

Кот взглянула на нас и, виляя попой, точно так же, как мой Шкет, не торопясь продолжил свой путь.

— Не обезьяны, а кошка, — сказал Кушнерев.

— Что кошка?

— Кажется, Рая сказала «Сиам-отель».

— А при чем кошка?

— Сиамская кошка.

— А если бы собака прошла, был бы «Пудель-отель»?

— Давайте, проверим, на всякий случай. Вернулись к такси-сервису. Спросили диспетчера:

— «Сиам-отель» есть?..

— Есть. Хотите заказать такси?

— Ну что, едем? — спросил Юра.

— А какие еще варианты? Если его там нет, вернемся в аэропорт и ближайшим рейсом на Москву(поселиться на несколько дней в гостинице в городе и начать разгульную жизнь мы не могли, у нас с собой было всего 190 долларов).

— О'кей, — сказали мы диспетчеру.

Сели в такси. Едем долго. Счетчик тикает, выскакивают

какие-то фантастические цифры, сколько это в долларах, мы не знаем. Спрашиваем у таксиста, он отвечает по-английски, но понять ничего невозможно, он говорит еще хуже нас. Если в «Сиам-отеле», нет Константина, хватит ли у нас денег, чтобы вернуться в аэропорт?

Добрались до «Сиам-отеля». Константин оказался на месте и очень удивился, что мы уже в Бангкоке, у него был записан номер рейса, который прилетал через пять часов. Константин расплатился с такси (всего тридцать долларов).

На следующее утро на такси мы поехали в Паттайю (150 км). Поселились в шикарной гостинице на берегу океана. Вечером отправились в парк, а там увидели такую картинку: под черным небом с чужими звездами, среди пальм — открытый бар, у стойки бара несколько туристов и стайка проституточек. Над стойкой бара висит позолоченная клетка, в клетке на жердочке сидит большой желтый попугай. Перед баром метрах в десяти боксерский ринг, на ринге два маленьких худеньких тайца старательно лупят друг друга. На деревянном помосте возле ринга на подушках по-турецки сидят музыканты в национальных костюмах и что есть мочи дудят в дудки и бьют по барабанам. Зрителей немного, пожилая американская пара и тайская девочка лет восьми с грудным ребенком на руках. А за проституточками, за попугаем, за рингом, за музыкантами с дудками, за пальмами в небе огромное нерезкое усатое лицо. Усатый подносит трубку ко рту, затягивается, выпускает дым.

— Сталин, — подумал я.

— Сталин, — сказал Кушнерев.

— Сталин, — сказал Константин.

А на небе по снегу уже бежали темные фигуры в тулупах и валенках, с винтовками наперевес и сквозь тайскую музыку донеслось слабое «Ура!».

Оказалось, что рядом с баром располагался большой открытый кинотеатр, а нам была видна тыльная сторона огромного экрана. Пошли посмотреть. Зал, человек на восемьсот, зрителей человек десять, на экране идет фильм Михаила Ершова «Блокада» с тайскими субтитрами.

На следующий день Константин нанял яхту. Вышли в море. Капитан раздал нам удочки, и мы наловили небольших рыбок. Жена капитана тут же с какими-то ароматными специями пожарила их. Было очень вкусно. А потом я решил поплавать. Вода была такая прозрачная, что казалось, дно совсем рядом. Были видны пестрые красивые рыбки. Отплыл от яхты метров сто. Лег на спину. Вдали какой-то остров с уютными горами, приветливое небо, прозрачная гладкая вода. Тишина. Помню,

тогда подумал:

— Вот сейчас я, наверное, счастлив.

В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых передовых говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но всё же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенною целью, и та направляет весь этот сор, куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается».

Федор Достоевский. «Бесы»

Между прочим. Молодой голубоглазый спецназовец с экрана телевизора объясняет, что бить прикладом автомата митингующих в лицо при наведении порядка нецелесообразно, в лицо надо бить дулом: кости черепа гарантированно ломаются.

Пока я снимал фильм, многое изменилось. Начал снимать в одной стране, а закончил в другой. Непонятной и чужой. 1991 год. На улицах полно нищих, беспризорников, бездомных, челноков, проституток, бандитов. Над Москвой повисла маслянистая, вязкая, коричневая злобная аура. В городе атмосфера страха.

12 ночи. Положил в карман куртки газовый пистолет. Пошел гулять с Булькой (моим керри-блю-терьером). На улице пусто. Где-то далеко стреляют, где-то воет милицейская сирена. Стою во дворе. Булька бегает. Слышу в подворотне гулкие шаги. Напрягся. Идет человек. Увидел меня. Остановился, засунул руку в карман. Принял агрессивную позу, смотрит. Я тоже — руку в карман. Тоже агрессивно смотрю. Человек двинулся. Я ищу глазами, где Булька. Булька на той стороне двора, задрал лапу на дерево. Человек прошел мимо меня. Я понял — он тоже боится, и пошел за ним. Человек прибавил шагу. Я тоже. Человек побежал. Булька с радостным лаем — за ним.

Между прочим. В тот вечер на той стороне Чистых прудов,

напротив моего дома, возле ресторана «Ностальгия» застрелили мужчину и женщину.

БЕГЕМОТ ГОДА

В ноябре 90 года меня пригласили на запись новогодней программы (их записывают заранее). Я приехал на своем «жигуле» в «Останкино», припарковался, вышел, стал снимать щетки (тогда их воровали). Подошел молодой человек:

— Георгий Николаевич, можно не снимать, здесь милиция дежурит. Заприте и пойдемте. Я ассистент режиссера. У нас такой план. Сейчас я вас посажу в «Мерседес» с водителем, и мы снимем, как вы подъезжаете к парадному на встречу Нового года, а там вас радостно приветствуют москвичи.

— А на своей машине нельзя приехать на встречу Нового года?

— Не хотелось бы. По замыслу встречать Новый год собирается избранное общество. Все на высоком уровне, автомобили, персоны, шампанское, мандарины.

— Вокруг столько голодных людей. Зачем выпендриваться?

— Равенство отменили, Георгий Николаевич, теперь у нас равноправие.

К парадному подъезду я подъехал все-таки на своей машине. Когда вышел, меня вяло приветствовала замерзшая массовка.

Избранное общество, кое-кто даже в смокингах и вечерних платьях, пили шампанское, ели мандарины и веселились. А в конце стали выбирать «Человека года». К каждому подходили с микрофоном и камерой. Гости называли разных людей, симпатичных мне, не симпатичных и даже отвратительных. Когда подошли ко мне, я рассказал эпизод, который видел по телевизору.

— Маленькая газель подошла к реке пить воду. Изводы выскочил огромный крокодил, схватил ее и потащил. Это заметил бегемот, который шел по берегу. И этот бегемот бросился на крокодила, дал ему пикулей, отнял газель и вытолкнул ее на берег. Вылези сам. Облизал бедненькую и легонько подтолкнул мордой в попу: «Иди, гуляй, дурашка!»

Кандидатуру этого бегемота я и предложил на «Человека года».

— Почему бегемота?

— Он даже знаком с этой газелью не был. Корысти никакой, а рисковал.

В новогоднюю ночь «Встречу Нового года в Останкино» смотрели всей семьей. Как я подъехал к парадному подъезду, не показали, и как предложил выбрать «Человеком года» бегемота, тоже не показали. Показали, как я стою на втором плане за

Софией Ротару и ем мандарин.

Между прочим. По телевизору бывший комсомольский вожак, ныне миллиардер, на встрече со студентами, учит: если хотите добиться успеха, думайте только о себе.

«Это ваши проблемы» — крылатая фраза того времени.

НАСТЯ

В кинотеатрах идут американские блокбастеры с убийствами, пытками и насилием, то же самое в видеотеках (их открылась уйма), то же самое по телевидению, то же самое снимают и наши кинематографисты. То же происходит и в жизни. А мне что снимать? Вспомнил повесть Александра Володина «Происшествие, которого никто не заметил». Простая, светлая сказка. Скромная и застенчивая девушка Настя помогла старушке дотащить до квартиры велосипед. Оказалось, что старушка колдунья. Она сказала Насте: «Вижу, ты не совсем еще сволочь. Могу выполнить два твоих желания». И Настя стала красавицей. Но это ее не радовало. Никто ее не узнавал (кроме мамы). Подруги встречали враждебно. Повышенное внимание мужчин смущало. В довершение всего в Настю влюбился муж лучшей подруги. Подруга в отчаянье готова покончить с собой. Настя побежала к колдунье и попросила вернуть все обратно. На следующее утро Настя проснулась прежней Настей.

Позвонил в Ленинград Володину. Саша сказал, что по этой повести уже снимался фильм, но он настолько не получился, что даже не вышел на экран.

— Сюжет не для кино.

— Давай хотя бы попытаемся.

Саша сказал, что от него будет мало толку, и посоветовал пригласить Игоря Можейко (Кира Булычева), мы втроем писали сценарий «Слезы капали».

— С Игорем я встречался. Он, к сожалению, занят.

— Тогда мой совет, пригласи Александра Адабашьяна, не пожалеешь. (Володин и Адабашьян работали вместе на фильме «Пять вечеров» Никиты Михалкова.)

Адабашьян прочитал повесть и сказал:

— Я — за. Только надо обязательно уговорить и Александра Моисеевича.

Уговорили. Володин приехал. Начали работать. Работалось трудно. Это был совсем не мой материал. И если бы не Саша Адабашьян, мы с Володиным вряд ли закончили бы этот сценарий.

ПРИДУМАЛИ

Действие сказки мы перенесли из конца шестидесятых в 91 год. Современность решили показывать гротескно. Но действительность обгоняла нас. И то, что вчера казалось перебором, сегодня становилось реальностью.

Придумали: на улицах и во дворах города крышки от люков украли и сдали на металлолом.

А когда выбирали место съемки и попросили дворника показать, где у них люк, у люка не было крышки.

— А где крышка?

— Унесли. Сейчас все железное несут.

— А где у вас еще люк, нам нужен с крышкой.

— Люк вон, возле столба, но там тоже крышки нет. К тому времени воровали не только крышки от люков, но все, что могли унести, даже железнодорожные рельсы и электрические провода (многие городки и деревни остались без железнодорожного сообщения и без света).

Придумали: в магазине, где работает Настя, ничего, кроме ластиков, нет. А когда выбирали магазин, в котором будем снимать, там и ластиков не было, были только пластмассовые треугольники, скрепки и настольные бюсты вождей.

Придумали: в Москве с электричеством проблемы, свет дают только по четным дням, и когда Настя едет на работу в нечетный день, вагон трамвая по рельсам тащит на буксире БТР (бронетранспортер).

Осенью на Чистых прудах прицепили трамвай к БТРу, посадили Настю у окна, поставили камеру пониже, так, чтобы тротуар не попадал в кадр, дали сигнал, и БТР потащил трамвай. И выяснилось, что прохожие на нас никакого внимания не обращают, никто даже не взглянул. (Мы боялись, что будут останавливаться и глазеть.) А когда трамвай остановили, чтобы вошел наш герой Саша, которого играл Валера Николаев, от трамвайной остановки к нам побежали люди и попытались войти в вагон. Мы их не пускали:

— Товарищи, сюда нельзя, здесь киносъемка! Неужели вы не видите, что этот трамвай не действующий, киношный, его БТР тащит.

— Электричества нет, вот он и тащит. Наконец-то снизошли, о людях подумали!

Придумали: посреди людной улицы военный хор с оркестром поет песню: «Вот возьму и повешусь. И меня закопают…» Прохожие останавливаются. Сочувственно слушают.

В то время начали выводить советские войска из Германии, а куда их деть, никто не знал.

Осенью возле метро «Кропоткинская» у памятника Энгельсу соорудили временную эстраду, поставили военный хор, оркестр. Все в форме, при погонах и орденах. Дирижирует седой генерал. Запевает майор.

Майор: Вот возьму и повешусь.

Хор: Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля-ля-ля.

Майор: И меня закопают.

Хор: Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля-ля-ля.

И вот оркестр гремит, майор заливается, а прохожие идут мимо, даже не оглядываются. Лишь один гражданин приостановился, но не послушать, а прикурить.

— Вас не удивляет, какие песни теперь поют военные? — спросил я.

— А чего тут удивляться? Денег не платят, вот они и плачутся. Это еще что! Говорят, позавчера на Манежной хор Большого театра «Мурку» пел.

Между прочим. Поскольку «Настя» добрая сказка, хотелось, чтобы город выглядел приветливо. Л все строения в то время были потрескавшимися, облупленными, с грязными подтеками. Везде полно мусора. На улицах, особенно в центре, толпы продавцов. Прошла денежная реформа — и люди обнищали. Продавали все: посуду, одежду, книги, картины, украшения. Но, самое горькое, продавали ордена. Ордена, которыми так гордились в той жизни.

Придумали: солдат, у всех на виду, из танка сливает шлангом бензин в «жигуль» элегантной женщины.

Снимали эту сцену на смотровой площадке напротив МГУ. Снимали без света, длиннофокусным объективом, с тротуара, чтобы не останавливать движение (денег на милицию не было). Пока ждали солнца, к нашему «жигулю» начали пристраиваться в хвост другие легковушки, образовалась очередь.

— Прогнать? — спросил второй режиссер Юсуп Даниялов.

— Пусть стоят, — сказал Паша Лебешев. Он снимал этот фильм.

Последний из очереди, хозяин «Москвича», подошел к солдату и потребовал, чтобы больше двух литров в одни руки не наливал и отпускал бензин только машинам с московскими номерами.

— Это почему только с московскими?! — Из «Нивы» вышла плотно сбитая женщина в спортивном костюме. — Упыри столичные! — закричала она. — Всю страну американосам продали,

а теперь к армии присосались, паразиты!

— Алё, гражданочка, ты со словами поаккуратней, а то договоришься!..

— Ты меня не пугай, не те времена! Чирей ваша Москва на жопе страны!

Я понял, что пора вмешаться, и объявил в мегафон:

— Товарищи, бензин продаваться не будет. Это киносъемка!

— Какая еще киносъемка?

— Фильм снимается. Это актеры.

— А что ж вы раньше молчали? — возмутился водитель «Волги», который был в очереди первым.

— Погоди ты! Вы что, этот позор всему миру показывать собираетесь?! — заорал водитель «Москвича». — Не позволю! Только через мой труп!

Тут вышло солнце, и Даниялов взял у меня мегафон и объявил:

— Товарищи водители, быстро по машинам! Снимем этот кадр и всем нальем по два литра 93-го. Бесплатно!

Все, включая хозяина «Москвича», быстро сели по машинам.

Когда нет электричества

Солдат продает бензин

«Вот возьму и повешусь! И меня закопают!..»

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Придумали: некий олигарх, собственник Московского метрополитена, когда узнал, что на подходе двухмиллиардный пассажир, решил по этому поводу устроить на станции метро презентацию. Дамы в вечерних туалетах, мужчины в смокингах, шампанское, оркестр. Вагоны поезда метро на этой станции замедляют ход, но двери не открываются. Для простых смертных станция закрыта. Голодные, унылые лица смотрят на танцующих, пьющих и жующих сограждан и медленно проезжают мимо.

Презентацию снимали на станции метро «Университет». Нижний вестибюль украсили шарами, гирляндами, построили эстраду для оркестра. На каждой колонне написали «миллиард» на всех языках. (Художником на фильме был Леван Лазишвили.) Одели актеров, эпизодников, массовку. Среди них бизнесмены, дамы, депутаты, звезды, бандиты, музыканты, манекенщицы, клоуны, юные барабанщицы. Всего человек триста. Снимать в метро можно только ночью с часа до пяти утра. К открытию метро для пассажиров в 5.30 все должно быть убрано, никаких эстрад, гирлянд и шаров. Смена получается очень короткая, снимали несколько ночей. Съемки напряженные, метраж большой, денег мало, снимать надо быстро.

На третью ночь, когда снимали в нижнем вестибюле эпизод «вручение шубы двухмиллиардной пассажирке», ко мне подошел мой ученик но режиссерским курсам Юлий Гусман (он у нас играл ведущего). Отвел меня в сторонку и взволнованно сообщил, что сейчас возле метро его остановил какой-то тип бандитского вида и велел передать главному, что, если завтра тот не принесет 50 тысяч зеленых, они взорвут весь этот цирк. Они ночью у метро водкой и проститутками торгуют, а мы все машинами заставили.

В комнате дежурной по станции собрались на экстренное совещание директор Сергей Баев, оператор Павел, второй режиссер Юсуп Даниилов, художник Леван Лазишвили и Юлик Гусман. Я сказал:

— Первое. Об этом ультиматуме больше никто не должен знать. Второе, надо выяснить, кто здесь «крыша».

— А чего выяснять, здесь главный Валентин Широкий, — сказал Паша Лебешев.

— Номер его телефона можно узнать?

— Попытаюсь. Утром позвоню.

Пришел домой, спать, конечно, не могу. Ровно в 9.00 позвонил Паша и дал мне телефон Широкого. Позвонил, объяснил, что киношники сегодня нищие, второй месяц без

зарплаты сидим. Широкий сказал, что сочувствует, но от него к нам никто не приходил. Скорее всего, это студенты прикалываются. Там МГУ рядом.

— Снимайте спокойно.

— Как спокойно? А если взорвут?

— Не взорвут. Я пришлю пацанов, они решат все проблемы, если что.

Позвонил Баеву, рассказал о разговоре с Широким. Баев не успокоился, когда я приехал на съемку, он мне сообщил, что попросил помощь милиции и сейчас здесь от СОБРа десять человек.

— А где они?

— Не знаю, где-то здесь, они в штатском.

Начали снимать. Триста человек массовки. Среди них замечаю молодых людей спортивного вида. Явно не наши. А кто они? Может быть, это милиция, может быть, люди Широкого, может быть, это те, кто собирается нас взорвать. Дикое напряжение. Жду Должен же кто-то подойти и спросить, принес я деньги или нет. Никто не подходит. Понял, что снимать дальше не могу. Остановил съемку.

— Быстро эвакуируй людей! — сказал я Даниялову. — Нет гарантии, что не взорвут.

— Георгий Николаевич, сработал СОБР, задержали рэкетиров, — сказал Даниялов.

— Чего ж вы молчите?

— Не хотели вас отвлекать. Они наверху, в комнате милиции.

— А вдруг это те, которые пришли нас защищать?

— Надо Юлика позвать, он видел.

И мы с Данияловым и Гусманом поднялись наверх. Там, в комнате милиции, сидели трое парней в наручниках.

— Говорят, что пришли сниматься, а талонов у них нет. И бригадиры массовки их не знают, — сказал командир СОБРа.

— Мы опоздали, не успели зарегистрироваться, — сказал небритый парень.

— Того здесь нет, — тихо сказал Гусман.

— Ладно, я знаю, кого надо спросить, — сказал я. Вышел на улицу, подошел к киоску возле метро.

Там ночью торговал сигаретами Лука, парнишка лет семнадцати, когда выходил покурить, беседовал с ним о жизни и искусстве. (Лука собирался поступать во ВГИК.)

— Лука, ты людей Широкого знаешь? — спросил я его.

— Все может быть. А что?

Я ему все объяснил. Он сказал:

— Если это пацаны Широкого, скажу: «никого не знаю», а

если незнакомые, скажу: «первый раз вижу».

Когда пришли в комнату милиции, небритый парень поприветствовал Луку:

— Привет, бизнесмен, как жизнь?

— Георгий Николаевич, этих я не знаю, — сказал Лука.

— Извини, Лука, обознался, — улыбнулся небритый.

Задержанных отпустили. Мы перед ними извинились и поблагодарили.

— А дальше что? Есть гарантия, что не взорвут? — спросил я командира СОБРа.

— Мы проверили, все чисто, взрывчатки точно нет. Людей тоже всех проверили, бригадиры подтвердили, что чужих нет. Снимайте спокойно, а мы будем присматривать.

Между прочим. В тот день у меня был первый сердечный приступ. Но, к сожалению, не последний.

На следующую ночь во время съемки ко мне подошел круглолицый, румяный, улыбчивый, сильно пьяный человек лет сорока и спросил:

— Георгий, хочешь, гопака станцую?! — Он запел и заплясал. — Подходит? Сними меня.

— Домой иди.

— Успеется. Лезгинку смотри! Он начал танцевать лезгинку.

— Все, все, иди домой.

— Подожди, чечеточку посмотри, — он запел «Яблочко» и начал отбивать чечетку.

Я повернулся к старшему лейтенанту милиции.

— Почему пьяные на площадке?

— А откуда мне знать, что это не актер? — возразил лейтенант.

— Актер не актер, пьяных без всяких разговоров удаляйте с площадки!

— Сейчас сделаем.

Два милиционера подхватили танцора под мышки и потащили к эскалатору. Перед ними расступались дамы в декольте, мужчины во фраках, клоуны, священники, манекенщицы, цыгане, девочки-барабанщицы. А танцор громко пел: «Мама, мама, что я буду делать? Мама, мама, как я буду жить?..»

А потом задержали и меня. Было это так. Среди гостей любой презентации должны быть представители творческой интеллигенции. Этих представителей играли Юра Рост, Саша Адабашьян и я. И как всегда это бывает, первым из гостей в

лоскуты надрался представитель интеллигенции. Этого представителя играл я. Пьяный интеллигент начал буянить, а другой интеллигент, которого играл Юра Рост, должен был его утаскивать. Пока ставили свет, мы пошли репетировать на лестницу в конце зала. Я что-то выкрикиваю, размахиваю руками, а Юра тащит меня вверх по лестнице. Тут же два милиционера подбежали к нам, оттеснили Юру, подхватили меня под руки и потащили.

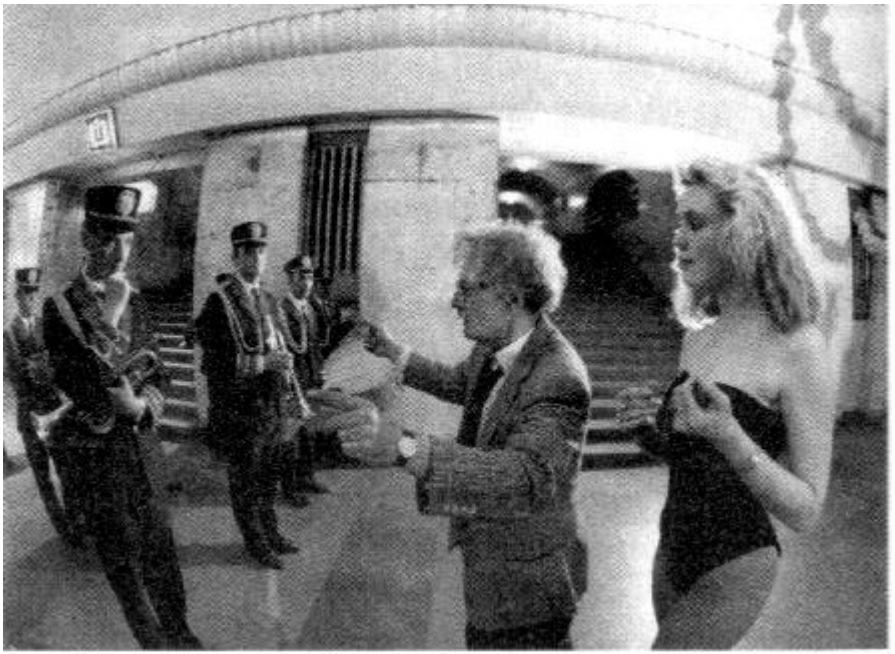
— Ребята, это режиссер! Он здесь самый главный, — крикнул Юра.

— А нам это без разницы! Он пьяный, а у нас приказ! — и, не останавливаясь, потащили меня дальше.

Милиционеры меня тащат, а я думаю: «…вот и хорошо, сейчас покурю в обезьяннике…»

Но до обезьянника меня не донесли. Юра Рост позвал старшего лейтенанта, меня освободили, и я был вынужден вернуться на площадку.

На этой станции метро двери вагона не открываются



Я в роли представителя интеллигенции

Гости презентации. С трубкой Юрий Рост

В центре Александр Адабашьян

Юрий Рост и я

Первым надрался представитель интеллигенции. В шляпе Юрий Рост

Между прочим. Когда писали «презентацию» и позже, когда снимали, у нас было сомнение — не перебор ли это? Оказалось, нет. Во время монтажа Лена Тараскина (она была монтажером на этом фильме) утром сказала:

— Плохие новости, Георгий Николаевич, нас опередили.

Оказалось, когда она вчера вечером возвращалась домой с работы и проезжала станцию «Маяковская», там была тусовка, почти такая же, как у нас в материале, только выбирали не двухмиллионную пассажирку, а демонстрировали моды. Те же барабанщицы, те же клоуны. И поезда также, не открывая дверей, проезжали мимо.

ПУТЧ

Придумали: в стране произошел военный переворот и в город вошли танки. И директор магазина, где работает Настя, Яков Алексеевич, радуется:

— Наконец-то! Взялись за ум!

А когда закончили первый вариант сценария, 19 августа 1991 года случился путч и в город действительно вошли танки. Защищать Белый дом и Ельцина собрались десятки тысяч москвичей.

На следующий день я поехал к Белому дому. Центр был перекрыт. Не пускали. Решил окольными путями добраться хотя бы до «Мосфильма». На Комсомольском проспекте навстречу мне шли танки. Приехал на «Мосфильм». Кушнерев сообщил, что мосфильмовцы решили организовать питание защитников Белого дома (собрали два микрика с продуктами), и Досталь просил, как только я появлюсь, к нему зайти. Пришел. Досталь сказал:

— Звоню в Белый дом выяснить, куда и кому привезти продукты, а с незнакомыми людьми там не хотят разговаривать. Позвоните вы, вашу фамилию, они, наверное, слышали.

Я позвонил, представился, объяснил, зачем звоню.

— А откуда я знаю, что вы режиссер Данелия с «Мосфильма», а не провокатор из другого ведомства? — спросил защитник на том конце провода.

— Не знаю. Спросите что-нибудь про Данелия.

— Секундочку, — защитник повысил голос. — Товарищи! Тут человек говорит, что купил для нас продукты, утверждает, что он режиссер Данелия. Что спросить, чтобы убедиться, что это именно он?.. Что?.. Сейчас спрошу… *(Мне.)* Алло! Вы еще здесь? Вот тут говорят, на той неделе по ящику Данелия пел песню. Можете эту песню спеть?

— Попробую…

— Секундочку. Включаю громкую связь.

На том конце провода послышался гул голосов, ясно, что народа в помещении много.

— Внимание! — призвал присутствующих защитник. — Сейчас он споет. *(Мне.)* Давайте, пойте!..

Я спел в трубку:

Людей теряют только раз,

И след, теряя, не находят,

А человек гостит у вас,

Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,

Он все равно от вас уходит.

Давай сейчас его вернем,

Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,

Поговорим и стол накроем,

Весь дом вверх дном перевернем

И праздник для него устроим.

— Ну как, определили? — спросил защитник, когда я умолк.

— Голосок слабенький, — сказал кто-то.

— Да, не Шаляпин, — сказал другой.

— Ребята, мы не вокал оцениваем. У нас вопрос: режиссер Данелия это или кто-то еще! — сказал защитник.

— Это Данелия, — сказал женский голос.

— Уверена?

— Да.

— Слушаю вас, товарищ Данелия, — сказал защитник.

— Секундочку, — я передал трубку Досталю.

И он договорился, куда и когда подъедут наши микрики и кто их встретит.

Между прочим. Когда снимали фильм «Слезы капали», мне очень хотелось, чтобы там была песня на стихи Гены Шпаликова «Людей теряют только раз…». Канчели написал музыку. Записали аккомпанемент, приглашали певцов. Мне все время казалось, что они поют не так, я поправлял, подсказывал.

— Пропой под фонограмму, — сказал Канчели. — Понятнее будет, что ты хочешь.

Когда в тонстудии записывали пробный вариант песни, приехали с телевидения брать интервью у Канчели. Заодно сняли и меня. А потом этот кадр показали в «Кинопанораме». И тут же

раздался телефонный звонок из Ленинграда:

— Ты уже и запел? — спросил Виктор Конецкий. — Теперь тебе осталось только в балете на пуантах поплясать.

Инна Гулая и Гена Шпаликов.
На фотографии Гена тогда написал: «Мы сегодня – ура!
В этот очень хороший день. Гие и Любе 23 декабря»

ОРДЕН

Когда вернулся с «Мосфильма» домой, Галя вручила мне значок с двуглавым орлом, который купила возле метро «Кировская»:

— Ты наш защитник, и я тебя награждаю орденом.

Через два дня все кончилось. Защитники победили. Мы радовались началу новой жизни. Светлой и справедливой.

По этому случаю Досталь собрал на «Мосфильме» правление. Я приехал с Галиной наградой на лацкане пиджака. Меня спросили:

— Это что?

— Орден, — пошутил я.

— Какой такой орден?

— Новый, российский. Вот видите, двуглавый орел. Вчера вечером вручили.

— За что?

— За защиту Белого дома.

— Когда ты успел защищать? Ты же здесь был.

— Я для них питание организовывал.

— Питание мы все организовывали.

— Но звонил-то я. Меня и вызвали.

— А про нас не мог сказать?

— Всех нас чересчур много. Вообще бы никому не дали.

— Ну что ж, поздравляем.

Между прочим. В 2000 году умер мой близкий друг Лева Оников. До перестройки он работал в ЦК, в отделе пропаганды. Отпевали его в церкви. Народу было много, были и его бывшие сослуживцы. В недалеком прошлом стойкие атеисты, сейчас они осеняли себя крестами. Вышел покурить на улицу. Там уже стоял и курил бывший работник отдела культуры ЦК. Стоим, курим. Я спросил, как он, где он. Сказал, что квартиру в центре сдает, снял однокомнатную на окраине.

— Кстати, Георгий Николаевич, а кто вам в 91-м вручил орден «Защитник Белого дома»? — спросил он.

— Жена. А что?

— Письмо получили, от вашего коллеги. Написал, что продукты покупали все, а орден получил только шустрый Данелия.

— А кто написал?..

— Вот этого я вам не скажу.

— Тогда я буду плохо думать обо всех.

— И не ошибетесь. Сегодня основной тезис: человек человеку —

волк.

ДВЕ НАСТИ

Вопрос с двумя Настями еще на стадии сценария был для меня самым сложным. Настя-первая — тихая, скромная, застенчивая, незаметная. На нее никто не обращает внимания. На Настю-вторую все обращают внимание. Она — яркая, сексуальная, ослепительная. Но при этом зритель должен верить, что первая и вторая Настя — один человек. Но как этого добиться?

На роль Насти-первой Таня Саулкина привела Полину Кутепову. Мы порепетировали, и я утвердил ее без кинопробы.

— А тебе не кажется, что для Насти-первой она чересчур хорошенькая? — спросил Паша Лебешев.

— А мы ее упростим, будем снимать без грима. На роль Насти-второй мы пересмотрели всех красавиц: актрис, манекенщиц, любовниц знакомых, искали и среди проституток. Россия — страна богатая красавицами, были девушки потрясающей красоты, но все не то. Не Настя. В итоге на роль Насти-второй мы утвердили Иру Маркову, тихую, скромную, застенчивую, красивую, но не броскую девушку.

Настя-первая — Полина Кутепова

Настя-вторая — Ирина Маркова

ВИЖУ, НЕ СЛЕПОЙ

Снимали сцену, где Настя уговаривает Толика пойти к ней в гости, чтобы успокоить маму. Чтобы Настя понравилась Толику, Полина изменила походку, манеры, голос, осанку, и Настя в этой сцене стала уверенной, знающей себе цену.

Паша Лебешев подозвал меня и сказал:

— Посмотри в объектив! По-моему, она должна играть обеих. И первую, и вторую!

— Зачем мне объектив? Я и так это вижу, не слепой. Только как мы объясним, почему ее никто не узнает в новом облике? — спросил я.

— А гримеры на что? Ты только прикажи, они Настю-первую так нарисуют, что все от нее шарахаться будут, — сказал Паша.

— Нет, Паша, главная героиня у нас Настя-первая, и зритель должен не шарахаться от нее, а любить.

И подумал: «Ира Маркова так счастлива, что мы ее снимаем. И если… для нее это будет неизлечимая травма на всю жизнь!»

Вопрос с двумя Настями я так и не решил. Это и была та опасность, о которой предупреждал Александр Володин.

Между прочим. У Полины Кутеповой есть сестра Ксения, тоже актриса. Они близнецы и очень похожи. В первый день озвучания Полина немного опоздала, джинсы на коленке у нее были мокрые и разорваны:

— Вышла из подъезда — там лед, лужа, поскользнулась и шмякнулась, — объяснила она.

Когда смена закончилась, Полина попросила:

— Георгий Николаевич, можно Ксения придет, посмотрит, она никогда не была на озвучании.

— Ну, конечно.

На следующий день появились обе. Одеты одинаково. У Полины джинсы опять порваны и мокрые.

— Опять упала?

— Это Ксения, Георгий Николаевич.

— Ля заплатку уже поставила, — сказала Полина (на ее джинсах была аккуратная, еле заметная заплатка).

— Вышла из подъезда — там скользко, лужа, поскользнулась и грохнулась, — объяснилась Ксения.

Полина Кутепова — моя любимица.

Сашу играл Валера Николаев. Кроме того, что он замечательный актер, он еще великолепный гимнаст и

первоклассно танцует степ. И поэтому в фильме, когда пьяный Саша заходит в трамвай, он отбивает чечетку. Маму Насти сыграла Галина Петрова. Начальника — Александр Абдулов. Старуху-колдунью — Нина Тер-Осипян. Бандита — Савелий Крамаров. Управдома — Роман Мадянов. А директора магазина канцтоваров Алексея Яковлевича — Евгений Леонов.

Пожилой Алексей Яковлевич не понимает и не принимает перемен. Поскольку в магазине товаров нет и продавать нечего, он в своем кабинете с утра до вечера смотрит телевизор. А там на его глазах летит в пропасть страна. Падают самолеты, переворачиваются поезда, тонут корабли, закрываются заводы, институты, шахты, о мостовую стучат касками шахтеры, бастуют врачи и учителя. Льется кровь в Карабахе, в Приднестровье, в Абхазии, сотни тысяч беженцев. И все это перебивается рекламой американских шампуня, женских прокладок, памперсов и лака для ногтей. В итоге Алексей Яковлевич не смог сдержаться, схватил со стола гипсовый бюст Ленина, всю жизнь почитаемого им вождя мирового пролетариата, и запулил им в экран телевизора. Экран разбился, телевизор замолк. Когда сняли этот кадр, Женя сказал:

— Ты не представляешь, какое я получил наслаждение! Только теперь такая проблема. Сейчас приеду домой, а там по ящику та же реклама идет. А вот запулить в экран пепельницей побоюсь, Ванда ругаться будет (Ванда — жена Леонова).

— Знаю только один способ: не включай телевизор, — сказал я.

Эта роль оказалась последней ролью Евгения Леонова в кино. Трудно дальше мне было работать без него. Столько лет мы работали вместе! Женя говорил, что я снимаю его во всех фильмах, потому что думаю, что он мой талисман, а я говорил, что снимаю его, потому что он мой камертон.

НОРБЕРТ

Иностранца сыграл корреспондент немецкой газеты «Штерн» мой друг Норберт Кухинке (он играл датского профессора Хансена в фильме «Осенний марафон»).

В магазин канцтоваров, где работает Настя, приходит иностранец и покупает настольный бюст Карла Маркса, который одиноко стоит на полке. Директор магазина Яков Алексеевич (Леонов), увидев это, предлагает ему приобрести весь комплект и выносит из подсобки бюсты многих коммунистических вождей. Иностранец купил все, кроме Брежнева.

— Возьмите, — уговаривает Яков Алексеевич. — Брежнев уже большой дефицит.

Когда съемки закончились, Норберт попросил, чтобы ему продали эти гипсовые бюсты. И мы ему подарили: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Хрущева, Буденного, Микояна, Брежнева, Горького и гипсового пионера с горном — все, что нашлось на складе.

Между прочим. Сейчас все эти вожди дефицит.

МАРИНА НЕЕЛОВА

Когда Юра Рост прочитал сценарий «Настя», он спросил, кого я планирую на роль старухи. Я сказал, что скорей всего Нину Мамиконовну Тер-Осипян.

— Ты уже говорил с ней?

— Пока нет.

— Пригласи Марину Неелову.

— На старуху?! Марину на Настю надо было пробовать.

— А ты посмотри. Она гениально показывает старух. Давай пригласим ее к тебе на чай.

Юра Рост живет надо мной, а Марина на той стороне Чистых прудов. Вечером Юра привел ко мне Марину. Попили чаю, обсудили киношные и театральные новости, вспомнили поездку в Венецию (мы с Мариной с «Осенним марафоном» ездили на венецианский фестиваль), потом Юра попросил Марину показать старушку.

Марина показала.

— Потрясающе! — сказал я.

И мы с Ростом стали уговаривать ее сняться в моем фильме в роли колдуньи. Уговорили.

Через месяц снимали в подъезде дома Боткина у Покровских Ворот эпизод, когда колдунья возвращается домой, а Настя тащит за ней вверх по лестнице ее велосипед. Чтобы не мешать жителям подъезда, снимали в ночную смену. Грим и костюм Марина придумала сама. Играла она остро, ярко, комедийно. Во время съемки группа еле сдерживала смех. После каждого дубля Юра Рост (он, конечно, тоже пришел на съемку) восклицал:

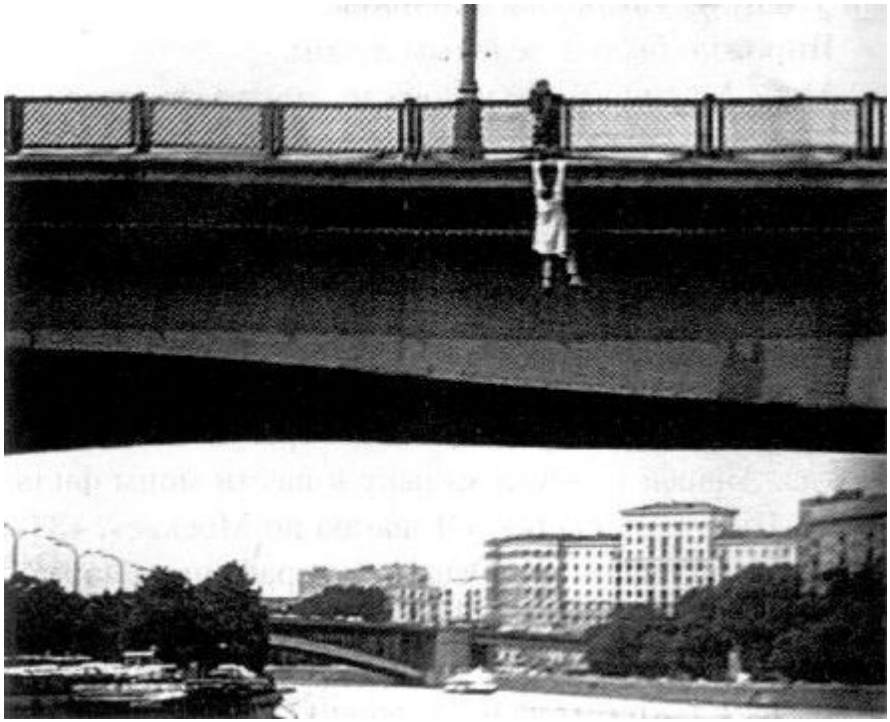
— Великолепно!

Старуха-колдунья — Нина Тер-Осипян

Иностранец — Норберт Кухинке

Директор магазина — Евгений Леонов

Саша — Валера Николаев



Когда съемка закончилась, я сказал:

— Браво, Марина! — и поцеловал ей руку.

Пришел домой. Принял душ. Сел пить чай. У меня включился сигнал тревоги: что-то не то… Через день материал напечатали, и мы посмотрели сцену на экране. Понял, Настя с колдуньей из разного кино! Или надо, чтобы все играли в той же гротескной стилистике, что и Марина, или… Купил большой букет роз, пошел к Марине. Поднялся на этаж. Позвонил. Дверь открыла Марина.

— Так… Понятно… — сказала она.

— Марина… — начал я.

— Можно я сама скажу? — перебила Марина. — Сольный номер? Не вписалась в ансамбль?

— Марина…

— Все. Забыли. Заходите, Мастер, я вас пирожками угощу, — улыбнулась Марина.

Пирожки были с зеленым луком. Мы с Мариной, как и прежде, друзья-приятели. Колдунью сыграла Нина Мамиконовна Тер-Осипян.

АНДРЕЙ ПЕТРОВ

Музыку к фильму «Настя» написал Андрей Петров. Этот фильм ему понравился сразу. Так было не всегда. Андрей написал музыку к шести моим фильмам: «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «33», «Совсем пропащий», «Осенний марафон», «Настя». В 2004 году на «Кинотавре» был юбилейный показ фильма «Осенний марафон». Марк Рудинштейн пригласил на фестиваль актеров Олега Басилашвили и Галину Волчек, композитора Андрея Петрова с женой и меня.

После просмотра Андрей сказал:

— Гия, хороший фильм. Мне понравился.

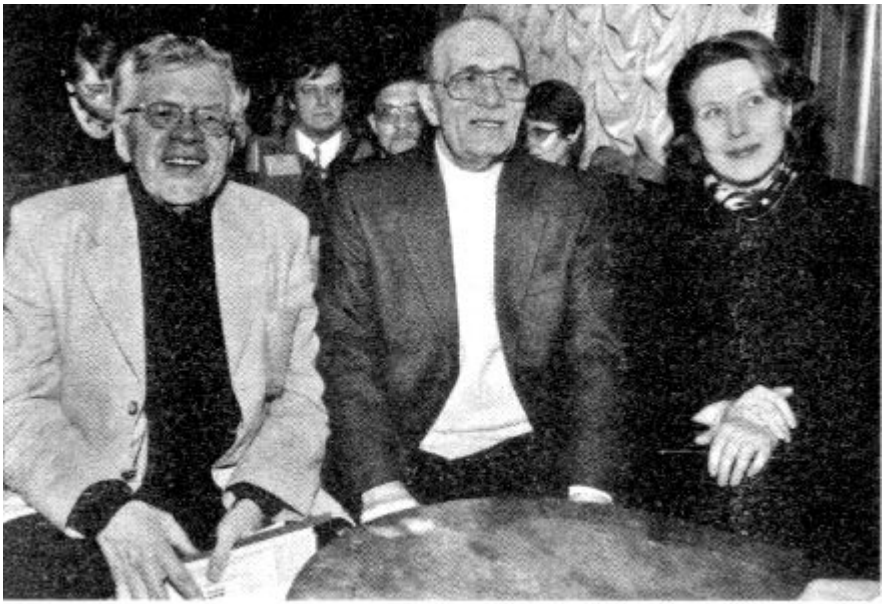
— Ты говоришь так, будто первый раз его посмотрел.

— Так оно и есть. Тогда я его больше слушал, чем смотрел.

Оказалось, до этого просмотра фильм «Осенний марафон» Андрею активно не нравился. И вот почему: он написал к этому фильму много музыки, почти на все девяносто минут. Мы ее записали с большим оркестром. Но во время монтажа я понял, что в большинстве эпизодов музыка ничего не добавляет, и не стал ее ставить. И Андрей, когда двадцать пять лет назад смотрел фильм, с обидой отмечал: «И этот номер не поставил, и этот…» (В фильме осталось всего три номера музыки). И вот теперь, через четверть века, Андрей забыл про музыку, которая не вошла, и даже сказал:

— Правильно, что ты минимально музыку использовал. Так она лучше звучит.

Между прочим. Я благодарен судьбе, что мне выпала честь работать с такими композиторами, как Андрей Петров и Гия Канчели.



Андрей Петров, я и Татьяна Конецкая

С Канчели

СПОНСОРЫ

Наверное, самое трудное и непривычное для меня на этой картине было то, что деньги на фильм я должен был сам доставать, выпрашивать, выклянчивать. До этого государство полностью финансировало производство фильмов, а сейчас только частично. В Госкино нам дали мало денег и сказали:

— Ищите спонсора.

— А что это такое? — спросил я (тогда это слово я услышал первый раз).

Между прочим. За время перестройки словарный запас обогатился новыми словами: спонсор, консенсус, киллер, дилер, пиар, инвестор, визажист, менеджер, криэйтор, лох, отморозок, путана, гей… И это далеко не полный их перечень.

Но и те деньги, которые нам дал Госкино, обесценились (денежная реформа). Часто не было денег, чтобы выплатить группе зарплату. Приходилось выкручиваться: выпрашивать кредит в банке, брать в долг. Экономили на всем. На зарплате (все получали очень маленькую зарплату), на массовке, на декорациях, на технике. И все равно денег катастрофически не хватало.

ДОЧКА

Позвонил мне редактор телевидения Герман Орлов (имя условное) и сказал, что со мной хочет познакомиться олигарх.

— Зачем?

— Он сам скажет.

Назначил встречу на среду в ресторане «Кура» на Чистых прудах, недалеко от моего дома. К двум часам подошел к ресторану. Там у входа уже ждали Герман с олигархом, полным человеком с крупным носом и губами, человек пять охраны, суровые мужчины в кожаных куртках, седан «БМВ» и два черных джипа. Обедали в малом зале ресторана. За столом мы были втроем. Охрана осталась за дверью. Олигарх сказал: он от Германа знает, что я сейчас начинаю новый фильм и ищу актеров. Его дочка хочет сниматься в кино, сейчас она на первом курсе МГИМО, но на следующий год будет поступать в Щукинское театральное училище.

— Девочка способная, занималась художественной гимнастикой, хорошо читает стихи, играет на гитаре, поет, играет в теннис.

И олигарх показал фотографию. Девочка была не красавица. Я подумал: «Может, на Настю-первую?» и сказал, что ничего не обещаю, пусть придет, познакомимся, поговорим (это было до встречи с Полиной Кутеповой).

— Но ей хорошо бы подготовиться к встрече. Может, дашь сценарий почитать? — сказал Герман.

— Дам.

Сценарий у меня был с собой. Я дал его олигарху.

— Пусть обратит внимание на роль Насти-первой. Дня через три позвонил Герман и сообщил, что дочка олигарха прочитала сценарий и просила передать: в роли Насти-первой (некрасивой) она сниматься у нас согласна, но только при условии, что будет играть и Настю-вторую (красивую). И еще, костюмы она подбирает сама, гример у нее свой и на площадке должен быть персональный актерский вагончик с кондиционером и душем. Дополнительные расходы она оплачивает сама.

— Передай ей, что я сожалею, но на роль Насти-второй мы уже утвердили актрису и заключили с ней контракт, — солгал я.

— Да, жалко, что она на папу похожа, а не на маму. Мама у нее красавица. Может, маму снимешь, она молодо выглядит.

— А бабушка у них есть? Мне старуха на колдунью нужна.

— Бабушка есть, но за нее наш олигарх ни копейки не даст. Это его теща.

ДЕФИЦИТ

Снимаем сцены в арендованной квартире. Зовут к телефону. Пошел в соседнюю комнату, взял трубку. Звонит Константин Александров из Парижа (этот номер он узнал у моей жены Гали). Константин сообщил, что сейчас в Москве в гостинице «Метрополь» его друг Джереми Даду. Злой как черт! Его всю ночь продержали в аэропорту, была проблема с визой. А когда пропустили, выяснилось, что российские партнеры, которые его встречали, напились и улетели на Багамы. Днем звонили и сообщили, что купили дом на берегу моря и теперь предлагают продолжить переговоры там. Он хотел улететь, но билетов нет, только на послезавтра.

— Гия, поухаживай за Джереми, как ты умеешь. Покажи Москву, поведи его к Торнике в «Пиросмани», угости: он любит вкусно поесть. (Ресторан «Пиросмани» Константин считал лучшим в Москве.)

— О'кей, Костя, сделаем.

— Подожди, ты искал деньги на фильм. Нашел?

— Нет.

— Так вот, Даду крупный бизнесмен. Дай ему синопсис, покажи материал и какой-нибудь свой фильм, и, возможно, он примет участие в твоем проекте. Он уже делал несколько фильмов.

— Спасибо, Костя.

Позвонил Кушнереву, рассказал о звонке Константина.

— Юра, для нас это очень важно, — объяснил я. — Если этот Джереми вложится, можно будет снять нормальный фильм, а не малобюджетную финтифлюшку.

— Все будет по высшему разряду, Георгий Николаевич!

На следующий день продолжаем снимать в магазине «Канцтовары». Снова зовут к телефону.

— Кушнерев.

— Георгий Николаевич, докладываю, к французу выехал Гусятников с переводчиком. В ресторане «мосфильмовской» гостиницы жарится поросенок (Рая купила на Дорогомиловском). В два обед. Потом пьем чай у нас в объединении (объединением Кушнерев гордился, он там недавно сделал турецкий евроремонт). Люба Горина пирог испекла, яблочный. Рита (жена Кушнерева) хворост сделала. Хотели купить торт — в магазинах пусто, даже сушек нет. Тараскина (монтажер) материал подготовила. Люда Аринова синопсис переводит. «Не горюй!» в проекции десятого зала (лучшая проекция на «Мосфильме»). В 22

с вами ужинаем у Торнике, в «Пиросмани». Шашлык, сациви, хинкали, грузинские песни. Вложится этот Даду в наше кино, никуда не денется!

— Стучу по столу.

Снимаем. Сняли две сцены. В перерыве пошел в соседнюю комнату есть свой бутерброд. Набрал Раю (секретарша объединения «Ритм»).

— Рая, там у меня в кабинете, в шкафу, в коробке, чайный сервиз. Распакуй его для сегодняшнего чаепития, а то у нас все чашки разные.

Этот китайский сервиз мне на юбилей подарила дирекция «Мосфильма».

— Георгий Николаевич, я уже не успею.

— Почему не успеешь? Сейчас 2.30, они только сели обедать.

— Не обедают они, Георгий Николаевич! Они на проходной! Не пускают этого Даду. Кушнерев дал заявку на француза, а у него бразильский паспорт. Гусятников побежал договариваться.

— А что случилось, почему не обедают?

— Еврей он.

— И что?

— Поросенка есть не стал, говорит, свинина. Перерыв закончился. Снимаем обратную точку.

Переставили свет. Теперь в соседнюю комнату не пройти. Лебешев поставил в дверях ДИГ (мощный осветительный прибор). За ДИГом появилась Таня и позвала:

— Георгий Николаевич, Рая просит, чтобы вы сами подошли к телефону, конфиденциальный разговор.

— Как я подойду? Спроси, что надо, а остальные уши заткнут.

Таня пошла спрашивать.

— Приготовились. Снимаем. Стоп. Появилась Таня:

— Георгий Николаевич! ЧП! Ваш гость хочет в туалет! А в объединении бумаги нет! Сегодня последний рулон украли!

— Пусть в группу Бондарчука сбегает, скажет — от меня (группа Бондарчука была под нами, этажом ниже).

— У Бондарчука она уже была. Там нет никого. Она из предбанника Досталя звонит. Думала у Аллы взять, а Аллы нет. Ее Кондрахина из профкома замещает. А Кондрахина не дает. Рая просит, чтобы вы сами этой Кондрахиной позвонили, Георгий Николаевич! Вам она не откажет!

— Перекур, — объявил я.

И попросил осветителя Гену отодвинуть прибор.

— Георгий Николаевич, пока Рая до объединения дойдет, этот Даду обкакается! — весело предсказал осветитель Гена и передвинул прибор (от кабинета директора «Мосфильма» до

нашего объединения примерно метров восемьсот).

Набрал номер.

— Здравствуйте, это Георгий Николаевич Данелия, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, секретарь Союза кинематографистов СССР, художественный руководитель объединения «Ритм», член правления Общества ОАР — СССР У меня к вам просьба: одолжите нашей сотруднице Рае рулон туалетной бумаги, под мою гарантию. Завтра вернем.

— Это не в моей компетенции.

— Соедините меня с шефом.

— Не могу, там у него министр и из администрации президента товарищи.

Набрал прямой номер.

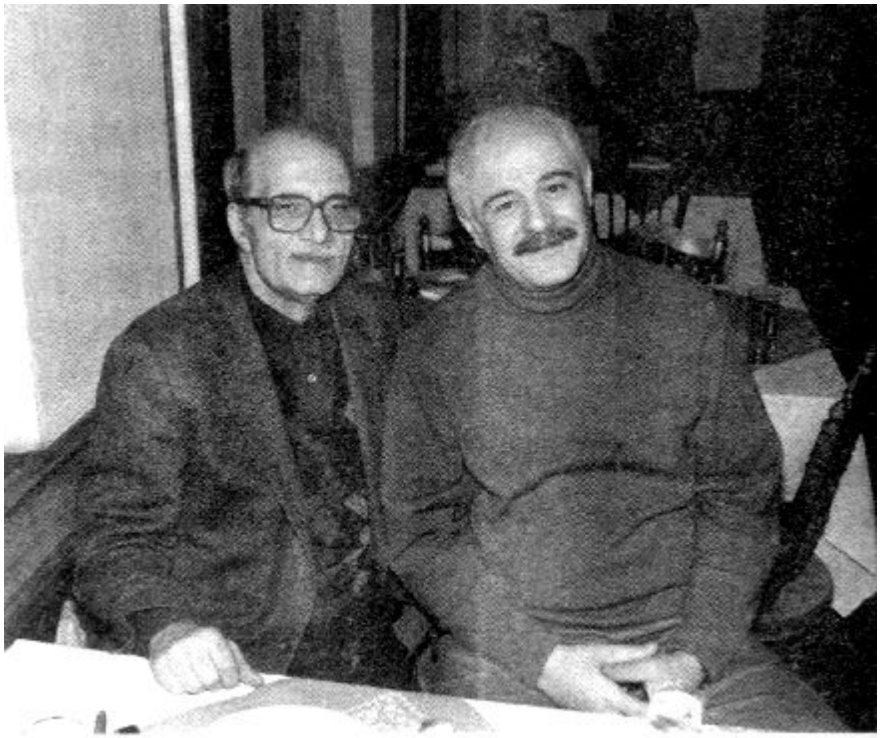
— Я занят, — и Досталь положил трубку. Снова набрал.

— Это Данелия. Владимир Николаевич, такая просьба: скажите Кондрахиной, чтобы она дала нам рулон туалетной бумаги.

Пауза.

— Очень надо. У нас важный гость.

— Ладно, скажу. Извините, не могу разговаривать. Туалетную бумагу Рае дали. Но пока она бежала до объединения, гость уже уехал в гостиницу, а на следующее утро он улетел в Париж. И мы продолжили снимать кино в режиме строжайшей экономии.



Мы с Торнике Копалеишвили в ресторане «Пиросмани»

РЕКОМЕНДАЦИЯ

«В заключение, однако ж, я должен сказать следующее: лучшая в мире подтирка — это пушистый гусенок, уверяю вас, — только когда вы просовываете его себе между ног, то держите его за голову. Вашему отверстию в это время бывает необыкновенно приятно, во-первых, потому, что пух у гусенка нежный, а во-вторых, потому, что сам гусенок тепленький, и это тепло через задний проход и кишечник без труда проникает в область сердца и мозга. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфоделям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусятами, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

Франсуа Рабле. «Гаргантюа и Пантагрюэль».

СТАРУХА — ВОР В ЗАКОНЕ

В первый съемочный день в магазине «Канцтовары» в торговом зале появился молодой человек, худенький, черненький, в очках, в костюме и галстуке. Протянул мне визитную карточку и сказал, что он вице-президент фирмы «Эльвира холдинг», которая арендовала этот магазин. Но, чтобы мы не волновались, к кинематографу он относится с пониманием и разрешает нам до конца недели снимать в этом помещении, при условии, что мы освободим правую половину торгового зала, а также кабинет директора и подвал.

— А технику нам что, возить туда-сюда? — спросил Паша Лебешев (он был оператором на этом фильме).

— Ладно, кабинет директора до конца недели в вашем распоряжении, — согласился Владимир Андреевич (так звали вице-президента фирмы «Эльвира холдинг»).

Снимали сцену: Настя показывает мальчику, как пользоваться козьей ножкой (примитивный циркуль). Сняли дубль.

— Опять комедия будет? — спросил Владимир Андреевич.

— Что-то вроде…

— А кто спонсирует?

— Госкино, но денег мало. Ищем инвестора. Рабочие начали вносить в торговый зал тяжелые коробки с каким-то оборудованием. Владимир Андреевич попросил их не шуметь. Рабочие ходили на цыпочках, но коробки ставили с грохотом.

Во время обеденного перерыва я, как всегда, ел бутерброд и пил чай в кабинете директора. Открылась дверь, заглянул Владимир Андреевич и сообщил, что приехала президент фирмы Эльвира Матвеевна Хмельницкая (название фирмы и имена условные) и хочет со мной познакомиться.

— Кажется, я ее уговорил, — шепотом сообщил он. Владимир Андреевич скрылся и через пару минут вернулся с высокой плотной женщиной в замшевом пальто.

— Здравствуйте, Георгий, как вас по батюшке?.. — спросила женщина.

— Николаевич. Садитесь, Эльвира Матвеевна. Налить вам чаю?

— Нет, спасибо, только покушала, — она села, достала из сумки пачку папирос «Беломор» и изящную золотую зажигалку. — Можно?

— Курите, — я пододвинул к ней пепельницу. Владимир Андреевич сел на стул рядом с ней.

Эльвира чиркнула зажигалкой, закурила.

— Георгий Николаевич, Владимир Андреич говорит, что вы снимаете кино типа «Джентльменов удачи» и вам нужны финансы.

— Финансы нужны. Только фильм снимаем совсем не типа «Джентльменов удачи».

— А про что?

— Могу дать сценарий почитать.

— Так расскажите, — посмотрела на часы, — только коротко.

Я рассказал сюжет.

— И это все? — спросила Эльвира после паузы.

— Все.

— Ну и что скажешь, Владимир Андреич? — обратилась она к своему вице-президенту.

— Сказка в стиле ретро. Думаю, некрасивые девочки пойдут смотреть.

— Только они и пойдут.

— Я так не думаю, — сказал я.

— Что ж, вам виднее. Ну, ладно, Владимир Андреич, пойдем, покажешь мне подвал, — она затушила папиросу в пепельнице. — Спасибо, Георгий Николаевич, извините, что побеспокоили. Всего вам. — И они ушли.

Минут через двадцать вернулись. Сели на свои места.

— Георгий Николаевич, есть кое-какие соображения. Не возражаете? — спросил Владимир Андреевич.

— Слушаю.

— Давай, выкладывай, — кивнула Эльвира и достала из сумки пачку «Беломора» и золотую зажигалку.

— Георгий Николаевич, такой вопрос: отец нашей Насти где? — спросил Владимир Андреевич.

— Мы не знаем.

— А надо сделать так: отец на зоне, авторитет, а Настю и ее мать братва от отморозков защищает. Интрига?

— Интрига.

— И к реальной жизни ближе, — сказала Эльвира. Закурила.

— А дальше Настю отморозки похищают, а друзья отца ее спасают… Ну и продажная милиция, погони, стрельба, изнасилование…

— Насилуют кого, Настю? — спросил я.

— Не обязательно.

— Старуху-колдунью?

— Да нет, это неэстетично, Георгий Николаевич.

— А вот такая идея! Давайте эту старуху сделаем вором в законе, — предложил я.

— Старуху? А что?.. Может быть, только… Эльвира

Матвеевна, старуха может быть вором в законе?

— Вовик, неужели ты не сечешь, что товарищ шутки шутит? — Эльвира затушила папиросу в пепельнице. — Идем. — Они встали и пошли.

В дверях Эльвира остановилась:

— Георгий Николаевич, он сказал, что сценарий «Джентльменов удачи» написали вы?

— Да, совместно с Викторией Токаревой.

— Там у вас мент говорит: «вор в законе не в авторитете». Это безграмотно. Вор в законе и в авторитете быть не может. Сразу видно, что вы не в материале.

И они ушли.

У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОИ ГЕРОИ

Мой друг, американец Ладо Бабишвили, во время войны попал в плен, скитался, потом оказался в Америке. В конце восьмидесятых, когда началась перестройка, приехал с делегацией американских бизнесменов переводчиком. Со своими американцами поездил по Грузии, побывал и в Москве. В Москве я пригласил его к себе домой на ужин. Первое, что он спросил:

— Прости, я не могу понять, у вас теперь вор в законе это кто? В Грузии я спрашивал, мне никто не ответил.

— Как и было. Вор.

— В каком смысле этого слова?

— В прямом.

— Ничего не могу понять!

И Ладо рассказал, что, когда в Грузии в одном из городов руководство пригласило американцев на ужин, там появился человек, которого представили:

— Знакомьтесь, это такой-то, вор в законе.

Отнеслись к тому человеку крайне уважительно, посадили на самое почетное место, первому наливали в бокал и за него первого выпили. А когда он начинал говорить, замолкали и почтительно слушали.

— Неужели они так принимали преступника? — спросил Ладо.

— У каждого времени свои герои, Ладо.

Между прочим. По телевидению по всем программам показывают похороны криминального авторитета, сопоставимые по масштабу с похоронами Л. Брежнева или даже В. Высоцкого.

АРЧИЛ

В то время все, что связано с криминалом, было очень модным: блатные песни, блатной жаргон. Знакомство с бандитами считалось престижным, им гордились и хвастались.

Мой друг Арчил Гомиашвили, известный актер, который сыграл Остапа Бендера, рассказывал, что, когда журналисты узнали, что он сидел не за политику, а по уголовной статье, сразу проявили к нему повышенный интерес: стали приглашать на ток-шоу на разные каналы телевидения, брать интервью (в юности за драку Арчил два года сидел в тюрьме). Одно такое ток-шоу с Арчилом Гомиашвили я видел по телевизору. Арчила спрашивали, что надо сделать, как надо себя вести, что надо уметь и знать, чтобы стать вором в законе. Арчил отвечал, что вором в законе не был, в тюрьме считался «честным фраером» (имел право сидеть с ворами за одним столом). А вообще его мечта сыграть Короля Лира. Король Лир никого не заинтересовал, его продолжали расспрашивать, какие у вора в законе права, обязанности и привилегии и есть ли у воров в законе пенсия. И только один пожилой журналист вспомнил, что Арчил сыграл Остапа Бендера, и спросил:

— Если бы Остап жил сегодня, был бы он вором в законе?

— Не думаю. Скорей всего, он открыл бы ресторан и назвал его «Золотой Остап».

Между прочим. «Золотой Остап» один из первых частных ресторанов в Москве, и открыл его Арчил Гомиашвили.

Когда я поднимал тост за Арчила, всегда говорил:

— Арчил прекрасно сыграл Остапа Бендера. А Остап Бендер мог бы сыграть Арчила Гомиашвили?

И из тех, кто знал Арчила, никто не сказал:

— Да.

НЕ БЫЛО БЫ ХУЖЕ

В марте 93 года израильтяне пригласили в Израиль для показа фильмов режиссера Петра Тодоровского с фильмом «Анкор, еще анкор!», режиссера Игоря Гостева с фильмом о Никите Хрущеве «Серые волки» и меня с фильмом «Настя». Дорогу, гостиницы и питание оплачивали они. С нами в Израиль поехали продюсер и жена Тодоровского Мирра Тодоровская, актриса Лена Яковлева (она играла главную роль в фильме «Анкор, еще анкор!») и сын Хрущева Сергей Никитич (он был консультантом на фильме «Серые волки»).

Случилось так, что первый общественный просмотр фильма «Настя» был не в Доме кино в Москве, как обычно, а в Израиле в Иерусалиме. Реакция на фильм «Настя» наших бывших соотечественников была для меня неожиданной. После просмотра в Иерусалиме, на который собралось немало бывших деятелей советской культуры (актеры, режиссеры, писатели, критики), была полная тишина. И я понял: провал — и ушел. И, конечно, очень расстроился. По сути, я показывал фильм на публике первый раз. До этого был только один просмотр «для родственников и друзей» в малом зале на «Мосфильме». И как всегда, они поздравляли и хвалили. Вечером позвонил кинокритику Семену Чертоку, спросил:

— Семен, почему такая немая реакция? Фильм так не понравился?

— Гия, всех поразило, как ужасно теперь вы живете. У многих ведь еще родственники там остались, друзья.

А через месяц в Москве на просмотре в Доме кино была совершенно иная реакция. Смеялись. Аплодировали. После просмотра бурно поздравляли. Почему такая разница в восприятии? Думаю, дело в том, что мы ко всем ужасам нашей действительности привыкли, они были нашей повседневностью. Ну света нет, ну в магазинах пусто, ну танки ездят, ну нищие генералы, ну бандиты, ну грабят и убивают… не было бы хуже! А для израильтян все это было шоком.

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Жили мы в Иерусалиме, фильмы показывали в Иерусалиме, в Тель-Авиве и в разных городах и городках (в Израиле все недалеко). Как правило, просмотры были днем (за каждый показ нам платили сто шекелей). По вечерам устроители нас часто приглашали на свадьбы (наверное, экономили на ужине). Водили нас на свадьбы еврейские и грузинские (о свадьбах в Израиле я писал). На еврейских свадьбах у устроителей козырной картой был сын Хрущева Сергей. Когда мы приходили, ведущий объявлял, что среди гостей, которые к нам присоединились, сын Никиты Хрущева Сергей Никитич Хрущев! И все встречали нас аплодисментами. На грузинских свадьбах Сергея Никитича не объявляли (после жестокого разгона в 56-м году демонстрантов в Тбилиси Никиту Хрущева в Грузии не очень любили). И на грузинских свадьбах объявляли, что среди гостей, которые к нам присоединились, автор фильмов «Мимино» и «Паспорт» режиссер Данелия.

А как-то на еврейской свадьбе в городке Ашдод произошло следующее. Мы пришли. Нас усадили за отдельный стол лицом в зал. Сергея Никитича с нами не было (он был на встрече с российским послом). В динамиках что-то прозвучало на иврите. Устроитель сказал мне шепотом:

— Встаньте, Георгий Николаевич.

Я встал. В зале неуверенно поаплодировали, начали переглядываться и что-то друг у друга спрашивать. Я поклонился и сел.

— Меня объявили? — спросил я Мирру, которая сидела рядом.

— Нет. Как я поняла, объявили сына Хрущева, — улыбнулась Мирра. — Дети лейтенанта Шмидта.

— Так зачем же вы меня подняли? — повернулся я к устроителю.

— Извините, перепутал. Машинально.

— Ничего страшного, молодые посмотрели на режиссера Данелия, — сказала Лена Яковлева и продолжила рассказывать про сынишку. Я сидел рядом с Леной Яковлевой, она тихо рассказывала мне про своего сына, которому исполнился год (ни о чем другом она говорить не могла).

— Можно беседу прервать? — к нам шел, опираясь на палку, древний старик, лет девяноста пяти, в советском двубортном костюме.

Старик остановился передо мной и закричал тоненьким

старческим голосом:

— Молодой человек, как вас зовут? (Мне было уже шестьдесят.)

— Георгий.

— Так вот, Георгий Никитич, я хочу, чтоб вы знали, я советскую власть ненавижу и презираю! Я плюю на нее с высокой колокольни! — старик кричал на весь зал. — Но батюшку вашего, Никиту Хрущева, чту и уважаю!

— Подождите, послушайте… — попытался остановить его я.

— Молодой человек, имей такт, не перебивай! Если бы не отец твой, сгнил бы я в концлагере на Колыме! Светлый был человек! Будешь на кладбище — и от меня цветочек положи, от Ефима Захаровича.

— Ефим Захарович, понимаете….

— Ладно, все! Приятного вам аппетита, — прервал меня старик, повернулся и пошел.

Между прочим. В 56-м году Хрущев выпустил десятки тысяч политзаключенных.

И тут я увидел, что в зал вошел Сергей Хрущев, остановился в дверях и ищет нас глазами. Я помахал ему рукой. Сергей подошел, мы для него освободили место, он устроился.

— Хорошо, что вы пришли, а то меня… — начал я объяснять Сергею.

— Молодой человек, — к нашему столу снова шел старик. Остановился перед Сергеем, прокричал:

— Мне сказали, что вы тоже сыном Хрущева являетесь!

— Да, — неуверенно сказал Сергей.

— А ваше имя?..

— Сергей Никитич.

— Сергей Никитич, я уже говорил вашему брату, что советскую власть я презираю, и что я на нее плюю! Но отца вашего я уважаю! Светлый человек!

— Простите, я не очень понимаю…

— Сейчас все поймешь. — Ефим Захарович повернулся и заковылял к ведущему.

— Сергей Никитич, — опять начал я, — пока вас не было…

— Георгий Николаевич, — перебила меня Лена Яковлева, — давайте сначала послушаем, что Ефим Захарович скажет.

Старик взял у ведущего микрофон и объявил:

— Господа, внимание! К нам приехал еще один сын Никиты Сергеевича Хрущева — Сергей Никитич! Переведи, — он протянул микрофон ведущему.

Тот перевел на иврит (на свадьбе было мало русскоговорящих).

— Сергей Никитич, встаньте, тоже покажитесь народу, — крикнул старик.

Сергей встал. Ему поаплодировали. Старик снова отобрал у ведущего микрофон и закричал:

— Друзья и вы, молодые, слушайте и запоминайте, — старик повернулся к жениху с невестой, — у нас в гостях братья Хрущевы, Сергей Никитич и Георгий Никитич! — Старик показал палкой на Сергея и на меня.

Сергей удивленно посмотрел на меня.

— Их отец выпустил на свободу всех, кого Сталин без вины посадил! — продолжал старик. — И меня в том числе, и жену мою покойную, Верочку, и сестру ее старшую, вот так вот… Господа, давайте выпьем за память светлого человека Никиты Сергеевича Хрущева и за здоровье его сыновей Георгия и Сергея! Лехаим! Переведи, — он сунул микрофон ведущему.

Тот перевел, коротко и без эмоций.

— Ребята, встаньте, покажитесь народу, — обратился к нам Ефим Захарович.

Между прочим. Сергею в тот вечер мы объяснили, что и почему. Он воспринял все с юмором и попросил меня до конца вечера не признаваться, что я не его брат, чтобы не нарушать гармонию свадьбы.

Когда не пьешь, сидеть долго за столом весьма тягостно. Я вышел на улицу подышать. За мной вышла женщина лет шестидесяти с простым русским лицом.

— Георгий Никитич, я жена сына Ефима Захаровича, — представилась она. — У нас с моим Фимой спор возник. Если не хотите, не отвечайте. Вы с братом от одной мамы или от разных?

— От разных.

— Я выиграла. А Фима думает, что у вас папы разные.

— Фима тоже выиграл, — сказал я. — И папы у нас разные.

А МНЕ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ

После премьерного просмотра «Насти» в Доме кино в Москве в половине двенадцатого ночи звонит Александр Володин.

— Я с вокзала звоню. У меня через двадцать минут поезд. Хочу тебе сказать, ты настоявший режиссер! Старик со старушкой в трамвае играют Шуберта — это высокий класс. Поздравляю!

— А что же ты после просмотра не подошел.

— Не хотел настроение портить. Там тебя все поздравляли, а мне картина не понравилась. Я был прав. Не надо было ее снимать.

Когда писали сценарий, Володин жил у меня, в маленькой комнате рядом с кухней. Обычно ночью, часа в два, я выходил на кухню курить. В первую же ночь, минут через десять, на кухне появился Саша, одетый, с бумагой, ручкой и начал говорить о сценарии. (Саша не курил.) Поработали часов до четырех. А утром в 7.30 подъем. В 8.30, как и договорились, приехал Адабашьян. На следующую ночь то же самое. Сначала я думал, что Володин выходит ночью на кухню, потому что сам не спит, но потом понял, что деликатнейший Саша выходит на кухню, потому что ему неудобно передо мной. Как это так: я работаю, а он спит.

— Не работаю я, Саша, я курю.

— Ты же думаешь о сценарии.

— Думаю.

— Давай думать вместе.

Но самым тяжким для него было не то, что он не высыпался. Великий драматург не верил, что эту его сказку можно экранизировать. Он ходил тихий, грустный, часто вздыхал и говорил:

— Ничего у нас не получится.

«КИНОТАВР»

С фильмом «Настя» я первый раз попал на фестиваль «Кинотавр» в Сочи. Гостиница «Жемчужная», пляж, шашлычная, длинноногие девушки, приличный кинозал, казино. Мне понравилось. К чести Марка Рудинштейна, он приглашал на фестиваль и старых, давно вышедших из моды звезд (с внуками и правнуками). И с ними я с удовольствием обсуждал аморальное, безыдейное, пустое, непонятное, жестокое, глупое современное кино. И вообще все, что с нами произошло.

На «Кинотавре» было много и новых кинематографистов, которых я не знал. А также приезжало много бандитов (они почему-то полюбили этот фестиваль). Я спросил Марка Рудинштейна, как мне отличать бандитов от кинематографистов.

— Проще всего на пляже, — сказал Марк. — Если пьяный и без креста — это киношник, если трезвый с большим крестом — это бандит.

Между прочим. Тогда еще кресты не успели надеть все, все, все, кроме иудеев и мусульман.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Солнечное утро. Черное море. Пляж гостиницы «Жемчужная». Народу много. На топчане всемирно известная писательница Виктория Токарева с дочкой Наташей. Я подошел.

— Доброе утро, девочки!

— Доброе утро, — ответила Наташа А Вика громко спросила:

— Гия, ты почему зубы не надел?

— Мама, — с упреком сказала Наташа.

— Вика, зачем такую дорогую вещь на пляж таскать. Украдут, — сказал я.

И Вика захохотала, громко и весело. Люблю, когда она хохочет.

Между прочим. С Викой Токаревой мы написали вместе шесть сценариев. Последний, «Мимино», почти сорок лет назад. Журналисты часто пытали меня про наши личные отношения. Но я был неприступен и тверд, никогда ничего не рассказывал. А сейчас постарел и стал болтлив.

«АМАРКОРД»

За фильм «Настя» я получил самый дорогой для меня приз — «Амаркорд».

Я уже писал об этом, но для тех, кто не читал первую книгу, поскольку для меня это важно, я повторю. Когда Сергей Параджанов сидел в лагере, он собирал крышки из фольги, которыми тогда закрывали молочные бутылки. Он прессовал их в медальон и гвоздем делал чеканку. Один из таких медальонов (с горельефом Девы Марии) он подарил Тонино Гуэрра. Тонино отлил медальон в серебре и подарил своему другу Федерико Феллини, для которого написал много сценариев. Феллини в то время уже был болен и лежал в больнице. И Феллини сказал Тонино:

— Давай из этой медали сделаем приз и назовем его «Амаркорд». И будем вручать его на фестивале в Римини — в городе, где мы выросли и снимали фильм «Амаркорд». Это будет наш приз.

Тонино рассказал Феллини, какие фильмы участвуют в конкурсе фестиваля и кто из режиссеров приехал. И Феллини предложил дать приз мне.

— Но ты же не видел фильм, который Данелия привез, — сказал Гуэрра.

— И не надо. Я видел «Не горюй!», и мне достаточно.

Приз на закрытии фестиваля вручил мне Тонино Гуэрра. Таким образом, я получил приз «Амаркорд» от Федерико Феллини за картину «Настя», которую он не видел. Феллини очень нравился фильм «Не горюй!».

Тонино Гуэрра и я

ЛЮДИ АПЛОДИРОВАЛИ

В октябре 93 года Досталь сказал мне, что Карло Понти (муж актрисы Софи Лорен и крупный итальянский продюсер) предлагает снять совместный фильм по роману Толстого «Анна Каренина» с Софи Лорен в роли Анны. И спросил, не возьмется ли объединение «Ритм» за этот проект. Я ответил, что не возьмется, Софи Лорен уже слишком взрослая для этой роли, и предложил такой вариант:

— Взять за основу сюжет пьесы А. Островского «Без вины виноватые». Героиня театральная актриса, на сцене играет роль Анны Карениной. Ей 40–45 лет. Для Софи Лорен как раз, и для Анны Карениной на театральной сцене тоже нормально.

— Напишите заявку, — сказал Досталь.

— Напишем. Только предупреждаю, как режиссер я эту мелодраму снимать не буду.

— Вы напишите, а насчет режиссера подумаем. Писать сценарий я предложил моему другу Рустаму Ибрагимбекову. Мы с ним написали либретто, перевели и послали в Италию. Через неделю Досталь сообщил, что сюжет Карло Понти понравился и он спрашивает, согласны ли сценаристы приехать в Рим обсудить сценарий с Софи Лорен. И если согласны, в какой гостинице мы хотим остановиться? Ответили, что обсудить согласны, остановиться хотим в гостинице «Мария Луиза» на площади Испании. Ждем неделю, ждем вторую. Ответа нет. Звоним. Никто не берет трубку. Понимаем, скорее всего, это может быть связано с событиями в Белом доме (в начале октября Ельцин разгонял народных депутатов и танки стреляли по зданию, где они заседали).

Связались с Валерием Нарымовым, представителем «Совэкспортфильма» в Италии. Валера сказал, что Понти и Софи Лорен недавно уехали в Америку, в Голливуд. Координаты узнает и сообщит.

Когда от Валеры пришел факс с адресом и телефоном, я попросил сотрудницу иностранного отдела «Мосфильма» Людмилу Аринову позвонить в Голливуд. И предупредил ее:

— Если будут спрашивать о событиях в Белом доме, смикшируй все это.

Трубку взял сам Карло Понти. Людмила сказала, что звонит с «Мосфильма» по поводу проекта «Анна Каренина». Выслушала ответ и удивилась:

— Гражданская война?., *(итал.)* Что вы, сеньор Понти! У нас все тихо, спокойно… На Красной площади детский хор поет…

Танки стреляют?.. По Си-эн-эн видели? Парламент горит?.. Сеньор Понти, у вас недостоверная информация, не было там ничего серьезного… Это просто президент Ельцин пугал вице-президента Руцкого. Москвичи ходили смотреть с женами, с детьми.

— С собаками, — подсказал я.

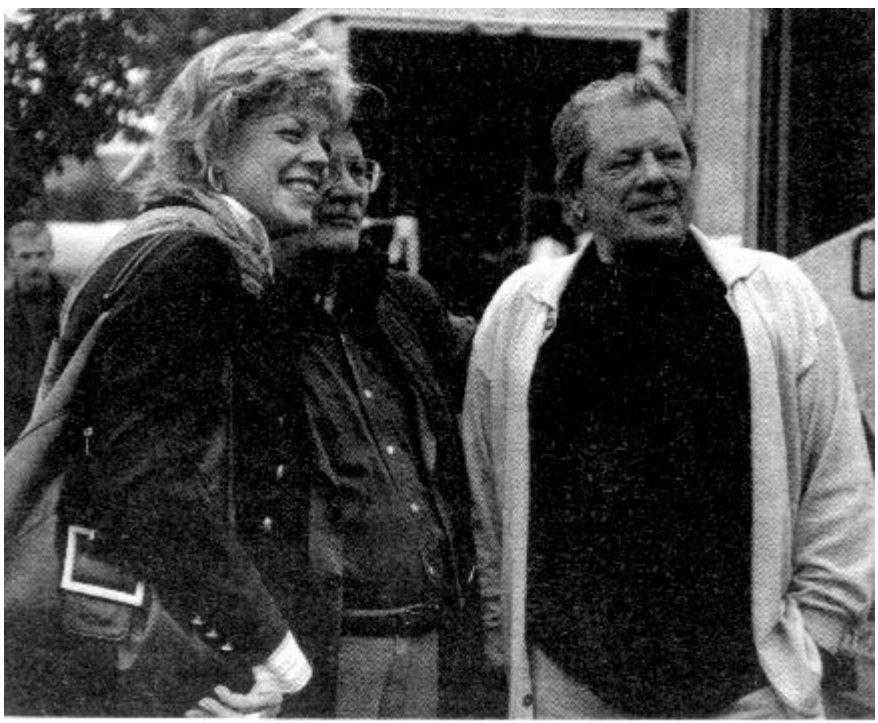
— Вот и сеньор Данелия подсказывает, что там и с собаками гуляли. Все было весело и доброжелательно. При удачных выстрелах люди аплодировали!.. Я?.. Почему вы так решили?.. Я абсолютно трезвая!.. Я вообще не пью!.. Алло! Алло!.. Георгий Николаевич, он бросил трубку.

На этом итальянский проект «Анна Каренина» завершился.

Между прочим. Через несколько лет Кушнереву пришла идея переписать сценарий «Анна» на ведущую певицу Любовь Казарновскую. Мы с Рустамом и с Любой Казарновской встретились, замысел ей понравился, а она понравилась нам. И сценарий для Казарновской мы написали.

Фильм «Анна» никто не посчитал выдающимся. И мы, авторы, как и положено, говорили:

— Сценарий был лучше!



Любовь Казарновская и Юра Кушнерев

ПОХОРОНЫ ФЕЛЛИНИ

А 31 октября 1993 года не стало моего кумира великого Федерико Феллини. От «Мосфильма» в Италию на похороны полетели Владимир Досталь, Сергей Соловьев и я. А в Риме к нам присоединились Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева (там они монтировали фильм «Тихий Дон»). Прощались с маэстро на киностудии Чинечитта. В большом павильоне от пола до потолка натянули огромный задник, синее солнечное небо, на этом фоне на постаменте поставили гроб, вокруг стояли персонажи из фильмов Феллини в игровых костюмах, и тихо звучала печальная и светлая музыка Нино Ротты. Проститься со своим земляком пришли сотни тысяч итальянцев, приехали делегации со всего мира. Потом было отпевание в церкви, там тоже звучала музыка Нино Ротты из фильмов Феллини. Разрешение на это жена Феллини, гениальная актриса Джульетта Мазина получила от папы римского. Маленькая, хрупкая, тогда уже очень больная Джульетта Мазина сама организовала и режиссировала эти грандиозные похороны. Это было настолько эмоционально и душевно, как будто я посмотрел еще один фильм маэстро. Последний.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Звонит Элем Климов.

— Гия, что снимаешь?

— Ничего. Думаю.

— Ты мне говорил, что хотел снимать «Мастера и Маргариту?

— Да.

— Желание не пропало?

— Нет.

— Снимай, по старой дружбе дарю.

— А что так? Передумал?

— Как я задумал, снять невозможно. Таких денег нет и, судя по всему, не будет. А по-другому я не согласен.

В 66 году возвращались из Баку с выбора натуры по картине «Хаджи Мурат» Вадим Юсов, Ипполит Новодережкин (художник) и я. Проезжали Кубань. На станции Крылатское Юсов купил жареную курицу. Я крикнул из окна вагона, чтобы он взял и газету, руки вытирать. Газет не было, Юсов купил журнал. Курицу съели, косточки завернули в страницы журнала, кинули в мусорное ведро. Я забрался на верхнюю полку, взял остатки журнала, начал читать. Сразу же удивился. Потрясающая проза. Что это? Первых страниц нет, последних тоже. В Москве выяснил, что в поезде читал первую часть романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который был опубликован в 11-м номере журнала «Москва». И еще выяснил, что первое объединение «Мосфильма» уже выкупило права на экранизацию романа у вдовы Булгакова Елены Сергеевны, и этот фильм будет снимать Игорь Таланкин.

Через какое-то время «Хаджи Мурата» закрыли. Я позвонил Таланкину и предложил:

— Игорь, давай опять вдвоем снимем. Ты библейскую часть и историю Мастера, а я про Воланда и его компанию.

— Гия, думаю, ты сам понимаешь, что вместе работать у нас уже не получится.

— Понимаю. Но все равно жалко.

Через месяц и Таланкина закрыли. Было еще много желающих снимать этот роман, но никому не дали.

А через двадцать с лишним лет, в конце восьмидесятых, с фильмом «Мастер и Маргарита» в нашем объединении запустился Элем Климов. Ему снимать роман Булгакова разрешили. Сценарий Элем написал со своим братом Германом. Это должна была быть грандиозная постановка с огромным бюджетом. У Госкино таких денег не было, необходимо было привлечь

иностранный капитал. По этому поводу Элем и Юрий Кушнерев вели бесконечные переговоры с различными продюсерами (американскими, итальянскими, германскими).

А тут мы узнаем, что на Студии Горького с фильмом «Мастер и Маргарита» запустился режиссер Юрий Кара. Звоним в Госкино:

— Мы же снимаем этот фильм. Почему и другому разрешили?

— А нас никто не спрашивал. Спонсоры дали деньги, вот он и снимает. Капитализм.

— Ну, и как быть? Что делать? — спросил Элем.

— А что мы можем сделать? Взорвать Студию Горького? Снимай. Я убежден, что будут две абсолютно разные картины.

— Но это же бред, я первый заявку подал!

— Нет, Элем, не первый. Первым подал заявку Игорь Таланкин, потом Венгеров, потом Наумов и я собирался снимать. Всем отказали, а тебе разрешили. Ты первый секретарь Союза.

— Вопреки твоему желанию, Гия.

— Было дело. Каюсь.

В 96 году, после того как на съезде Союза кинематографистов выбрали членов правления, новое правление собралось там же, в Кремле, чтобы выбрать первого секретаря Союза кинематографистов. Обычно кандидатуру первого секретаря назначал Центральный Комитет Коммунистической Партии (сокращенно ЦК). Все стояли и ждали, когда приедет кто-то из ЦК и назовет фамилию «избранного». Стоим с Сережей Соловьевым гадаем:

— Кого предложат?

Ясно, что кандидат должен быть русским, членом партии, известным и обязательно членом правления.

— Никиту Михалкова?

— Он не член правления и не член партии.

— Колю Губенко?

— Тоже не член правления.

— Как, и Губенко не выбрали?.. Тогда Володю Меньшова, «Оскара» получил…

— Не уверен, что Володя член партии.

— Элем Климов! Партийный, русский, знаменитый.

— Элема не предложат, он у них главный антисоветчик.

К нам подошел Ролан Быков и сказал, что надо выбрать первым Михаила Ульянова.

— Почему Ульянова? Он же театральный деятель.

— А потому, что всех депутатов, кроме него, за борт выкинули.

Между прочим. После выборов на этом съезде почти никто из маститых кинематографистов в правление не вошел.

— А почему обязательно депутат?

— А потому! Предположим, выбрали тебя, Гия. Союз решил организовать фестиваль народов Севера. Звонишь первому секретарю обкома (губернатору) Свердловска, представляешься, просишь соединить. А тебе говорят: «Сейчас он очень занят. Позвоните на следующей неделе, товарищ». А на следующей неделе снова говорят то же самое. И так будет всегда. А теперь звонит Ульянов: «Здравствуйте, с вами говорит член ЦК, депутат Верховного Совета СССР Михаил Ульянов. Сам у себя?» А ему что отвечают: «Одну секундочку, Михаил Александрович! Соединяю, Михаил Александрович!»

— Ну что ж, убедительно.

— Тогда подключайтесь, я один всех обойти не успею.

И энергичный Ролан пошел агитировать дальше. А я подошел к Элему Климову и сказал, что надо выбрать Михаила Ульянова.

— Почему Ульянова?

— А потому. Ну, предположим, выбрали тебя, Элем, только не обижайся, звонишь ты первому секретарю обкома, представляешься, просишь соединить. А тебе говорят: «Позвоните на следующей неделе, товарищ, а лучше вообще не звоните.» А теперь звонит Ульянов…

Тут всех позвали в зал, и член политбюро Александр Николаевич Яковлев объявил, что Центральный Комитет Коммунистической Партии рекомендует избрать первым секретарем Союза кинематографистов Климова Элема Германовича.

— А у нас другая кандидатура, — не сдался Ролан, — мы предлагаем Ульянова Михаила Александровича.

Но Ульянов сразу же отказался, сказал, что сам с чистым сердцем проголосует за Элема Климова. И все единодушно, включая Ролана, Сережу и меня, проголосовали за главного антисоветчика Элема, честного и принципиального человека.

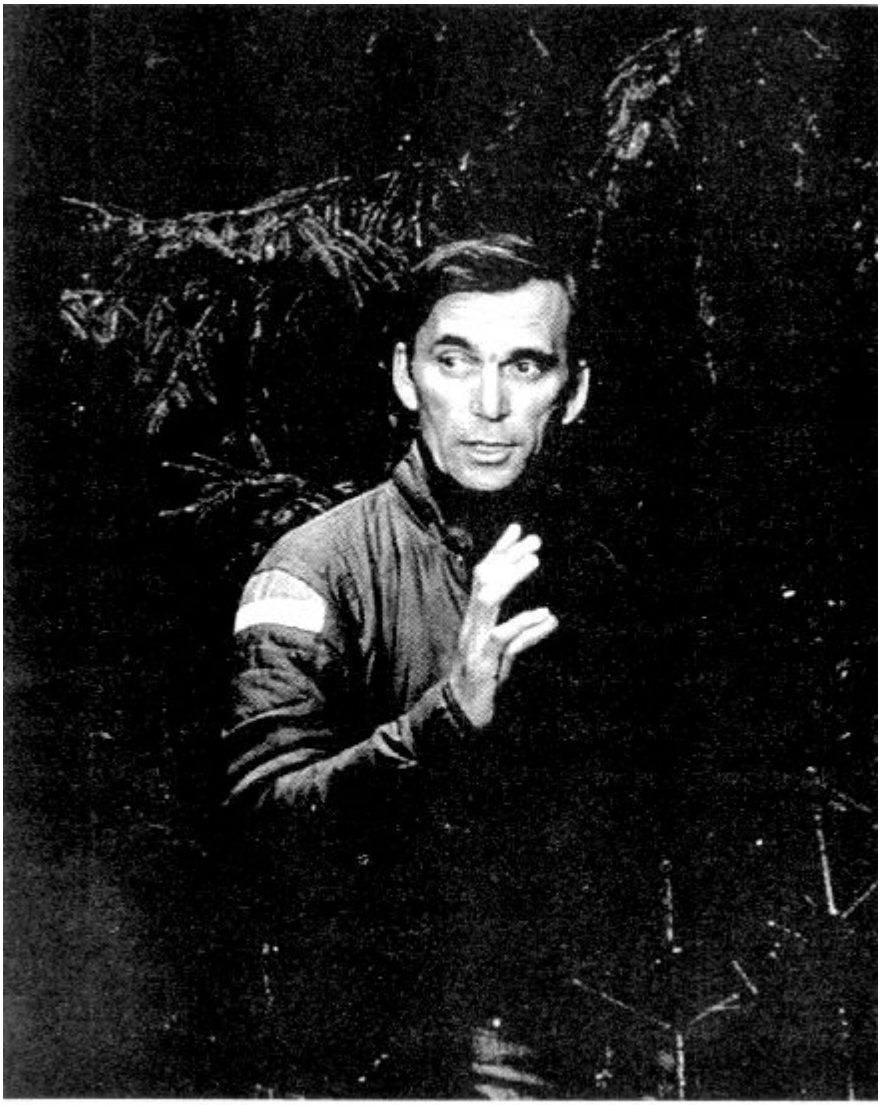
Между прочим. С Элемом Климовым мы были приятели еще со времен нашей юности. Но у нас было одно принципиальное расхождение. Элем считал, что Сталин злодей, который исказил учение Ленина. А я считал, что Сталин верный ученик Ленина и в точности выполнил все, что тот завещал. А кто из них больший злодей, не мне судить.

Элем уступил мне «Мастера и Маргариту», я позвонил ему:

— Спасибо большое, Элем, но как снимать этот фильм, я не знаю и поэтому подарок возвращаю.

О визите Воланда со своей командой в Москву тридцатых годов можно снять озорной и трагичный фильм о человеческой глупости. Главное — сохранить авторскую интонацию. Это понятно. Но кот! Как сделать кота? Актер в шкуре? Будет заметно. Кукольная анимация? Рядом с актерами будет мертвой. Просто человек, шаловливый проказник-юноша? Нет, не простят, все ждут обаятельного симпатягу безобразника-кота. И я позвонил Элему и отказался.

Сейчас, после того как я снял полнометражный анимационный фильм «Ку! Кин-дза-дза», уверен, что по роману «Мастер и Маргарита» можно снять отличный анимационный фильм. И я знаю как, но на такой подвиг сил уже нет. Пока я снимал «Ку!», понял, какой это тяжкий труд.



Элем Климов

ОРЕЛ И РЕШКА

Прочитал повесть Владимира Маканина «На первом дыхании». В ней автор рассказывает о том, как молодой инженер Олег Чагин борется за свою любовь. У героя яркий характер — порывистый, непредсказуемый, с юмором. В финале автор пишет: «Никогда никому не говори, что в молодые годы ты был глуп и смешон. Ты говори: был легковерен, был искренен, был свободен, был добр, был на первом дыхании».

— То, что надо, — решил я.

Писать сценарий пригласил сценариста Сергея Дернова. Он написал сценарий для фильма «Божья тварь», который сняла моя жена Галя. Сергей прочитал повесть и сказал:

— Я — за! Какие-то наметки по актерам у нас есть?

— Пока одна — Полина Кутепова.

— Кутепова? Я как-то по-другому Лену представлял.

— Не Лену. Зину.

— Но Зина же намного старше Чагина.

— Перепишем.

— А не захочется нам, чтобы в финале он улетел на Север не один, а с Зиной?

— Захочется.

Сережа подумал и сказал:

— А что? Светлая будет история.

Сам Сергей Дернов был светлым человеком.

Начали писать. Молодой инженер Олег Чагин работает на Севере на буровой вышке. Узнает, что его невеста Лена вышла замуж, срывается и летит в Москву. Ночью является к молодоженам выяснять отношения. Лена говорит, что она замужем и это окончательно. Чагин не сдается. Устраивается к ней на работу, пытается вернуть любимую. Но тщетно! Тогда он решает: «Пропади все пропадом!» — и летит в Сочи купаться в море. А там, по дороге из аэропорта его осенило: «Женщины так устроены: говорят — нет, а думают — да!» У первого же телефона-автомата он останавливает такси, звонит в Москву своему другу Андрею и говорит: «Если Лена будет меня разыскивать, телеграфируй: Сочи, главный почтамт, до востребования!» Андрей ему сообщает: Лена в больнице в тяжелом состоянии. Она попала под машину. Чагин разворачивает такси, возвращается в аэропорт и летит в Москву. В больнице узнает, что для Лены необходимо достать редкое и очень дорогое лекарство. Денег на это лекарство у Олега не хватает. Он сдает чужую квартиру цыганам, ночует на вокзале,

продает пальто, кожаную куртку, работает грузчиком, мусорщиком, собирает нужную сумму и лекарство покупает. Но сам заболевает воспалением легких: на улице холодно, ноябрь, а он без теплых вещей. Его приютила и выходила раздатчица столовой Зина, муж которой сидит в тюрьме. Через месяц Олег поправился, пришел в больницу. Лена уже выписалась. Пошел к ней домой, а там выяснилось, что его бывшая невеста опять выходит замуж. Теперь уже за врача, который ее лечил. И Чагин решает вернуться на свою буровую.

Дошли до финальной сцены, когда Чагин приходит к Зине прощаться. Мы с Сережей хотим, чтобы он позвал Зину с собой. Но не получается никак. Не зовет он ее, и все! Это только кажется, что автор хозяин поступков своих героев. Власть его ограничена. И мы решили оставить вопрос открытым, дать надежду. Написали такой финал. Перед вылетом на Север Олег зашел в столовую к Зине, подарил часики, пообещал ее именем назвать буровую вышку, чмокнул в щеку, попрощался и ушел. На остановке вместе с другими пассажирами втиснулся в автобус. Когда автобус тронулся, услышал:

— Олег, Олег!

Через головы пассажиров, в заднее окно увидел, что по улице, в своем халате, размахивая руками, бежит Зина.

— Стой! Открой дверь! Останови! — крикнул Олег.

Водитель не реагировал. Олег протиснулся к дверям, раздвинул их и выпрыгнул из автобуса. Споткнулся, упал. Хромая, побежал навстречу Зине. Девушка едва переводила дыхание.

— Ой… боялась… уедешь… не успею. Вот. Ты потерял. Твой талисман. — Зина протянул руку, раскрыла ладонь. Там была пуговица. — Теперь лети, теперь можно — выдохнула она.

Между прочим. Во время первой встречи Чагин достал из кармана оторванную от куртки пуговицу, подкинул ее, поймал и спросил:

— Орел или решка?

— У пуговиц не бывает, — сказала Зина.

— Это не пуговица. Это — талисман, — соврал Олег.

Олег взял с ладони Зины пуговицу. Посмотрел на взволнованную девушку, на пуговицу и спросил:

— Орел или решка?

— А зачем?

— Потом узнаешь.

— Орел, — сказала Зина.

Олег высоко подкинул пуговицу.

— И решка, — быстро добавила Зина. Стоп-кадр. Олег и Зина стоят, смотрят вверх, а в воздухе зависла пуговица.

Сняли все. Озвучили. Смонтировали. Посмотрели материал целиком. И поняли: эпизод с пуговицей не добавляет нашему повествованию оптимизма. Угадает Зина или нет, не имеет значения: Чагин не может взять ее с собой. Только вчера, узнав, что Лена опять выходит замуж, он истошно орал на ее лестничной площадке арию: «Смейся паяц, над разбитой любовью!», а после бешено трясся на дискотеке. Сейчас он опустошен. Нужно время…

Кирилл Пирогов сыграл эти сцены блестяще.

И мы с Сережей придумали такой финал: общий план. Мерзлая земля тундры. На сером фоне неба буровая вышка. В небе вертолет. На этом фоне голос Зосимы Петровича, начальника Чагина:

— Центральная, дай-ка мне «Прищепкину»! (Прищепкина — фамилия Зины.)

Голос Чагина:

— Буровая «Прищепкина» на связи! Голос Зосимы.

— Чагин! Опять своевольничаешь? Какого черта технологию нарушаешь?! Все буровые как буровые! Одна «Прищепкина» у меня, как чирей в заднице!

Голос Зины:

— Секундочку! Зосима Петрович, это я, Зина. Зосима Петрович, переименуйте вышку, пожалуйста! А то каждый раз на всю тундру: «Прищепкина» то, «Прищепкина» се! Обидно ведь!

Голос Зосимы:

— Нет уж, Зинаида! Кто назвал, тот пусть и переименовывает!

Конец фильма. Музыка. Титры.

Доснимать ничего не пришлось — все смонтировали из остатков материала.

И хотя в фильме уже нет эпизода, как Чагин подбрасывает пуговицу, название так и оставили: «Орел и решка».

РУСЛАН

С Сережей Дерновым мы довольно-таки быстро написали сценарий. В Госкино денег на картину опять дали мало. И снова сказали:

— Ищите спонсора.

Первый спонсор появился сам. Телефонный звонок:

— Меня зовут Руслан. Мне сказали, что вы ищете финансиста для фильма.

— Да.

— Нашли?

— Нет.

— Сколько вам надо?

— В долларах триста тысяч (столько надо было добавить к тому, что дал Госкино, чтобы снять фильм).

— Давайте встретимся и обсудим. Завтра в два вас устраивает? На Сивцевом Вражке, «Дежавю». Приглашаю я.

На следующий день ровно в два мы с Юрой Кушнеревым были в ресторане «Дежавю». Официант принес меню. Открыли. Цены впечатляющие! Попросили принести две бутылки минеральной воды «Боржоми». Ждем Руслана. Стали изучать меню, что закажем, когда он придет. Выбрали. Ждали полтора часа. Выпили три бутылки «Боржоми». Руслан так и не появился. Злой вернулся домой. Телефонный звонок.

— Георгий, это Руслан. На всякий случай напоминаю, завтра в два у нас встреча.

— Сегодня была встреча. Я только что вернулся из ресторана.

— Как?! Не может быть! Сегодня? А у меня записано завтра. Извините, Георгий! Можно я приеду прямо сейчас?

— Можно.

Я дал адрес и объяснил, как меня найти. Через сорок минут звонок:

— Это Руслан. Я возле Центра Ролана Быкова. Дальше куда ехать?

Посмотрел в окно. На той стороне бульвара возле Центра Ролана стояли бежевый «рафик», зеленый «Москвич» и два черных джипа.

— Руслан, ваша какая машина, черный джип?

— Нет, зеленый «Москвич».

«Да, не самый крутой спонсор», — подумал я.

Объяснил, что надо доехать до конца бульвара, повернуть налево, и как раз напротив Центра Ролана мой дом. Зеленый «Москвич» тронулся. За ним последовали два джипа.

Руслан оказался мужчиной лет сорока, высокий, в дорогом синем костюме, в белой шелковой рубашке. В прихожей он скинул замшевые туфли. Я повел его на кухню, поставил чайник. Когда я один дома, то всегда принимаю гостей на кухне, мне так удобней. Сели за стол.

— Руслан, мне в окно было видно, за вашей машиной поехали два джипа.

— Да, это охрана.

— А сами почему на «Москвиче»?

— Чтобы не светиться, — улыбнулся Руслан.

— Руслан, я собираюсь снимать простенький фильм о любви по повести Владимира Маканина «На первом дыхании». Я вам дам сценарий, почитайте, подумайте, посоветуйтесь. Потом поговорим.

— Георгий, я уже посоветовался. Знающий человек мне сказал, что плохих фильмов вы не снимаете. Я с ним согласен. Поэтому я вам позвонил. Сценарий я читать не буду. Кино посмотрю. Говорите, надо триста, будет триста.

— Руслан, в кинотеатрах автомобильные и мебельные салоны, деньги вряд ли удастся вернуть.

— Фильм «Мимино», когда вы снимали?

— 15 лет назад.

— А вчера по телевизору показывали. За это кому-нибудь капает?

— Собственник «Мосфильм», ему капает. А он нам, сценаристам и режиссерам, выплачивает какой-то процент.

— Георгий, а ваш гонорар входит в эти триста или это дополнительные деньги?

— Входит в триста.

— Ну что, бумаги вы подготовите или мне подключить своего юриста?

Я подумал, что все это заманчиво, но надо выяснить, кто такой Руслан на зеленом «Москвиче» с двумя джипами охраны? И сказал:

— Руслан, по этому фильму мой продюсер ведет переговоры с одним бизнесменом. На днях он должен дать окончательный ответ. Я вам сразу сообщу.

— Ладно, — сказал Руслан. — За мной обед. Позвонил своему приятелю, знающему московскую элиту, рассказал о Руслане.

— Судя по твоему описанию, это Руслан Тихий. Он такой романтик, — сказал приятель.

— Ну и что скажешь?

— Если это действительно Руслан Тихий, гарантирую, слова

своего он не нарушит. Как скажет, так и сделает.

— Соглашаться?

— Я не все сказал. Если с ним что-то случится, а это не исключено, к тебе придут его люди и скажут: «Николаевич, нам кино не надо. Верни деньги». И могут быть неприятности.

Я задумался. С начала перестройки в разборках застрелили многих знакомых, шестерых я близко знал, а с тремя из них дружил. (Эти трое никакого отношения к криминалу не имели.) Я позвонил Руслану и сообщил, что финансист, о котором я говорил, дал согласие.

— Очень хорошо. На фильм позовете?

— Обязательно.

Между прочим. На фильм Руслана я хотел позвать, но найти его не смог.

«ЧАРА-БАНК»

Утром рано позвонил Кушнерев:

— Галя в Москве?

— В Москве.

— Пусть готовит вкусный обед.

— Для кого?

— Для господина Рачука, я его пригласил к тебе на обед сегодня, к семи.

— А кто такой Рачук?

— Самый нужный человек в Москве. Президент банка «Чара».

— Откуда ты взял этого Рачука?

— Вчера в Доме кино меня с ним познакомил Андрон Кончаловский. Рачук, оказывается, финансирует его фильм. Я закинул удочку насчет твоего фильма. Рачук спросил: «А дома у Данелии грузинская кухня?» и намекнул, что завтра вечером они с женой свободны. Вот телефон. Звоните, Георгий Николаевич, приглашайте.

Между прочим. Банк «Чара» в то время был очень популярным, и почти вся московская интеллигенция держала в нем деньги. (Там выплачивали самый высокий в стране процент.)

На следующий день Рачук с женой и Кушнерев обедали у нас. Президент банка «Чара» оказался интеллигентным, доброжелательным, интересным человеком, прической и усами напоминающий моего любимого Марка Твена. Говорили о кино. В кино он хорошо разбирался. В свое время его отец был начальником Главка кинематографии. Начать разговор о делах было как-то неловко, угощаешь обедом и деньги выпрашиваешь. Когда пили чай, Рачук сам спросил, сколько надо на фильм.

— Триста тысяч долларов.

— А что так много? — спросила жена Рачука Марина (она была номинальным директором банка «Чара»).

Я сказал, что недавно американцы предлагали мне за постановку фильма сто пятьдесят тысяч долларов, а бюджет того фильма был семь миллионов. А мы просим триста на все.

Между прочим. Такое предложение действительно было, но я отказался. Сценарий был для меня неприемлемым.

— Георгий Николаевич, все будет в порядке, — сказал Рачук. — Давайте завтра созвонимся и обсудим контракт.

На следующий день Кушнерев звонит в банк «Чара». Ему говорят:

— Готовим контракт на триста тысяч рублей.

— Как рублей? Долларов!

— Марина Вячеславна сказала рублей.

Три дня дозванивались до президента банка «Чара». Смогли соединиться только благодаря помощи знакомого, который работал в этом банке.

— Ваши сотрудники говорят, что контракт в рублях.

— В долларах.

— Скажите им.

— Скажу. Звоним.

— Да мы в курсе. Двести тысяч долларов. Транши по 50 тысяч в месяц. Приезжайте, подпишем контракт.

— Как двести? Триста!

— Двести. Это решение самого.

Снова начали вызванивать Рачука. Дозвонились только через два дня.

— Пока двести, а там посмотрим, — сказал он.

Между прочим. В тот же день в новостях упомянули банк «Чара», сказали, что у банка возникли проблемы с лицензией.

Итак, у нас на фильм 350 тысяч долларов (200 от Рачука, 150 от Госкино). Это мало, даже без учета инфляции. Можно на эти деньги снять фильм?

Можно, если экономить на всем. Запустились в производство. Прошел месяц, пошел второй. Первый транш банка «Чара» мы потратили. Ждем второго, не приходит. Звоним, задаем вопросы, нам отвечают:

— На следующей неделе. Звоним в Госкино, и там:

— На следующей неделе.

НЕ БРИЛЛИАНТЫ ПОКУПАЛИ

Денег нет, а остановиться мы не можем. По замыслу на экране должно быть серо, пасмурно, неприветливо. Производство фильма у нас спланировано так, что снимаем в октябре — ноябре. Если вовремя не снимем, выпадет снег и все надо будет снимать заново. Перешли на режим строжайшей экономии, отказывая себе во всем. Запомнилось совещание, на котором обсуждали, брать на завтра грузовик или нет.

— Лучше не брать.

— А на чем рельсы, тележку и приборы везти?

— В автобусе.

— Не поместятся. Там и так народу полно.

— Снимем без рельс и тележки.

От лихтвагена, камервагена, тонвагена, гримвагена и от больших приборов мы отказались с самого начала съемок.

Вечером звонит Кушнерев.

— Георгий Николаевич, телевизор смотрите?

— Нет.

— Срочно включите первую программу! Включил, на экране телевизора «маски-шоу»: люди в черных балаклавах с прорезями для глаз, в камуфляже, с автоматами в руках врываются в банк «Чара».

— Видите?

— Вижу.

— Что будем делать?

— Надо срочно аннулировать контракт.

По контракту 50 процентов прав на фильм принадлежали банку «Чара». Никто из инвесторов при таких условиях не станет с нами разговаривать. И мы с юристом подготовили акт о том, что Рачук отказывается от своих прав в связи с невыполнением обязательств. Но связаться с Рачуком мы не могли, в банке к телефонам никто не подходил. Войти в банк невозможно, его штурмуют толпы возмущенных вкладчиков. На мое счастье, жена Рачука Марина Францева оказалась дочерью друга Юры Роста, известного хирурга Вячеслава Францева. Юра узнал адрес, и мы в 8.30 утра без звонка явились к ним. Жили они в Армянском переулке в двухэтажном особняке. Октябрь. На дворе темно. В окнах второго этажа горел свет. Охранник остановил нас.

— Мы к Владимиру Ильичу, — сказал Рост, — если он спит, мы подождем.

— Как доложить? — спросил охранник.

— Юрий Рост, Георгий Данелия. Охранник сказал кому-то по

рации:

— Здесь Рост и Данелия к Рачуку, — выслушал ответ. — Идите. На второй этаж.

Мы поднялись на второй этаж по лестнице. Дверь была открыта, около нее стоял второй охранник.

— Туфли снимите, пожалуйста.

В прихожей скинули туфли. Охранник проводил нас на кухню. Рачук за столом читал газету, пил чай. Увидев нас, он, не вставая, помахал рукой:

— Садитесь. Мы сели.

— Чай, кофе?

— Спасибо. Ничего. Владимир Ильич, у нас вопрос: банк сможет продолжать финансирование фильма? — спросил я.

— Георгий Николаевич, нам на некоторое время придется взять тайм-аут, — сказал Рачук.

— Надолго?

— Месяц, полгода, может, год…

— Владимир Ильич, мы не можем остановиться, — сказал я. — Через неделю снег выпадет. Надо будет все переснимать.

Вошла Марина Францева.

— Доброе утро, господа.

— Доброе утро.

— Юра, а ты что пришел, у тебя вклад? — спросила она Роста.

— Нет. Я сопровождающий.

— Понятно… Володя, ты очки мои не видел?

— Посмотри на окне, Мариночка. Марина направилась к окну.

— Георгий Николаевич, сколько мы вам перевели, 100? — спросила она.

— Нет, 50 тысяч.

— Может, и хватит? — Марина подошла к окну.

— Нет, Марина Вячеславовна, не хватит. По договору 200 тысяч, по 50 каждый месяц. Мы получили только первый транш. Люди второй месяц без зарплаты. Если банк не может продолжать финансирование, давайте подпишем акт о невыполнении обязательств.

— Понятно. — Марина взяла очки и пошла к двери. — Я же говорила: не надо в это влезать, 50 тысяч долларов коту под хвост!

— Мы на эти деньги не бриллианты покупали, Марина Вячеславовна (у Францевой на пальцах были кольца с бриллиантами, о них много писали в газетах), — а по шестнадцать часов, без выходных под дождем вкалывали!

— Ну, ну… и здесь виноваты. — Марина вышла.

— Не обращайте внимания, она нервничает, — сказал Рачук.

— Георгий Николаевич тоже нервничает, — сказал Рост.

— Владимир Ильич, я на съемки опаздываю, — сказал я. — Если банк не может продолжить финансирование, давайте подпишем акт, а то с нами никто не будет дальше работать. — Я достал из папки бумагу, протянул Рачуку.

Рачук внимательно прочитал.

— А вот скажите, если съемки перенести на следующую осень, во что это обойдется? — спросил он.

— Трудно сказать, что будет через год…

— Ну что ж… — он подписал акт, положил ручку.

— Чай, кофе?

— Спасибо. Мы пойдем.

Вечером по телевизору опять про банк «Чара»: пессимистические прогнозы экспертов, гневные высказывания вкладчиков…

А я подумал: «Этот человек искренне хотел помочь мне. Сейчас ему очень плохо, а я еще нахамил его жене». Набрал домашний номер, который узнал Рост. Трубку поднял сам Рачук. Я сказал ему, что утром излишне резко разговаривал с его женой, приношу свои извинения и прошу простить меня. И хочу, чтобы он знал, что я ему благодарен и, если когда-нибудь, чем-нибудь смогу помочь, все сделаю.

— Спасибо, что позвонили, Георгий Николаевич. И хорошо, что позвонил. На следующий день я узнал, что Рачука не стало. Утром его нашли в ванной. До сих пор нет ясности, что на самом деле произошло. Версий и слухов много. Официально — сердечный приступ.

Между прочим. Через год адвокаты обманутых вкладчиков среди прочих бумаг нашли наш первый контракт с банком «Чара» и подали в суд, чтобы мы вернули двести тысяч долларов. И если бы не этот акт, подписанный Рачуком, не знаю, чем бы все для нас закончилось.

КАЛЬСОНЫ НЕ НУЖНЫ

Итак, денег на съемки ни копейки, «Мосфильм» требует предоплату за технику и транспорт. В группе ропот. Что делать?

— Вот у меня телефон нефтяного олигарха (Кушнерев назвал имя), звоните, Георгий Николаевич.

Набрал номер.

— Как вас представить?

Назвался.

— Сейчас я выясню, — ответили мне. — К сожалению, он занят, Георгий Николаевич, позвоните наследующей неделе.

Я вспомнил предсказание мудрого Ролана Быкова.

— Надо писать заявление Досталю о пролонгации, видимо, придется остановить съемки на год, — сказал я.

— Звоните Стариковскому, Георгий Николаевич, — сказал Кушнерев.

В восьмидесятых годах ко мне пришел Аркадий Стариковский, тогда малознакомый человек, и попросил разрешения поставить на некоторое время его разбитую машину в мой гараж. Я разрешил. А потом случилось так, что мы с Аркадием подружились. В девяностых он стал крупным бизнесменом, и я по ходу съемок фильма «Орел и решка» этим пользовался. Нужны очки в дорогой оправе для нового русского Гоши. Звоню Аркадию:

— У тебя есть запасные очки?

— Есть.

— Присылай.

Нужно кашемировое пальто для другого нового русского. Звоню Аркадию:

— У тебя есть запасное кашемировое пальто?

— Нет. Только то, которое ношу.

— Присылай.

— А я?

— Сейчас не холодно. Всего на два дня.

Нужна для съемок престижная машина. Снова звоню Аркадию. И машина приезжает.

И вот теперь Кушнерев предлагает снова звонить Аркадию.

— Юра, Аркадий не мульти… А потом, мы же не вернем ему эти деньги, — говорю я Кушнереву.

— Георгий Николаевич, пока все ваши фильмы окупились, даже «Настя». Заключим договор, что вся прибыль идет к нему, пока он свои деньги не вернет. Звоните.

Набираю номер.

— Аркадий, еще одна просьба:

— А теперь что: шляпа, часы, телевизор, кальсоны?..

— Кальсоны не нужны. Кальсоны есть, новые.

— А что тогда? Малиновые штаны?..

— Нужно двести тысяч долларов. На фильм. Но должен предупредить: эти деньги мы вряд ли сможем тебе вернуть.

— А когда нужно?

— Сегодня. Только повторяю, по моим прогнозам фильм столько не соберет.

— Это я запомнил. Это можешь не повторять. До завтра можно подумать?

Назавтра Аркадий спросил номер счета, на который нужно перевести деньги. И спас нас.

Деньги Аркадию мы вернули, почти все. Дочка моего друга, очаровательная Татьяна Яковлева, кинокритик, поехала в Германию. Я попросил ее взять с собой кассету с нашим фильмом. Там она показала фильм своей знакомой, которая занималась прокатом. Та отнесла кассету на канал «Европа плюс». И этот канал купил наш фильм. После выплаты налогов мы получили 194000 долларов и перевели их на счет Аркадия. И еще. В благодарность мы написали в начальных титрах большими буквами: «Продюсер Аркадий Стариковский».

Аркадий часто летал по делам в Америку. Во время полета он давал кассету с фильмом стюардессе, чтобы она поставила ее для просмотра. И скромно сообщал ей, что продюсер фильма — Аркадий Стариковский — это он.

— Можете объявить перед просмотром.

Так что Аркадий был доволен.

Между прочим. В своей стране мы денег не вернули. В 1995 году прокат был окончательно развален.

УЛОЖИЛИСЬ!

Бюджет был скромный, но мы уложились. Многое мы сэкономили потому, что большое количество объектов сняли на территории киностудии «Мосфильм». Проектную мастерскую, где работает Лена. Больницу, двор больницы. Склад, где работает Чагин. Двор Зины, где Чагин взрывает гранату. Тюрьму, куда попал Чагин.

Но такие объекты, как квартира Гоши и квартира Зины, в интерьерах «Мосфильма» снять было невозможно. А построить эти декорации в павильоне было дорого. Поэтому квартиру Гоши нам пришлось снимать в моей квартире. А квартиру Зины — в квартире оператора фильма Геннадия Карюка.

У меня снимали так. К восьми утра приезжала группа: второй режиссер, ассистент режиссера, помреж, гример, костюмер, оператор, второй оператор, ассистент оператора, механик, три осветителя, звукооператор, микрофонщик, актеры. Все эти люди во время съемки нужны были на площадке. Так что все они с утра до вечера находились в нашей квартире и на лестничной клетке. И для членов моей семьи это было не очень комфортно. Иногда для того, чтобы «помыть руки», приходилось идти в общественный туалет у Покровских Ворот. Все осветительные приборы, аппаратуру, кабели, костюмы на ночь оставляли у нас. И так шесть рабочих дней.

Но это еще не все. По сюжету жена нового русского Гоши поссорилась с ним и вывезла из квартиры всю мебель. И нам для съемок пришлось вынести из гостиной всю мебель на лестничную площадку. Но и это не все. По сюжету эту квартиру, без мебели, Гоша оставляет Чагину. А Чагин, когда ему понадобились деньги на лекарство, сдает квартиру цыганам. Цыгане пожили там две недели и исчезли, прихватив с собой все, что там оставалось, включая ванну. Поэтому и нам пришлось снять люстры, дверные ручки, отодрать раковину и ванну. Кроме квартиры в моем доме сняли: вестибюль дома Лены, лестницу Лены и прихожую Лены (в квартире Роста). Надо отдать должное подвигу моей жены Гали. Она вынесла все это стойко. И даже часть группы кормила дома.

Квартиру Зины у Гены Карюка мы тоже снимали неделю. И там перевернули все вверх дном. Жена Карюка Галя тоже оказалась героиней, всегда была в хорошем настроении и очень вкусно кормила нас. Особенно мне запомнился украинский борщ.

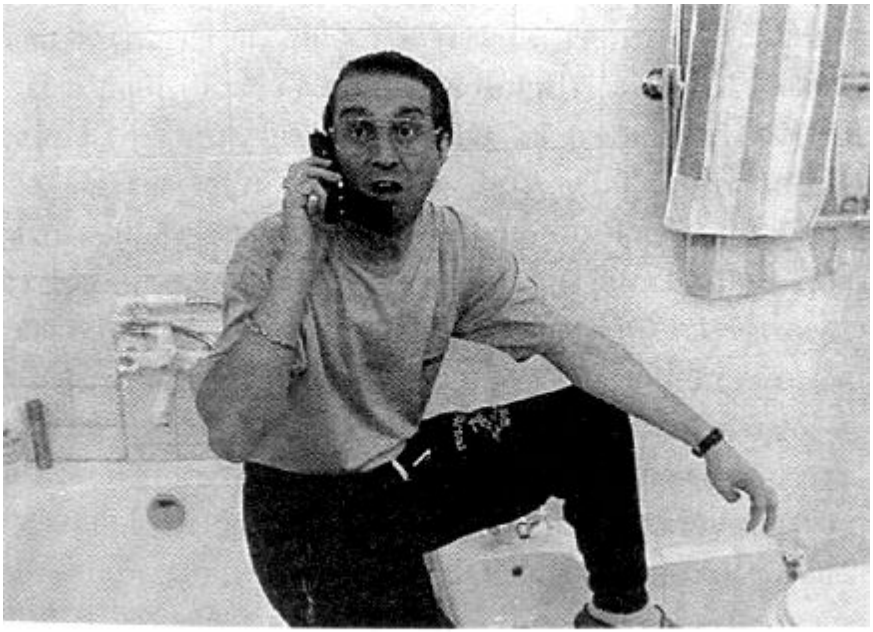
Когда мы запустились с этой картиной, Юсов был занят, Лебешев был занят, Вронский был занят, Клименко был занят, и все они в один голос порекомендовали мне Геннадия Карюка. И я

очень рад, что пригласил его. Экономия на лихтвагене, рельсах, тележке, приборах ограничивала возможности оператора, но Гена добился, что изображение было превосходным.

Художником на фильме был Юрий Кладиенко (с ним я работал еще в 61-м году на фильме «Путь к причалу»). Вторым режиссером Рубен Мелкумов. Ассистентом по актерам была Таня Проничева. Помреж Оля. Директор Владимир Чудовский.

Первой из актеров сценарий прочитала Полина Кутепова. Прочитала и сразу же привела на роль Олега Чагина Кирилла Пирогова, на роль чукчи Герасима — Юрия Степанова, на роль подруги Зины — Ирину Шеламову, на роль мужа подруги — Карена Бадалова, на роль цыгана-милиционера — Павла Сафонова. Все они, как и сама Полина, недавно закончили мастерскую Петра Фоменко в ГИТИС-РАТИ и потом всем курсом стали актерами театра, который так и назывался «Мастерская Петра Фоменко». Полина предлагала своих сокурсников и на роль Андрея, друга Олега, и на роль хирурга, но эти роли были уже заняты. На них мы взяли работников нашей съемочной группы. Роль Андрея сыграл наш ассистент по реквизиту Сергей Швыдкой, а роль хирурга — администратор Федор Скуйбеда (оказалось, что у обоих актерское образование).

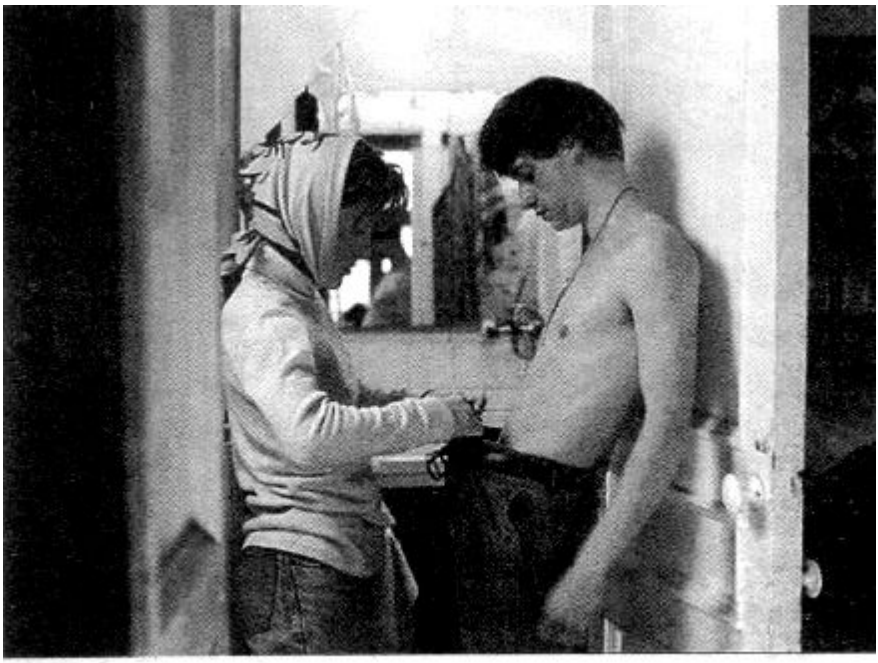
Олег Чагин — Кирилл Пирогов



Гоша — Леонид Ярмольник

Зина — Полина Кутепова

Чагин



Зина и Олег

В роли врача Юрий Рост

Арестовали

Зосима Петрович (начальник Чагина) —
Станислав Говорухин

Рабочие моменты

Между прочим. Когда был первый показ фильма для родственников, выяснилось, что Сергей Швыдкой — сын Марины Поляк, которая играла стюардессу Катю в «Мимино».

Роль Гоши сыграл Леонид Ярмольник, профессора Науменко — Олег Басилашвили, начальника нефтяной вышки — Станислав Говорухин, Вадима (мужа Лены) — Геннадий Назаров, Галина Петрова сыграла соседку по палате, однофамилицу Лены, Роман Мадянов — мужа соседки (двадцать лет назад, мальчишкой, он играл роль Гекельберри Финна в фильме «Совсем пропащий»). Роль доброй соседки по палате сыграла Нина Гребешкова. Роль врача, который ставит диагноз Чагину, очень смешно сыграл Юра Рост.

Когда я представлял картину на «Кинотавре», на сцену вместе со мной попросил выйти и Юру Роста. Представил его и сказал, что Юра Рост снялся в этом фильме совершенно бесплатно. В зале раздались аплодисменты. А я добавил:

— А потом ему стало стыдно, и он заплатил. Юмор оценили. Юре такое представление понравилось, и он сказал:

— Так всегда и говори.

ПУГОВИЦА

Буровую вышку Чагина мы снимали в Заполярье, в Ямбурге, севернее Нового Уренгоя (200 километров). Бескрайняя тундра, на сотни километров только бурая, промерзшая земля, на которой ничего не растет. Зимой все покрыто снегом (десять месяцев) и морозы до 50 градусов. По тундре разбросаны буровые вышки и стоит разноцветное здание, его целиком привезли из Финляндии и на месте собрали. В нем тепло, светло, комнаты, столовая, кухня, бассейн, спортивный зал, кинозал, зимний сад, аквариумы с рыбками. Здесь живут газодобытчики. Работают вахтовым методом. С Уренгоем Ямбург связан одноколейкой, по которой три вагончика раз в неделю привозят и увозят вахты (так было в 94-м).

Когда мы прилетели на съемки в Ямбург, газодобытчики, узнав, что наш главный герой из их ведомства, дали нам бесплатно вертолет, вездеход, движок, газик и прикрепили консультанта. И когда мы закончили фильм, захотелось отблагодарить их. И мы с Полиной Кутеповой и Кириллом Пироговым полетели в Ямбург показывать фильм.

Нас любезно встретили, поселили, накормили обедом. А вечером миловидная женщина, зам. директора, повела нас на просмотр. В коридорах народа было немало. Заглянули в зал, а там всего человек тридцать. Я спросил ее:

— А что, фильм не объявили?

— Да нет, вон объявление висит.

— А почему народу так мало?

— Наверное, потому, что фамилии актеров еще ничего им не говорят. А вообще-то они у нас избалованные, их трудно чем-то и кем-то удивить. Платим хорошо, поэтому от желающих выступить у нас отбоя нет. Здесь самые наши звездные звезды побывали по нескольку раз. И снова рвутся.

Я попросил Полину и Кирилла, чтобы они не выходили со мной на сцену, а смотрели фильм из зала. Благо их еще не знают. Вышел на сцену с устроительницей. Она меня представила. Жидкие аплодисменты. В зале в основном молодежь. Одеты по-домашнему. Выражение лиц такое: «Ну, ну… Что ты нам скажешь за такие бабки?» Я сказал:

— Дорогие товарищи, вы нам помогали снимать этот фильм. Я приехал показать вам фильм и сказать спасибо.

— А «спасибо» ваше сколько стоит, если не секрет? — спросили из зала.

— Не секрет. Билеты мы купили сами, а просмотр и наше

выступление — бесплатно.

— А такое бывает?

— Как видите, товарищи, бывает, — сказала устроительница. — Давайте еще раз поприветствуем Георгия Николаевича.

Одобрительный гул. Аплодисменты. Зрители даже расселись по-другому.

— Сейчас я с вами попрощаюсь, но после просмотра вы не уходите. Будет сюрприз, — сказал я.

Смотрели фильм хорошо. К концу просмотра зал был почти полон. А когда пошли заключительные титры, мы (я, Полина и Кирилл) вышли на сцену. Зажегся свет — зал ахнул: вот это подарок! Только что были на экране, и вот они тут, на Северном полюсе! Все встали. Овация. Парень, лет 25, в кожаной куртке, поднялся из зала на сцену, вырвал «с мясом» пуговицу от куртки и протянул ее Кириллу.

— На! Запасной талисман!

— Спасибо, — Кирилл взял пуговицу.

— Кирилл, — крикнула из зала девушка в футболке. — Подбрось талисман на мою судьбу!

— Орел или решка? Говори! — крикнул Кирилл.

— Решка!

— Уверена?

— Да!

Кирилл подкинул пуговицу, поймал, открыл, показал. Пуговица лежала на ладони остатками кожи вверх.

— Поздравляю! Решка!

— И мне, и мне! — закричали из зала.

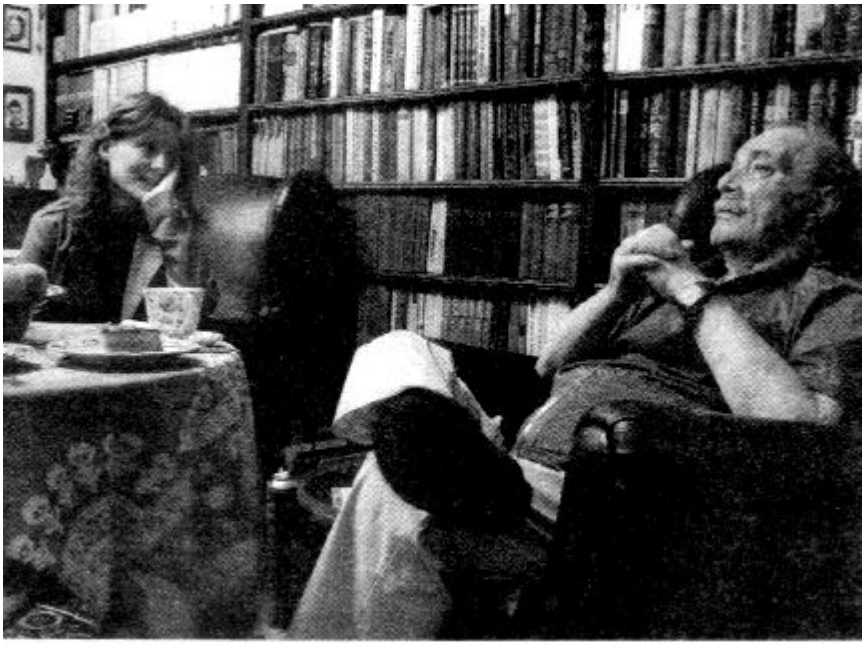
— Товарищи, эта пуговица новичок, дебютантка! — крикнул Кирилл. — Она устала, ей надо отдохнуть, упокоиться!

— Давайте лучше попросим Кирилла, чтобы он сыграл нам на рояле! (На сцене стоял новенький рояль.) Он отличный пианист! — предложил я.

Кирилл играл Дж. Гершвина, Глена Миллера, его долго не отпускали.

В Ямбург мы прилетели из Нового Уренгоя на вертолете, а из Ямбурга в Уренгой ехали ночью, на «газике» (ночью вертолеты не летают), а нам надо было успеть на свой самолет. Полина спала, а мы с Кириллом любовались тундрой. Кругом горели огромные газовые факелы. Полярная ночь — фиолетовое небо, фиолетовая земля, багряное живое пламя факелов. Фантастика! Другая планета.

Подаренную пуговицу Кирилл хранит до сих пор. Это память о его первом фильме.



Полина у меня в гостях

ПРОШУ ЭТОТ ФИЛЬМ НЕ СМОТРЕТЬ

Когда фильм был готов, я позвонил Владимиру Маканину. Трубку взяла его дочь:

— Папы нет, он в Лондоне.

— Это режиссер Данелия. Передайте папе, что я его очень прошу не смотреть фильм «Орел и решка», который мы сняли по его повести «На последнем дыхании».

— Почему?

— Потому что, если он посмотрит фильм, он будет меня проклинать за то, что я так искорежил его повесть.

Не знаю, передала ли дочь отцу мою просьбу, смотрел ли Маканин этот фильм. С тех пор мы с ним не встречались и не общались. Но я очень благодарен этому писателю за то, что он познакомил меня с Олегом Чагиным.

Между прочим. Чагин своими розыгрышами и выдумками мне напоминал актера Евгения Моргунова. Моргунов был очень яркий человек. О его остроумных проделках и розыгрышах до сих пор ходят легенды. Вспомню, что видел сам.

ВНУК ПАВЛИКА МОРОЗОВА

Стоял я в очереди на заправку у бензоколонки около Дома пионеров. Очередь длиннющая до улицы Косыгина. Подъехал на красном «жигуле» Евгений Моргунов. Вышел из машины, громко поздоровался со всеми и спросил меня:

— А ты почему в очереди? Тебе без очереди положено.

— Я скромный, — пошутил я.

— Товарищи, среди нас внук Павлика Морозова! — зычным голосом объявил Моргунов. — Пропустим сироту без очереди?

— Пусть заправляется, — вяло сказал кто-то в очереди.

— Давай, Георгий Николаевич, подъезжай.

— Не надо… Прошу.

— Товарищи, он стесняется! Скромный! А мы ему скажем так: «Пока не заправишься, никто заправляться не будет!» Верно я говорю?

— Пусть только не тянет, — сказал первый в очереди.

Пришлось заправиться. Было это в 93 году.

Между прочим. Пионер Павлик Морозов — герой тридцатых годов. О нем рассказывали на уроках истории в школах. Во время коллективизации Павлик узнал о заговоре кулаков и сообщил об этом властям.

Кулаков обезвредили (среди них был и отец Павлика). А родственники в отместку мальчика убили. О Павлике Морозове снимали фильмы, а на родине поставили памятник.

КАРНИЗ ДЫШИТ

Познакомился я с Женей Моргуновым в конце сороковых годов. Я учился в Архитектурном институте, а он был актером Театра киноактера. Как-то гуляли мы с Женей по улице Горького (после войны было принято гулять от Пушкинской до Охотного и обратно), когда проходили мимо Центрального телеграфа, он остановился, задрал голову и громко сказал:

— Смотри на карниз!

Моргунов отошел шагов на пять, выставил вперед руки, напрягся, стремительно подскочил к стене и что есть мочи толкнул облицованное гранитом, незыблемое, как пирамида Хеопса, десятиэтажное здание Центрального телеграфа.

— Видишь?! — он показал пальцем вверх.

— Что?

— Карниз дышит! Рухнет, придавит кого-нибудь! Двое прохожих остановились и тоже посмотрели вверх.

— Не видишь? Внимательно смотри, колебание мизерное! — Моргунов снова отошел, выставил вперед руки, напрягся, стремительно подскочил к стене и снова что есть силы толкнул здание. — Теперь заметил?

— Нет.

— Ты внимательно смотри, это же миллиметры!

Через несколько минут вокруг нас собралась толпа, человек пятьдесят, а может быть, и больше. Моргунов толкал стену, и каждый раз люди внимательно смотрели вверх, на карниз. И слышались реплики:

— Какое безобразие!

— Упадет, раздавит кого-нибудь насмерть!

Тут подъехала аварийная служба с милицией, толпу быстренько разогнали и поставили ограждение. Что они там чинили, я не знаю, но ограждение стояло до осени.

Между прочим. В то время Моргунов — стройный сероглазый шатен — уже снялся в роли Стаховича в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия», но на улице его еще не узнавали. Узнаваемым он стал много позже — в начале шестидесятых, когда сыграл Бывалого в культовом фильме Гайдая «Пес Барбос и необычайный кросс».

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Как-то собрались мы с Моргуновым в Дом кино, на троллейбусной остановке дождались троллейбуса, вошли, троллейбус тронулся, и вдруг он объявил:

— Товарищи, приготовьте билеты! Пассажиры троллейбуса, их было немного, стали доставать из карманов и сумочек билеты.

— Так. А теперь руку с билетом подняли вверх! Все начали поднимать руки.

— Выше!

И все подняли руки выше.

— Спасибо, опустили. А вы, товарищ, что руку не подняли? Билет не успели взять? Документик можно посмотреть? Пропуск? Ну, давайте пропуск.

Взял документ, посмотрел на фотографию.

— Так, Иван Пантелеевич Жмырев, старший экономист. Очки снимите, пожалуйста, Иван Пантелеевич. Чуть-чуть брови поднимите. Так, достаточно. Теперь уголки губ опустите, Иван Пантелеевич. Еще чуть-чуть. Нет, обратно. Хорош. Так, соответствует. Держите, — Моргунов вернул пропуск. — На первый раз прощаю. Заплатите за билет и можете ехать.

И сказал кондукторше:

— Товарищ кондуктор, если забыть про старшего экономиста Ивана Пантелеевича, во вверенном вам транспортном объекте, в принципе, образцовый порядок.

— Спасибо.

— Надо говорить: «Служу Советскому Союзу».

— Служу Советскому Союзу!

Мы билет так и не взяли, вышли на своей остановке.

СТАЛИН Я, ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

1952 год. Матч сезона: сборная СССР — сборная ФРГ. Билеты раскупили за месяц. С моими однокурсниками и друзьями по Архитектурному институту Димой Жабицким и Андреем Соколовым приехали на стадион «Динамо» в надежде купить билет с рук. Народу полно. Все спрашивают лишний билетик. Билеты у двух есть, но продают очень дорого. Смотрю, идет Женя Моргунов. Окликнул.

— Женя, билета лишнего нет?

— А ты без билета? Пойдем, проведу.

— Я не один, нас трое.

— Бог троицу любит. Пошли, ребята. Протиснулись к контролеру. Моргунов спрашивает:

— Сева Бобров прошел?

— Не знаю. У меня нет.

— Смотри внимательно. Эти трое со мной. Заслуженный мастер спорта Иванов — проходи, Гия. Заслуженный мастер спорта Петров — проходи, Дима. Заслуженный тренер РСФСР Сидоров. Как тебя?

— Андрей.

— Проходи, Андрей/ — Постороннему: — А ты куда лезешь, товарищ дорогой?! Отойди! Все. Мои все прошли. Больше никого не пускать. Будут спрашивать, говори, я в ложе прессы.

Прошли шагов десять, контролер окликнул:

— Товарищ, а кого будут спрашивать?

— Меня.

— А как вас назвать?

— Не узнал?! Сталин я, Иосиф Виссарионович. Все замерли. Контролер открыл рот.

— Шучу. Пошли, ребята.

— Подождите, а говорить-то как?

— Моргунов, Евгений Александрович. Пошли.

— Товарищ Моргунов, — нас догнал человек в берете, — советую вам с такими шуточками поаккуратней.

— А вы уверены, что я — Моргунов?

— А кто?

— Берия, Лаврентий Павлович!

Матч мы смотрели из ложи прессы. Моргунов хотел провести нас в правительственную ложу, но я его отговорил.

Между прочим. Пройти Евгений Моргунов мог куда угодно и к кому угодно. Его учитель, классик советского кино, профессор Сергей Аполлинариевич Герасимов говорил: «Если меня вызовет Сталин, а в его кабинете рядом с ним будет сидеть Женя Моргунов, я нисколько не удивлюсь».

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

В 61 году я уезжал из Ленинграда в Москву (там мы с Виктором Конецким работали тогда над сценарием фильма «Путь к причалу»). На «Красную стрелу» опоздал. Взял билет на проходящий из Мурманска поезд «Полярная стрела». Поезд пришел вовремя. Вошел в свой вагон, в свое купе, а там Евгений Георгиевич Моргунов собственной персоной. Ну, обрадовались встрече, конечно. Женя возвращался из Мурманска со съемок. Поезд тронулся, в четырехместном купе нас было двое.

— Слава богу, одни едем, — сказал я.

— Не факт. В Бологом могут подсадить. Вошел проводник:

— Ваш билет, пожалуйста, — обратился он ко мне.

— Пожалуйста, — я протянул билет.

— Узнаешь товарища? — спросил Женя.

— Узнаю. Он только что прошел.

— «Витязь в тигровой шкуре» читал?

— В школе проходили, кажется. А что?

— Это он написал. Знакомься: залуженный писатель Российской Федерации товарищ Шота Руставели.

— Рады видеть, — вежливо сказал проводник. — Постель брать будете?

— Буду.

— Любезный, ты вот что, неси сюда свечку и красную скатерть! — распорядился Моргунов. — Мы с товарищем Руставели будем новую Конституцию писать. Давай, действуй!

— Свечка есть. А красной скатерти нет. Есть зеленая, совсем новая, нестираная. Принести?

— Да ты сам понимаешь, что говоришь? Нашу самую гуманную, самую справедливую, самую мудрую Конституцию на зеленой скатерти писать? Абсурд! Нонсенс! — возмутился Женя.

— Есть занавеска, кремовая.

— А флаг есть красный?

— Есть.

— Неси.

— Он старый, мятый.

— Неси какой есть. И главное, чтобы до Москвы к нам никто не совался.

— А если в Бологом подсядут?

— Рассортируй по составу. Ты что хочешь, чтобы Родина без новой Конституции проснулась?!

Доехали мы до Москвы в купе вдвоем. Свечку не зажигали. Сэкономили.

СЕКРЕТ МОРГУНОВА

В чем секрет Моргунова? Почему его все слушались и всюду пускали? Думаю, что помимо природного дара внушения, которым он, безусловно, обладал, Моргунов еще правильно выбирал нужную в данном эпизоде роль и безукоризненно ее исполнял. В работе актера над ролью есть понятие — пристройка. Пристройки могут быть разные: снизу, на равных, сверху. У Моргунова в его моноспектаклях были только две пристройки: на равных — с начальством и сверху — со всеми остальными. С начальством любого ранга он общался по-приятельски: радушно и раскованно, как с одноклассником, с которым сидел за одной партой. А с остальными говорил спокойно, ровным голосом, с чувством собственного превосходства и легкого презрения. И «остальные» понимали, что перед ними — начальник. И поэтому его слушались и всюду пускали.

Между прочим. Еще в молодости я дал себе слово здороваться со всеми одинаково, и с начальством, и с подчиненными. Старался этому принципу следовать, стараюсь и до сих пор. Но оказалось, это не так уж просто. И, должен сознаться, что были встречи, когда я кланялся ниже, чем собирался.

ГРУСТНЫЙ КЛОУН

Когда в 62 году я прочитал роман Стейнбека «Зима тревоги нашей», я подумал: «Жаль, что действие нельзя перенести из Америки к нам, совсем другие реалии». А в начале девяностых, когда наша страна перескочила из социализма в капитализм, я сообразил: все, что происходит в романе, созвучно тому, что сотворилось у нас, и действие романа легко переносится из Америки шестидесятых в Россию девяностых.

Герой романа Итен Аллен Хоули, потомок богатой и знатной семьи, после Второй мировой войны (во время войны он был морским офицером) вернулся в свой родной городок. С женой и двумя детьми Итен живет в когда-то роскошном особняке своей семьи. Работает продавцом в бакалейной лавке. На первый взгляд у Итена все в порядке. Денег, конечно, не хватает, но жить можно. Но семья и знакомые так не считают. Маленькая дочь спрашивает: «Папа, а когда мы разбогатеем?» А тихая, скромная и любящая жена не выдерживает и попрекает его, что он ничего не делает, чтобы они жили как люди. И Итен решает поступиться совестью, начинает подличать, обманывать, пишет донос на своего хозяина. В итоге он становится состоятельным и уважаемым человеком, но это не приносит ему счастья. Его дети тоже начинают подличать, обманывать (сын занялся плагиатом, а дочка написала на брата донос). Его лучший друг, которого он предал, погибает. И в конце романа Итен на грани самоубийства.

Несмотря на грустные события, роман пронизан иронией и поэзией. Именно этим он и привлек меня. Герой романа все время дурачится, иронизирует, старается выглядеть оптимистичным, хотя на самом деле ему не очень уютно в этом новом для него мире. Рабочее название сценария было: «Грустный клоун».

С Сережей Дерновым мы написали заявку Нашего героя зовут Андрей Ермаков. Он морской офицер.

После перестройки был вынужден «сойти на берег». Живет с семьей в приморском городке, в доме, оставшемся от деда-адмирала, памятник которому стоит на набережной. А вокруг бурлит новая жизнь (перестройка). А дальше по событиям примерно то, что и в романе.

В Госкино эту заявку одобрили. И теперь, для того, чтобы снять фильм, надо было приобрести авторские права. В агентстве по охране авторских прав сказали, что по этому роману в 1983 году кинокомпания «Двадцатый век Фокс» сняла фильм и права на экранизацию, скорее всего, у них, но предупредили:

— Джон Стейнбек — лауреат Нобелевской премии, и права на

экранизацию будут стоить как минимум четыреста тысяч долларов. Вас это не смущает?

— Не смущает. Фильм будет по мотивам романа, мы лишь частично используем сюжет.

— Чтобы разговор был предметным, дайте нам синопсис на английском языке.

Написали синопсис (20 страниц) и перевели на английский. Агентство связалось с кинокомпанией «Двадцатый век Фокс» и выясняло, что у них истек срок давности, авторские права на роман вновь у вдовы писателя Элейн Скотт. Они дали нам координаты агента вдовы Энн Роттер и сказали: «Дальше действуйте сами».

Позвонили в Нью-Йорк Энн Роттер. Она сказала, что, прежде чем обсуждать условия, ей надо прочитать сценарий. Мы ответили, что сценарий пока не готов, можем прислать синопсис.

— О'кей, присылайте.

Евгений Александрович Моргунов

В то время мой сын Кирилл работал в Нью-Йорке, а моя жена Галя гостила у него. Мы послали с «Федерал экспресс» синопсис,

и я попросил их встретиться с Энн и объяснить, что фильм будет не экранизацией романа, а по мотивам, и что в России средний бюджет фильма 350–400 тысяч долларов и за авторские права мы можем заплатить 30 тысяч. Галя и Кирилл встретились с Энн Роттер, передали синопсис и сказали все, что я просил. Вечером Энн позвонила Кириллу и сообщила, что наш синопсис, по ее мнению, не дает полного представления о фильме, который мы собираемся снимать. Вдова писателя сама режиссер, трепетно относится к литературному наследию мужа, поэтому лучше всего ей предъявить готовый сценарий или, в крайнем случае, более подробное изложение того, что мы собираемся снимать (картина, снятая по этому роману, ей категорически не нравится). И еще Энн сказала, что хорошо бы показать Элейн какой-нибудь мой фильм.

Кирилл на Брайтоне купил фильмы «Афоня» и «Мимино» с английскими субтитрами, других моих фильмов с субтитрами там не было, и попросил для комплекта прислать еще «Не горюй!» и «Совсем пропащий». Кассет этих фильмов с английскими субтитрами у нас не было, пришлось заказывать в «Совэкспортфильме». Написали подробный синопсис (40 страниц), перевели на английский и переправили все в Нью-Йорк. Через неделю Кирилл сообщил, что Энн фильмы посмотрела и считает, что вдове можно показать все. А вот синопсис вызвал у нее сомнение: слишком много там отсебятины. Вдове это не понравится.

Я, с переводчиком, позвонил Энн и напомнил, что фильм будет не экранизацией, а по мотивам романа, а изменения неизбежны, у нас в России многое по-другому.

— Я это понимаю, — сказала Энн. — Давайте вот что сделаем. Когда ваша жена и сын были у меня, на жене был кулон — стрекоза в янтаре. Стейнбек, когда познакомился с Элейн, подарил ей такой же, только с пчелой, он привез его из своего путешествия в Советы. Элейн этот кулон потеряла и страшно переживала. Будет прекрасно, если вы найдете у себя такой же, и я преподнесу сразу все: фильмы, синопсис и кулон. Элейн будет счастлива! Стоимость не имеет значения, деньги я вам верну.

Кирилл хотел купить кулон на Брайтоне, но пчелу в янтаре не нашел, был только паук и стоил он десять тысяч долларов.

— Ну, что, — спросил я Кушнерева, — кулон будем искать?

— Возьмем кредит. Запишем, как сценарные расходы.

И мы поручили Юре Гусятникову (заместителю Кушнерева) найти янтарный кулон с пчелой. Через неделю Юра доложил, что в Москве с пчелой нет, есть с комаром, стоит пять тысяч долларов. Ему посоветовали съездить в Калининград, там, на

месте, все намного дешевле. Я позвонил в Ригу своей ученице по режиссерским курсам Рутте Вельдре. Через какое-то время она сообщила, что нашла янтарный кулон с пчелой, но стоит он очень дорого, 300 долларов, а у нее столько нет. Мы командировали Гусятникова в Ригу, он привез янтарный кулон и подарок от Рутты — рижскую копчушку. Копчушку съели, очень вкусно! А кулон переправили Кириллу в Нью-Йорк, с запиской: «Кирилл, скажи Энн, что это наш подарок вдове великого писателя!»

После долгого молчания Энн Ротер сообщила, что Элейн фильмы посмотрела, больше всех ей понравился «Афоня», она его смотрела второй раз, первый давно, на показе в Лос-Анджелесе. За презент большое спасибо. А теперь неприятное. Синопсис Элейн категорически не понравился, и ее условия такие: 50 тысяч долларов и прокат только в России, на русском языке. Я позвонил Энн и попросил объяснить вдове, что такое решение нас не устраивает. Без зарубежного проката мы ни копейки не вернем!

— Это я ей говорила.

— Энн, может, вдова еще что-то потеряла, мы купим.

— Больше Элейн ничего не теряла. Знаете что, пригласите ее в Союз. После того как она прочла «Русский дневник» Джона, она не раз говорила, что хотела бы побывать в Москве и Грузии.

— Одна, вдвоем, втроем?

— Пусть вас это не беспокоит. Тур Элейн оплатит сама. Надо только, чтобы ее встретили и уделили внимание. Про вашу страну у нас пишут столько всего негативного, что лететь к вам страшно.

— Передайте Элейн, что мы будем рады встретить ее в Москве и покажем все, что она захочет посмотреть.

Через месяц мы получили от Энн Роттер факс: вдова согласна уступить нам авторские права на таких условиях: 30 тысяч долларов, без права дубляжа на английский язык, субтитры возможны, прокат без ограничений. Условия были приемлемыми. Кушнерев с юристом составил договор и принес мне на подпись.

— Юра, садись, чаю хочешь?

— Некогда, Георгий Николаевич. Подписывайте!..

— Юра, только спокойно… Давай подождем немного, что-то у нас сценарий не получается, — попросил я.

— Начинается… — вздохнул Кушнерев.

— Ну, что я могу поделать, Юра?.. Я — такой…

— Вы только поторопитесь, Георгий Николаевич, а то не успеем к лету.

Кушнерев торопил, а я оттягивал. Сценарий не получался. И вовсе не потому, что мы действие перенесли из Америки в Россию, это как раз получилось сразу, сюжет сложился. Но мы

поняли, что при переводе на киноязык пропадает очарование прозы Стейнбека, исчезает авторская интонация. Мы пробовали ввести закадровый голос. Все не то. Не получалось. Может быть, не хватило таланта, мастерства, умения, а может, и вообще это невозможно? Те экранизации, которые я видел: и нашу телепостановку со Смоктуновским, и американский фильм с Дональдом Сазерлендом — мне не понравились, по-моему, они не соответствовали роману. И чтобы не было стыдно перед Стейнбеком, если встретим его Там, мы с Сережей решили сценарий не писать.

Между прочим. Мне не будет стыдно, если Там, за облаками, я встречу моего любимого Марка Твена и любимого писателя моей мамы Клода Тилье (по роману Марка Твена «Приключения Гекельберри Финна» я снял фильм «Совсем пропащий», а по роману Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен» фильм «Не горюй!»). Хотя мы многое изменили, авторскую интонацию удалось сохранить, это было для меня очень важно.

В итоге я сказал Кушнереву, чтобы он вычеркнул наш проект из производственного плана.

— Эх, Георгий Николаевич, столько времени и денег потратили напрасно! — сказал он.

И добавил:

— Зато копчушку поели.

В тот же день позвонил Кирилл и обрадовал:

— 21 апреля (через неделю) в Москву прилетает Элейн Скотт, а с ней вместе и наша подруга Энн Роттер. Встречайте! — и дал номер рейса.

— И что делаем, Георгий Николаевич? — спросил Кушнерев.

— А ты как думаешь?

— Думаю, надо звонить в Тбилиси Софико, чтобы встретила вдову человека, с такой любовью написавшего о Грузии.

Но случилось так, что Элейн Скотт не смогла приехать, прилетела Энн Роттер со своим племянником, дылдой-баскетболистом. Энн оказалась жизнерадостной, энергичной толстушкой лет шестидесяти.

Встретили. Поухаживали. Показали Москву, Золотое кольцо. Побывали и в Тбилиси.

А когда провожали, в аэропорту сообщили, что права на экранизацию нам больше не нужны, наш финансист передумал снимать этот фильм.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

После войны, в 47 году, Джон Стейнбек побывал в Советском Союзе: в Москве, Киеве, Сталинграде и Тбилиси. В Тбилиси мне довелось с ним встретиться. Случилось это так.

В честь приезда в Грузию прогрессивного американского писателя, автора романа «Гроздья гнева», сестра моей мамы актриса Верико Анджапаридзе и ее муж кинорежиссер Михаил Чиаурели устроили у себя дома обед. Пришли писатели, актеры, композиторы, поэты. Всего человек тридцать. Меня тоже посадили за стол (мне было уже семнадцать). Джон Стейнбек — высокий, похожий на героя из американского фильма, был простым и обаятельным. Тамадой был дядя Миша Чиаурели. Он поднял тост за американского гостя, за его выдающийся роман «Гроздья гнева». Сказал, что можно прожить без поэзии, музыки, металлургии, архитектуры, спортивных игр, а без хлеба прожить невозможно. Крестьянский труд — единственный род деятельности, без которого нет жизни. Крестьяне — опора и соль земли, она питает их своей силой и мудростью. Тема крестьян ему близка, он сам из крестьян, его отец до последних своих дней выращивал зелень, привозил из деревни в город и продавал на базаре. Провел параллели между романом «Гроздья гнева» и прозой О. Бальзака, Л. Толстого, А. Чехова, М. Шолохова, И. Чавчавадзе. Вспомнил и о великой американской депрессии. А закончил свой тост тем, что он, Михаил Чиаурели, и его жена, Верико Анджапаридзе, горды тем, что в их доме находится человек, который отважно поднял голос в защиту простых тружеников.

Стейнбеку тост понравился. Он сказал, что его поразило, как верно понял его роман господин Чиаурели. И меня тост господина Чиаурели тоже поразил. В тот день за завтраком дядя Миша спросил:

— Верико, ты роман «Гроздья гнева» читала?

— Читала.

— В чем там дело, расскажи коротко.

— Про крестьян. Про их тяжелую жизнь. Во время Великой депрессии люди переселяются с востока на запад.

Это все, что он успел узнать о романе Стейнбека. И я был горд, что дядя Миша Чиаурели — мой дядя.

Потом дядя Миша рассказывал и показывал сценки из старого Тифлиса. Стейнбек хохотал и аплодировал. Фантастический рассказчик был дядя Миша! Потом грузины пели на разные голоса, потом плясали. И Стейнбек плясал лезгинку

вместе со знаменитой грузинской танцовщицей Нино Рамишвили. А барабанил я!

После поездки в Советский Союз Джон Стейнбек написал «Русский дневник». О Грузии он пишет так: «Грузия — это волшебный край, и в тот момент, когда вы покинули его, он становится похожим на сон. И люди здесь волшебные. На самом деле это одно из богатейших и красивейших мест на земле, и эти люди его достойны. Теперь мы прекрасно поняли, почему русские повторяли: «Пока вы не видели Грузию, вы не видели ничего».

И я с Джоном Стейнбеком полностью согласен.

Мама, Михаил Чиаурели и Верико Анджапаридзе

СЦЕНАРИЙ БЫЛ НАМНОГО ЛУЧШЕ

Сережа Дернов предложил:

— Георгий Николаевич, пока вы на перепутье, давайте напишем сценарий. Не для вас! Просто сценарий.

И мы с ним написали сценарий «Привет от Чарли-трубача», про музыканта и мальчишку. По этому сценарию был снят фильм. Фильм этот не очень хвалили, и мы с Сережей говорили:

— Сценарий был лучше.

Из фильмов, снятых по моим сценариям, спокойно, без раздражения, могу смотреть только два. «Джентльмены удачи», режиссер Серый (сценарий мы написали вместе с Викой Токаревой). И фильм «Француз», режиссер моя жена Галина Данелия. Сценарий по повести Евгения Дубровина «В ожидании козы» мы для нее написали вместе с режиссером и сценаристом Сергеем Бодровым-старшим.

БУБА, ПОМОГИ!

В 98 году побывал в Грузии. Очень расстроился. Раньше, когда я прилетал в Тбилиси и выходил из самолета, было ощущение праздника. Над городом светлая аура. Глаза у встречных веселые. А в этот раз много нищих, беженцев, улицы не убраны, у встречных в глазах тоска.

Кладбище. Пожилой человек в поношенном, когда-то добротном костюме, оглядываясь, взял букетик увядших цветов с соседней могилы и положил к подножию запущенного памятника из белого мрамора. Горькое зрелище.

Многие мои друзья остались без работы, бедствовали. Поэтому я навещал их без предупреждения, чтобы у них не было времени занять деньги и приготовить для меня обед. К Бубе Кикабидзе я тоже явился без предупреждения, но там меня угостили вкусным ужином. Оказалось, что накануне Буба вернулся с рыбалки с хорошим уловом и его жена Ира приготовила рыбу с ореховым соусом.

— Очень вкусно. Форель? — спросил я.

— Хариус.

— Где поймал?

— На Тертере.

— Ты что, в Карабах ездишь? Бываю.

— Буба, ты расскажи, как вы с Вилли там того сазана поймали, — сказала Ира.

— Николаич, а я тебе не рассказывал про сазана на восемь килограмм?

— 8 килограмм 475 граммов, — уточнила Ира. — Бадур взвесил.

— Нет, не рассказывал.

— Тогда слушай. Года четыре назад мы с Вилли на его «Ниве» поехали на рыбалку. В Азербайджане нас остановили военные, говорят, дальше ехать нельзя.

Война. Карабахский конфликт. Я объяснил, что мы едем на озеро Алагёль рыбачить, это тут, рядом. Ну, узнали меня, пропустили. Но предупредили, дальше никуда не ехать. Опасно. Приехали на место. Вилли с удочками пошел к озеру, а я задержался, спиннинг налаживал. Подъехал военный газик, вышел офицер:

— Ваши документы.

Я протянул паспорт. Он посмотрел в паспорт, потом на меня и заулыбался.

— А я все думаю — он или не он?

— Он, — сознался я.

— Вот и хорошо. Товарищ Кикабидзе, в машине кассета с вашими песнями. Автограф напишете?

И вдруг загрохотали взрывы, и над нами со свистом полетели снаряды.

— Ложись! — скомандовал офицер.

Мы легли. Тут слышу истошный крик Вилли:

— Буба, помоги! Буба, иди сюда! Быстрее! Буба!

«Вилли ранило!» Вскочил, скатился вниз к озеру. Вилли стоял на берегу, на камне со спиннингом, выгнутым дугой, и с трудом крутил катушку. Увидев меня, он завопил:

— Буба, мне одному не справиться! Бери сачок! Вот тогда мы и вытащили сазана на 8 килограмм 475 граммов. Свидетельство есть. Подписывал Бадур Цуладзе, он же и взвешивал. Можешь его спросить.

— И так верю.

— Но все же, Николаич, самая хорошая рыбалка была у нас на «Совсем пропащем».

Тогда мы жили на корабле, и Буба рыбачил на Днепре каждый день и утром, и вечером.

— Сними еще какую-нибудь картину на Днепре.

— Днепр теперь в другом государстве, Вахтанг Константинович.

— Не обязательно Днепр. У вас в России рек много. И на Волге неплохая рыбалка.

— Я там, в Астрахани, судака поймал, — похвастался я. — Рыба в Волге есть, только про что там снимать? Нужна какая-нибудь история.

— Подожди, а помнишь, ты рассказывал про старого капитана, который, когда корабль стал тонуть, надел парадную форму со всеми орденами, вышел на капитанский мостик и взял под козырек.

— Помню.

— Давай сними этот сюжет. А я капитана сыграю. По возрасту уже подхожу.

— Какой сюжет? Гия, расскажи, — попросила Ира. И я рассказал. В 62-м году, когда в Мурманске снимали фильм «Путь к причалу», нам для съемок нужен был старый, ржавый корабль. Военные моряки дали нам древний сухогруз «Витязь», он стоял на приколе недалеко от мурманского порта. На нем ничего не работало. Двенадцать лет тому назад его хотели разрезать и переплавить на металл. Но капитан «Витязя», человек опытный и мудрый, написал Хрущеву, что это идеологическая ошибка, а может быть, и преступление. На этом революционном корабле в

1919 году выступал Владимир Ильич Ленин! И командующий Северным флотом получил бумагу: «Витязь» не трогать!

И с тех пор стоит этот утюг посреди Кольского залива. А раз корабль на плаву, на нем должна быть и вся команда: капитан, помощники, матросы, фельдшер, повар. Все получают зарплату и полярные надбавки. А мудрый капитан еще и за выслугу лет. А от нечего делать матросы все с корабля воруют и продают. Однажды своровали и свой якорь. Было это так. Боцман откуда-то возвращался на лодке, увидел на дне большой якорь. Якорь — металл, металл можно хорошо продать. Боцман взял в долю водолаза и механика, и они с помощью лебедки подняли якорь на две спаренные шлюпки. Корабль поплыл и врезался в какой-то лесовоз. Оказалось, они украли собственный якорь.

Тогда, после «Пути к причалу», я хотел снять обо всем этом фильм и придумал такой финал. Когда матросы подняли свой якорь и корабль поплыл, тяжелый якорь продавил прогнившую палубу, пробил днище — и корабль пошел ко дну. Команда попрыгала в воду и поплыла к берегу. А капитан надел парадный китель с орденами, вышел на капитанский мостик и взял под козырек. А когда вода дошла капитану до горла, корабль килем встал на грунт. И финальный кадр: посреди моря голова в капитанской фуражке с рукой под козырек.

— Забавная история, — сказала Ира. — И хорошая роль для Бубы. Гия, сними это кино.

— Ирочка, сегодня на тему, как мы у себя воруем, уже много чего наснято.

— Тут финал со смыслом, — сказал Буба. — Жалко, если пропадет.

— Ладно. Подумаю.

ФОРТУНА

Итак, впервые в жизни у меня был актер, «финал со смыслом», река Волга, и больше ничего. Писать сценарий я пригласил сценариста Алексея Тимма. Но прежде чем начать придумывать, как и почему голова капитана-грузина торчит посреди реки, мы с Алексеем решили проплыть по Волге. Узнать, что там и как сегодня.

Юра Гусятников (он был директором этого фильма) устроил нам встречу с генеральным директором Московского речного пароходства Вадимом Федоровичем Березиным. Мы рассказали ему о замысле, и Березин дал нам на неделю свой директорский катер. Бесплатно. Как и многие моряки, он был поклонником моего друга писателя Виктора Конецкого (по его сценариям я снимал фильмы «Путь к причалу» и «33»).

— Вы с Виктором Викторовичем общаетесь? — спросил он меня.

— Общаюсь.

— Он в Москве бывает?

— Бывает.

— У меня к вам просьба, Георгий Николаевич, когда приедет, попросите его, пусть он мне свою книгу подпишет. Книгу я пришлю.

— У него трехтомник недавно вышел, — сказал Тимм.

— Мне не попадался. Буду искать.

Вечером я позвонил Виктору в Ленинград. А на следующее утро Гусятников встретил «Красную стрелу» и забрал у проводника вагона номер 13 трехтомник. И Березин получил книги с надписью: «На добрую память Вадиму Федоровичу Березину от Виктора Конецкого».

Финальный кадр фильма «Фортуна»

Капитан Фома Арчилович —
Вахтанг Кикабидзе

Между прочим. Спасательное судно «Виктор Конецкий» сегодня бороздит моря и океаны.

На директорском катере «Мир» с командой (капитан и повариха) мы (Гусятников, Тимм и я) дошли по Оке до Новгорода и от Новгорода по Волге до Чебоксар.

На Волге последний раз я был в 71 году, когда мы с Викой Токаревой и Родольфо Сонего писали сценарий для Альберто Сорди. Тогда по великой русской реке плавали баржи с

астраханскими арбузами, танкеры, яхты под белыми парусами, трехпалубные теплоходы с веселой советской музыкой и шумными интуристами. На высоких берегах уютные городки и деревушки, сиреневые сады, цветущие яблони, колокольни и белые козочки. А в 98 на реке пусто. Кое-где чернеют одиночные рыбацкие лодки. В затонах десятки или даже сотни проржавевших и прогнивших остовов кораблей всех типов.

Деревушки опустели, в них остались только старики и старухи. Удивляло, что на многих были надеты майки, футболки, ветровки с жухлыми надписями на груди и на спине: «Hollywood», «Coca Cola» и «Adidas». Я спросил у нашего капитана, откуда у них это? Торгаши привозят? Капитан сказал, что сюда давно уже никто ничего не привозит. Позапрошлым летом под Чебоксарами затонула баржа из Астрахани с турецкими шмотками.

В деревне Орешкино пошли с Тиммом в сельмаг купить воды. Возле входа на раскладном рыбацком стульчике сидел пожилой мужчина в очках, в старом двубортном пиджаке со значком «Ударник коммунистического труда» на лацкане, в кирзовых сапогах. Мужчина рассматривал картинки в журнале «Плейбой». Возле него на земле стоял советский транзисторный радиоприемник «Спидола», к его ручке ниткой был привязан красный воздушный шарик. Красиво звучал церковный хор.

— Здравствуйте. Магазин работает?

— А что надо?

— Воды.

— Вода в реке. А здесь пепси, фанта, кола, сникерс.

— А тоник есть?

— Может, и есть. Я не сориентировался еще, — захлопнул журнал, выключил приемник, встал. — Пошли посмотрим.

Вошли в небольшое помещение. На полках импортный товар с яркими этикетками.

— Вон тоник — желтенькая банка, «швепс» написано, — показал Тимм.

— Спасибо. Щас.

Мужчина ушел в подсобку, вернулся с банками тоника.

— Пакет будете брать?

— Будем.

— Пакет — три рубля.

Мужчина извлек из-под прилавка яркий пакет с надписью «Marlboro», стал аккуратно укладывать в него банки.

— Контрацептивы будете брать? — спросил он.

— Что?

— Презервативы.

— Нет, спасибо.

— Сейчас рекомендуют пользоваться, даже школьникам. ВИЧ-инфекция.

— Вы в школе работали? — спросил Тимм.

— Нет, я бухгалтер. А то возьмите, цветные. Шарики можно надуть. Дети любят, — гнул свою линию мужчина. — Недорого.

— Дети взрослые уже.

Мужчина пощелкал на счетах и назвал сумму.

Около Чебоксар встретили буксир, который, надрываясь, тянул огромную грязную баржу, груженную какими-то гигантскими ржавыми металлическими конструкциями.

— На металлолом везут, — вздохнул капитан.

— Что, завод разобрали?

— А кто его знает? Может, завод, может, гидростанцию… Сейчас за железо хорошее бабло дают.

Когда шли на катере мимо села Анино, Антонина (так звали повариху) взяла у капитана бинокль, посмотрела на берег. На берегу сидела женщина в платке, в ватнике, с двумя ведрами картошки. И картонной коробкой. Над коробкой покачивался на ниточке зеленый шарик.

— Хорошая, — Антонина вернула бинокль, взяла рупор и крикнула: — Почем картошка?

— По три! — ответила женщина.

— Дорого! Два!

Та отрицательно помахала рукой.

— Два с половиной! Женщина не соглашалась.

— Ну и сиди, дыши кислородом!

— Погоди! — крикнула женщина. — Гондоны нужны?! — Она достала из коробки малиновый пакетик. — Импортные! Разноцветные!

— Не нужны!

— А ты у мужиков спроси! Мужики, запасайтесь! Всю коробку берите, дешево отдам!

— Спасибо, обойдемся! — крикнул капитан. Женщина кинула пакетик обратно в коробку.

— Иван Дмитриевич, — обратился Тимм к капитану, — я смотрю, противозачаточные средства на Волге весьма популярный товар.

— Говорят, в трюме турецкой баржи их целый контейнер был, — сказал капитан.

— Митрич, а может, возьмем? — спросила Антонина. — В пароходстве на Елке шарики надуем. Все-таки праздник.

— Они, наверно, дырявые уже все. Сгнили в воде, — сказал капитан.

— Резина не гниет, — возразила Антонина.

— Эх, Тоня, жизнь показала — все сгнить может, — вздохнул капитан.

СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ

Ночевали мы на катере, в каюте. На рассвете проснулся — трясло от холода. За бортом какой-то шум. Вышел на палубу — Гусятников плавает кролем, фыркает от удовольствия.

Понял, что уже не засну, сел на скамеечку перед рубкой, закурил. По реке шла малая самоходная баржа. На палубе группой стояли монашки в черном (человек десять). Откуда они? Куда? На борту баржи название «Посейдон». «Посейдон»… А наш капитан? Он как окажется на Волге?» Вспомнил почему-то грека Фаноса, с которым познакомился в Сочи на фестивале «Кинотавр».

Грек Фанос был родом из Сухуми. Во время грузино-абхазской войны он вынужден был бежать. В Сочи он работал сапожником в гостинице «Жемчужная». Под мастерскую ему выделили небольшую каморку рядом с грузовым лифтом. Там он и ночевал. Днем он работал, а каждый вечер играл в казино и, как правило, сразу проигрывал то, что заработал за день (он был невезучий). А потом так и сидел в казино до закрытия. Некуда ему было деться. Утром, по дороге на пляж, я часто заходил к нему в мастерскую. Он угощал меня кофе, который готовил по своему рецепту, и мы беседовали. Он вспоминал, как хорошо ему жилось. Я его спрашивал, почему он не возвращается домой, в Сухуми?

— А зачем? Дом сожгли. Тех, кому я был нужен, там уже нет, и тех, кто мне был нужен, тоже нет. Вот сорву джек-пот, уеду в Грецию, куплю домик на берегу и буду тихо, спокойно жить на исторической родине…

— Женишься?

— Куда мне уже. Хотя… может, и женюсь, если бюджет позволит.

Но уехать в Грецию Фаносу так и не довелось.

Гусятников забрался на палубу, растерся полотенцем. Я спросил:

— Юра, а может, наш капитан свой корабль в казино выиграл? Кто-то в залог оставил, а у него джек-пот?

— Большой корабль, трехпалубный? — настороженно спросил Юра.

— Да нет. Маленькую самоходную баржу, как эта, — я показал на «Посейдон» с монашками, проплывший за это время метров сто.

— А что? СП-2, нормально. Найдем. Такую можно на весь срок арендовать, — успокоился Юра. — Кофе будете?

— Буду.

— С сахаром?

— С сахаром.

— Ладно. — Гусятников пошел готовить кофе.

Появились первые лучи солнца. Позолотили церквушку на высоком берегу. И она отразилась в зеркале утренней реки. И вдруг из-за церквушки в небе появился оранжевый аэростат, за ним зеленый, синий, лиловый, желтый и медленно поплыли вдоль реки.

— Как в сказке, Георгий Николаевич, — на палубу вышел Гусятников с двумя кружками горячего кофе.

— Тише, не пугай…

— Кого?..

— Где-то здесь летает светлый ангел, надо и в наше кино его пригласить, — сказал я.

— Попытаемся, Георгий Николаевич.

Между прочим. Днем узнали, что под Нижним Новгородом были всероссийские соревнования аэростатов. Хотели снять и в фильме такую картинку, но бюджет не позволил. Аэростаты — дорогое удовольствие.

ФОМА

Вернулись в Москву.

Эдик Ермолин, редактор нашего объединения, дал нам кассету с фильмом Жана Виго «Аталанта».

— Посмотрите, может пригодиться.

Посмотрели. Пригодилось.

Начали писать. Наш герой, потомственный моряк, Фома Арчилович Беридзе, жил в Батуми и работал капитаном дальнего плавания в Грузинском пароходстве. Несколько лет назад, еще при советской власти, в Черном море его корабль в тумане столкнулся с другим судном и затонул. Был суд. Виновным признали капитана Беридзе. Дали шесть лет и арестовали в зале суда. Из КПЗ он бежал. После долгих мытарств оказался в Нижнем Новгороде. Там по поддельным документам устроился работать сапожником в гостиницу и жил (как и грек Фанос) в сапожной мастерской. В гостинице на последнем этаже казино. Фома каждый вечер там проигрывает все, что заработал днем. В один прекрасный день ему выпал джек-пот — флеш рояль на бонусе (шестьдесят тысяч долларов). В казино столько наличных не было, и Фоме предложили взять малую самоходную баржу, ее кто-то проиграл. Так Фома Арчилович стал владельцем и капитаном судна, которое назвал «Фортуна».

Искать спонсоров на сей раз не пришлось. В 1998-м В. Досталь ушел с поста генерального директора киностудии «Мосфильм» и организовал свою продюсерскую фирму «Киномост». Я рассказал ему синопсис, он сказал:

— Сделаем фильм. Пишите сценарий.

Когда был готов первый вариант, послали сценарий в Тбилиси Бубе. Он прочитал, позвонил, в общем, одобрил, но сделал и замечание.

— Николаич, мне кажется, когда в финале Фома идет на мостик погибать, не хватает мотивировки, почему он это делает.

— Как почему? Он потомственный моряк, капитан дальнего плавания, а капитан последним должен покинуть судно или идти с ним на дно.

— Это понятно, но все равно что-то еще надо найти…

Буба свою роль чувствует очень точно. И когда его что-то смущает в поступках героя, он всегда оказывается прав.

— Мы поищем…

— Гия, а может, так. Во время той аварии он сел в спасательную шлюпку, когда на корабле еще были люди. И этот позор он хочет смыть.

— Не думаю, что наш Фома бросил бы людей умирать.

— Людей спасли. А Фома не знал, что кто-то там остался.

Так и написали. В фильме об этом своем позорном поступке Фома рассказывает жене владельца груза Маше.

БАНОЧКА СМЕТАНЫ

Фильм снимали на Волге в Нижегородской области. И, как на «Совсем пропащем», съемочная группа жила на двухпалубном теплоходе. Так что Буба ловил рыбу утром, вечером, днем и ночью, все то время, когда мы не отвлекали его от дела съемками.

Несмотря на то что Советский Союз давно распался, иностранца, гражданина Грузии Вахтанга Кикабидзе повсюду узнавали и очень любили. К примеру, когда снимали на берегу Волги, недалеко от развалившегося элеватора эпизод «Фома ждет Толика», во время перерыва к Бубе подошла старушка в белом платочке. Она протянула ему баночку:

— На, Вахтанг, сметана свежая, только сегодня сняла.

— Ну что вы, бабушка!

— Кушай, сынок! Я по телевизору видела, что знаменитые актеры все теперь бедные и голодные.

— Спасибо большое.

— На здоровье, сынок, — и она пошла.

— Трогательно… надо было ее как-то отблагодарить.

— Вахтанг Константинович, а вы подарите ей вашу фотографию с автографом, она будет счастлива, — сказала Оля Голубева, помреж.

— У меня нет с собой.

— У меня есть, — сказала Оля. — Только вы мне такую же вернете, с автографом.

— Договорились.

— Бабушка, подождите, — крикнула Оля, достала из папки фотографию, протянула ее Бубе. — Идите сюда.

Старушка остановилась. Подошла.

— Гия, дай твою ручку. Я дал ему ручку.

— Вас как зовут? — спросил он старушку.

— Ниною. Нина Васильевна.

Буба взял у Оли хлопушку, положил на нее фотографию, снял с ручки колпачок.

— Сынок, это ты мне будешь писать?

— Да, Нина Васильевна.

— Мне не надо. Ты напиши лучше для внучки моей, Зиночки. Зинаиде Малининой. Я ей отошлю, будет всем показывать, хвастаться. Она в Астрахани в техникуме учится.

Буба надписал, протянул фотографию.

— Вот спасибо!

— На здоровье, Нина Васильевна.

— Дочка, а еще нет карточки? — обратилась старушка к

Оле. — Для меня. На стенку повешу.

— Больше нет, бабушка, — сказала Оля.

— На нет и суда нет, — вздохнула старушка. — Ладно, не буду мешать.

— Нина Васильевна, вам эта ручка нравится? — спросил Буба.

Старушка пожала плечами:

— Хорошая, наверно.

— Держите, она ваша, — и Буба протянул старушке мою ручку.

«Грузинские штучки!» — молча выругался я.

— На память от меня и от него, — он показал на меня, режиссера Георгия Данелия. «Афоню» смотрели?

— Видела. Но про алкашей я не люблю.

— А «Мимино?»

— «Мимино» смотрела, — старушка взяла ручку. — Это он снимал?

— Он.

— Георгий, — обратилась она ко мне, — а можно я Зиночке скажу, что это подарок от Вахтанга Кикабидзе и Георгия, который снимал «Мимино».

— Конечно можно, — сказал Буба.

— Вот Зиночка обрадуется! — старушка еще раз поблагодарила и ушла.

— Буба! Зиночка, может, и обрадуется! А я чем писать буду? — сказал я.

— Не переживай, будет у тебя ручка, не хуже этой, — сказал Буба.

После съемки Буба пришел ко мне в каюту и поставил на столик полстакана сметаны.

— Это твоя доля. А это компенсация, — Буба достал из кармана золотую ручку и положил ее на столик рядом со стаканом.

Я вздохнул.

— Не нравится? Это «Картье», мне Бадри на юбилей подарил. (Бадри Патаркацишвили — грузинский миллиардер.) Не намного хуже, чем та, что бабушке подарили.

— Ту я любил. Я ей все сценарии написал. Она мне помогала.

— А чего тогда ты молчал, если она твоя помощница? Я бы у Бори Левковича попросил (второй режиссер на этом фильме).

— Ладно, Буба, забыли… Сметана хоть вкусная?

— Восхитительная! И ручка тоненько пишет, — Буба ушел.

Между прочим. Когда мы с актрисой Галей Польских с

фильмом «Я шагаю по Москве» были на фестивале в Каннах, эту ручку (перьевой «Ватерман») я нашел на ступеньках у входа в гостиницу «Карлтон».

А через два дня вечером, после съемки, Буба принес мне пятилитровую банку с огурцами.

— Это тебе Нина Васильевна прислала, — поставил банку на стол. — И еще вот это, — он достал из кармана и вручил мне мою ручку.

— Каким образом? — спросил я.

Буба рассказал, что, когда он увидел, как я огорчился из-за своей ручки, он поручил Юре Гусятникову купить хорошую ручку, коробку конфет, подписал для Нины Васильевны свою фотографию, попросил отвезти все это старушке и деликатно поменять на мою ручку. А еще посмотреть, может, крышу надо отремонтировать или забор. Он все оплатит. Оказалось, что ничего не надо. Дом недавно отремонтирован, все чисто и аккуратно. Сын старушки Прохор Малинин — бизнесмен в Астрахани. Она напоила Юру чаем. А нам прислала огурчики собственного посола.

— Спасибо…

— А что у тебя такой вид? Ты что, не рад? — удивился Буба.

Я тяжело вздохнул.

— Буба, я же теперь должен вернуть твою ручку?

— Должен.

— А я ее потерял.

— Как?! Где?!

— Посреди великой реки. Нагнулся руку подать Даше, помочь ей на борт «Фортуны» подняться, а ручка выпала из кармана рубашки. Тяжелая.

— Место запомнил?

— Буба, я обращался к водолазам. Отказались. Сказали, нереально.

— Да, ил, течение… Ну, ладно! Главное, что твоя ручка на месте. Николаич, напиши ей еще много хороших сценариев. Да, и огурцы попробуй, вкусные.

Огурцы действительно были первоклассные! Меня спрашивали:

— Как вы работаете с Кикабидзе? Я отвечал:

— Никак.

Мы с Бубой понимаем друг друга без слов.

Прошло четырнадцать лет, золотой «Картье» так и лежит на дне великой реки. А мой родной «Ватерман» в целости и сохранности лежит в ящике письменного стола. Но писать им уже

нельзя, перо совсем состарилось.

ИСПОЛНИТЕЛИ

Механика Петровича на судне «Фортуна» сыграл Алексей Петренко. Эту роль мы сразу писали на него. Мне давно хотелось работать с этим актером. Механик Петрович изобретатель, современный Кулибин, все время совершенствует что-то в моторе, в итоге мотор взрывается и «Фортуна» тонет. Редакторы студии «Киномост» отговаривали меня брать Петренко на эту роль. Говорили, что он мощный драматический актер, но без юмора, не в моей стилистике. Но я настоял. И правильно сделал. Когда во время съемки сцены венчания Вадима и Маши Петренко появился в парадном костюме Петровича, все заулыбались. Костюм свой он продумал сам и тщательно выбрал вещи. Чуть короткие брюки и ботинки советского производства купил в Воронеже. Синий пиджак с узкими лацканами, моды шестидесятых годов разыскал на базаре в Москве. Кепку в Нижнем Новгороде. Так же точно и продуманно подобрал значки и медали. И сыграл роль Петровича Алексей достоверно, сдержанно и очень смешно.

Между прочим. Когда мы с Резо Габриадзе писали сценарий «Кин-дза-дза!», то представляли в роли инопланетянина Би Алексея Петренко. Именно для его неуемного темперамента написана реплика: «Небо! Небо не видело такого позорного пацака, как ты, Гедеван Алексидзе!» Но тогда сценарий Петренко не понравился, и сниматься он отказался. А после премьеры в Доме кино подошел ко мне и сказал: «Каюсь. Был неправ». Фильм ему понравился.

Роль Би сыграл блистательный Юрий Яковлев, и сегодня не могу понять, как я мог когда-то думать о ком-то другом.

Третьего члена команды «Фортуны» Толика (мальчишку двенадцати лет) сыграл Вася Соколов. Толик на «Фортуне» юнга, матрос, боцман и коммерческий директор одновременно. А еще он лучший друг Арчилыча (так Толик называет капитана). Отец Толика работал гардеробщиком в той же гостинице, что и Фома. Несколько лет тому назад отец скончался, Фома парнишку приютил. И теперь Толик Арчилыча опекает, следит, чтобы он все делал вовремя, правильно, и не пускает его в казино. Толик мальчик сообразительный, с задатками бизнесмена. К примеру, когда на причале появился клиент Вадим с грузом до Москвы и с остановкой на сутки в деревне Погореловке, где он собирался венчаться, Толик с ходу предложил:

— А давай мы тебе паруса поставим!

— Какие паруса? — спросил Вадим.

— Алые! Как в книге. Читал? Там Ассоль ждет, ждет, а тут корабль с алыми парусами! И на нем капитан Грей.

— И что? — спросил Вадим.

— Как что? Обрадовалась! На шею кинулась! Материю я со скидкой дам. А мачту, так уж и быть, за так поставлю.

Дело в том, что баржа досталась Фоме с грузом (в трюме валялись флаги, транспаранты с рекламой, ящики с петардами и две коробки контрацептивов). Толик много раз пытался этот товар кому-то сбыть. Не получалось. А сейчас настал момент.

— А по периметру баржи установим заряды, — продолжал расписывать торжество Толик. — И когда ты с невестой ступишь на борт, дадим салют.

— Все?

— Нет. Еще шарики надуем, разноцветные, а на них напишем «Дорогая невеста! Я тебя люблю, твой козлик Вадя». За все про все — шесть тысяч.

Но этот романтический проект Толика не обогатил. Вадим платить за «этот бред» отказался. А Арчилыч сказал:

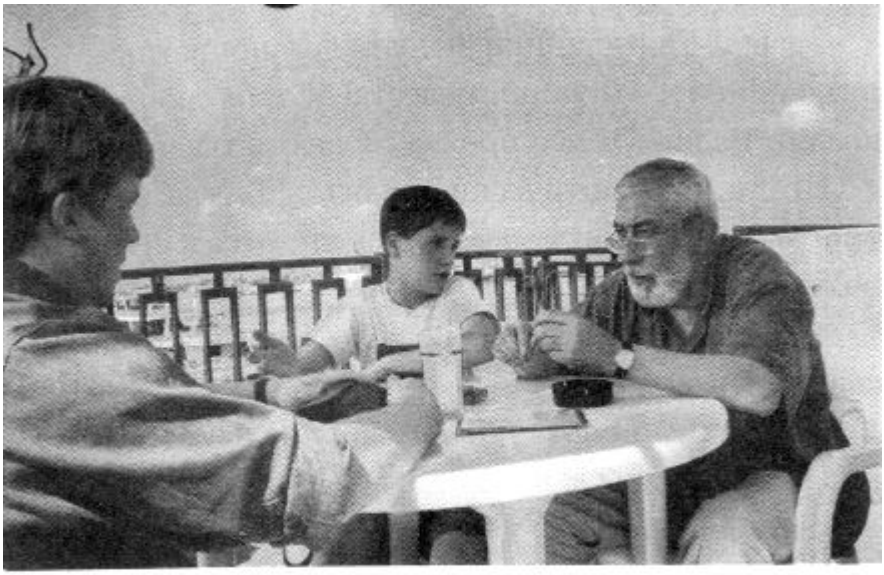
— Не хочет платить — не надо. Сделаем бесплатно свадебный подарок!

— Грузинские штучки, — возмущался Толик.

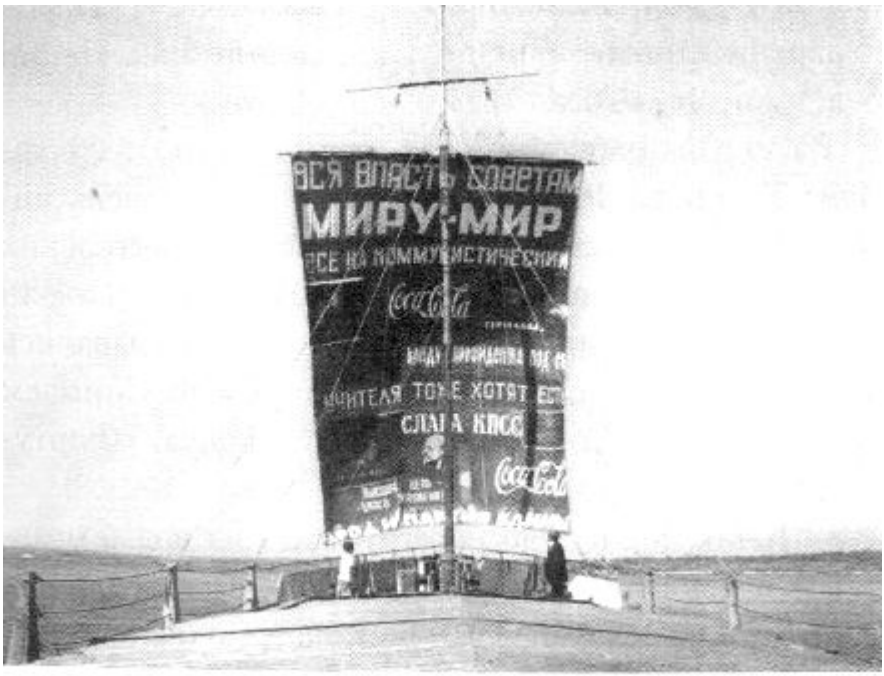
Но ослушаться не посмел. Мачту они с Петровичем соорудили. К деревне Погореловка «Фортуна» подошла под алым парусом. А невеста Маша кинулась на шею «козлику Ваде». Парус был сшит из транспарантов и флагов, и на нем соседствовали надписи: «Долой Ельцина!», «Слава КПСС», «Народ и партия едины», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Coca Cola» и «Marlboro».

Васю Соколова привела ассистент по актерам Лена Тихонова. Работать с ним мне было очень интересно. Вася мальчишка уникальных актерских способностей. Он все время сам находил какие-то неожиданные решения. И часто они оказывались интересней, чем предлагал я. Например. Снимаем крупный план: «Толик смотрит на тонущую «Фортуну». Репетируем. Я объясняю:

— Толик доплыл до берега, вылез из воды, оглянулся и увидел: посреди реки тонет «Фортуна». На мостике капитан. Сейчас он погибнет. Доплыть и спасти его Толик не успеет. «Арчилыч!» — кричит он. Арчилыч далеко, не слышит. У Толика на глазах слезы.

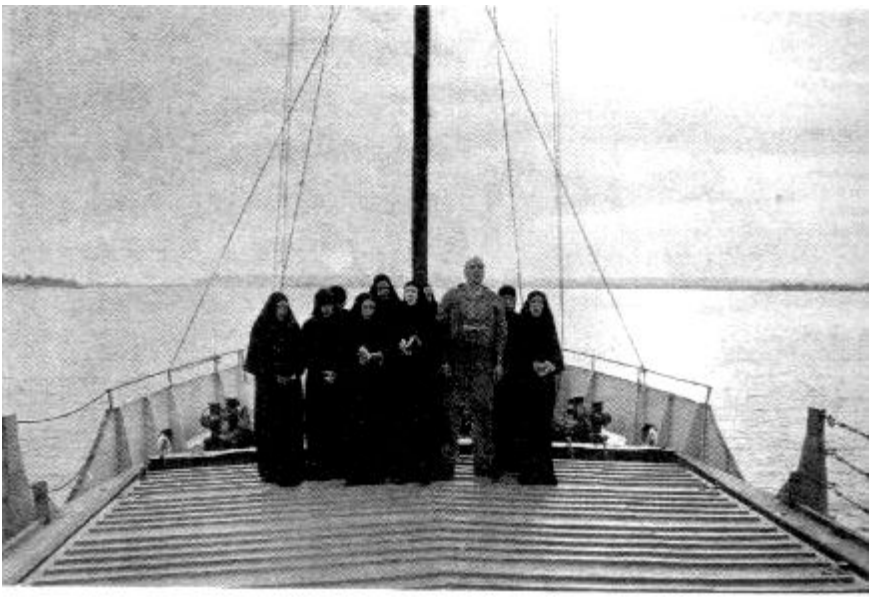


Вадим, Толик и Фома —
Алексей Кравченко, Вася Соколов и Буба Кикабидзе



Алый парус для любимой

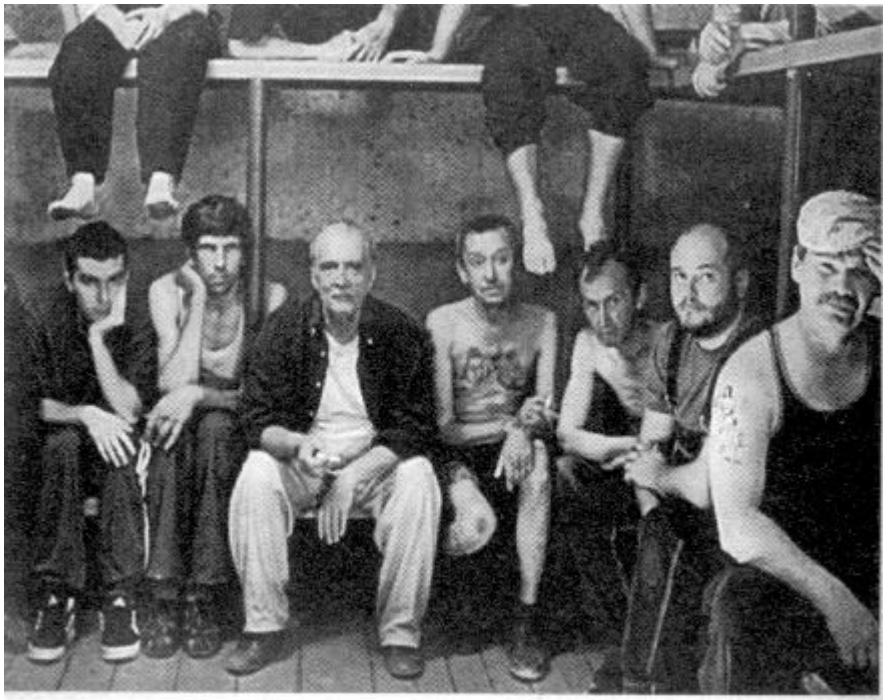
Петрович —
Алексей Петренко



Монашки и Петрович

Маша –
Дарья Мороз

Маша, Вадим, Фома
и бандит – Владимир Ильин



Все, кроме меня, настоящие

— Георгий Николаевич, а можно я не заплачу, а крикну: «Арчилыч!» — и врежу ногой по камню?

— Зачем?

— Обозлился. А обо мне он подумал, этот Фома?! Нечестно это!

Или такой пример. В маленьком городке Фома и Толик пошли в магазин покупать невесте Маше платье, по дороге увидели портрет кандидата в губернаторы Юрия Митюкова. Фома сказал, что знает этого Митюкова, он когда-то работал прокурором в Батуми. (Митюкова сыграл Юра Рост.) Толик тут же предложил этот портрет отвинтить и установить на «Фортуне»:

— Здесь его никто не видит. А мы его по всей реке провезем и за агитацию с твоего Митюкова бабки получим!

Фома категорически запретил это делать.

А вечером к причалу подъехал милицейский газик. Милиционер вытащил за шиворот Толика и сообщил Фоме, что этот пацан сдирал портрет кандидата. Толик закричал:

— Арчилыч, скажи им, что Митюков — наш друг…Когда репетировали эту сцену, Вася предложил:

— Георгий Николаевич, есть два варианта. В одном Толик ментов боится и, когда кричит: «Арчилыч, скажи им, что Митюков наш друг…» — плачет со слезами и соплями, а в другом он

ментов пугает. Менты, когда узнают, что Митюков друг Фомы, обкакаются и ни копейки с них не возьмут. Какой?

Сняли два дубля. В одном Толик был маленьким и жалким, а во втором — гордым и независимым. В фильме плаксивый вариант.

Невесту Вадима Машу сыграла Дарья Мороз. Она была именно такая, какой я представлял себе эту героиню. Даше тогда было 15 лет. Но на пленке она выглядела старше. В экспедиции Даша была со своей мамой, известной актрисой Мариной Левтовой. Марина спросила меня, надо ли ей с Дашей репетировать сцены перед съемками?

— Думаю, что нет, — сказал я. — Лучше, чтобы все рождалось во время съемки. Она у нас из команды светлого ангела.

Вадима, хозяина груза, сыграл Алексей Кравченко. В детстве Алексей играл главного героя в фильме «Иди и смотри» Элема Климова.

Бандита с чемоданом компромата, которого Фому шантажом заставили взять на борт «Фортуны», сыграл Владимир Ильин. Его герой спокоен, одет просто. Говорит тихо. Пальцы веером не делает. Но при этом чувствуется, что человек он не простой, крайне опасный. Каким образом Ильин этого достиг? Не знаю.

КАНДИДАТЫ В ГУБЕНАТОРЫ

Юра Рост приехал к нам на катере из Нижнего Новгорода, когда мы стояли у причала маленького городка Первомайский. Вечером мы устроили ему встречу с шампанским, а утром, когда мы начали снимать сцену на причале, Рост пошел фотографировать. Вернулся только вечером, когда мы снимали режимные планы реки.

— Что ж ты мне про портреты ничего не сказал? — спросил он меня сердито.

— Забыл. А что случилось?

И Юра рассказал. Когда он шел по городку, с ним все приветливо здоровались, ему улыбались, на него оглядывались. Юра был приятно удивлен.

— Узнают, — думал он. — Вот тебе и провинция! Здесь, в отличие от Москвы, люди канал «Культура» смотрят!

В то время по каналу «Культура» шла передача «Конюшня Роста», где он был ведущим. На площади Ленина, когда Юра фотографировал памятник Ленину на фоне рекламы «Coca-cola», к нему подошел мужчина в ветровке.

— Юрий Михайлович?

— Да.

— Баринов, городской голова, — представился мужчина.

— Очень приятно.

— Хорошо, что вы к нам приехали. До вас к нам никто не приезжал!

— Красивый у вас городок и люди славные, — улыбнулся Рост.

— Юрий Михайлович, а вы не хотели бы с этими славными встретиться, о себе рассказать. На вопросы ответить? — спросил Баринов.

— Думаете, вашим землякам это будет интересно?

— На все сто!

— А когда?

— Да хотя бы сегодня, в шесть. Можете?

— Могу.

— В 18.00 ждем вас в клубе Ленина. Вот это желтое здание. Вход сбоку, с улицы.

На двухэтажном желтом здании постройки XIX века висел большой портрет белокурой женщины с приятным русским лицом. Под портретом было написано: «Кандидат в губернаторы Галина Снежкина».

— Знакомое лицо, — подумал Рост.

Походил по городу, пофотографировал. Потом на пароме перебрался на другой берег Волги и там фотографировал монастырь и монахов. В клуб опоздал. Народу в зале собралось человек сорок.

— А вот и он! А вы говорили, не придет! — обрадовался Баринов, когда Юра появился в дверях. — Прошу на сцену, Юрий Михайлович!

Рост поднялся на сцену. Поприветствовал зал, спросил:

— О чем вы хотите, чтобы я рассказал?

— Это вы сами решайте.

Юра рассказал, почему его передача называется «Конюшня Роста», о людях, которые приходят к нему на эту передачу, и о фотографиях своих друзей, которые висят в его мастерской (А. Сахарова, М. Нееловой, С. Параджанова и многих, многих других).

Все внимательно слушали. Когда минут через сорок Юра закончил, он сказал:

— У меня все. Задавайте вопросы.

— Фотографией увлекаетесь? — спросила женщина из первого ряда.

— Да. С детства.

— А Марина Неелова замужем?

— Замужем.

— А по делу можно?

— Для этого я и пришел.

Поднялся мужчина в камуфляжном костюме.

— Хочу спросить про дорогу Вот вы на корабле пришли, а на машине к нам не проехать! Случись что серьезное, никто до нас не доедет. Вы этим вопросом займетесь? Или опять будет только поэзия?

— Дорога областного подчинения, Юрий Михайлович, десять лет не ремонтировали, — пояснил Баринов.

— Вообще-то я к дорогам не имею отношения. Но когда буду в Нижнем, постараюсь выяснить.

— Юрий Михайлович, а электричество? — спросила женщина из первого ряда. — Иногда неделями света нет. Насчет этого что планируете?

— Столбы гнилые, ветер подует — падают, Юрий Михайлович, — объяснил Баринов.

— Извините, но я и к электричеству не имею отношения.

Зал недовольно загудел.

— А чего вы в губернаторы лезете, если ни к чему отношения не имеете?! — повысил голос мужик.

— Я? В губернаторы? Вы что-то путаете, дорогой товарищ!

Мне даже в голову такое не приходило!

— А чего портреты свои по всей Волге развесил?

— Какие портреты?

— А вон хотя бы, в окошко глянь.

На той стороне улицы стоял большой портрет Роста, под которым было написано:

КАНДИДАТ В ГУБЕРНАТОРЫ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МИТЮКОВ

Толик и Фома идут мимо портрета кандидата в губернаторы Митюкова. На портрете — Юра Рост

Саша Панов и народ у портрета кандидата в губернаторы Шершавникова. На портрете — Саша Панов

Портрет кандидата в губернаторы Надежды Стриж. На портрете — Галя

Галя и я

Между прочим. Передачу «Конюшня Роста» в этом районе видеть никто не мог. Телевизионный канал «Культура» в этой местности не транслировался.

По сценарию, когда «Фортуна» плывет по Волге в Москву, проходят выборы губернатора Новгородской области. Мы сделали портреты трех кандидатов. На одном фотография Роста (он сыграл в фильме Митюкова), на другом моя жена Галя (это ее портрет видел Рост в «Первомайском»), на третьем Александр Панов (ассистент по реквизиту). Мы поставили эти портреты по местам съемок — в деревнях, городках и даже на главной площади Нижнего Новгорода. Саша Панов гордился своим портретом губернатора. И во всех местах, где мы снимали, вставал рядом с ним и просил нашего фотографа Мишу Баландюка его сфотографировать. А также фотографировался со всеми желающими и давал автографы. Галя повесила свой портрет у нас в прихожей. Ее подруга, которая считала Галю удачливой бизнесвумен, когда пришла к нам в гости и увидела портрет, удивилась:

— Галя, неужели у тебя все так плохо, что ты в депутаты хочешь?

ВЕРНЕТСЯ, НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ

Когда мы с Бубой прилетели на съемки в Нижний Новгород, в аэропорту нас встретил Юра Гусятников и сказал, что с нами хочет познакомиться начальник ГУВД Нижегородской области. И было бы хорошо, если сейчас, по дороге в гостиницу мы заедем к нему в управление. Он нас ждет.

— К чему такая спешка?

— Так назначено. Он многие вопросы может решить.

Генерал принял нас очень любезно. Угощал коньяком. Подарил хохлому (ложки, чашки и тарелки). И сказал:

— Что понадобится, обращайтесь.

А дальше милиция везде: и в Нижнем Новгороде, и в городках, и в деревнях — оказывала нам содействие. А также безвозмездно нам разрешили снять сцену в тюрьме, когда Фому и Вадима заводят в камеру.

Я спросил у начальника тюрьмы:

— А нельзя, чтобы с нами снялись настоящие заключенные.

— У меня приказ во всем вам содействовать.

И сейчас на экране, в этой сцене рядом со мной (я играю роль «бугра»), сидят не актеры, а настоящие зэки.

Когда съемка закончилась, я сказал, как обычно:

— Спасибо всем.

— Режиссер, а пол-литра? — спросил главный.

— А можно? — спросил я охранника.

— Ну, ладно. Раз вы просите.

— Митя сбегает, — главный показал на мужчину, сплошь покрытого синими татуировками.

Я дал Мите денег. Конвоир посмотрел на часы и сказал ему:

— Туда-сюда — час. Не больше. Мы вышли. Я спросил у конвоира:

— Вы уверены, что Митя вернется?

— Уверен.

— А почему?

— Он же за водкой пошел! Если не вернется — ему не жить, даже если в Австралии спрячется.

БАРЖА ТОНЕТ

Самое сложное было снять, как баржа опускается под воду, а капитан стоит на мостике и вода доходит ему до плеч.

Художником на этой картине был Владимир Аронин. Мощный художник. Он придумал так.

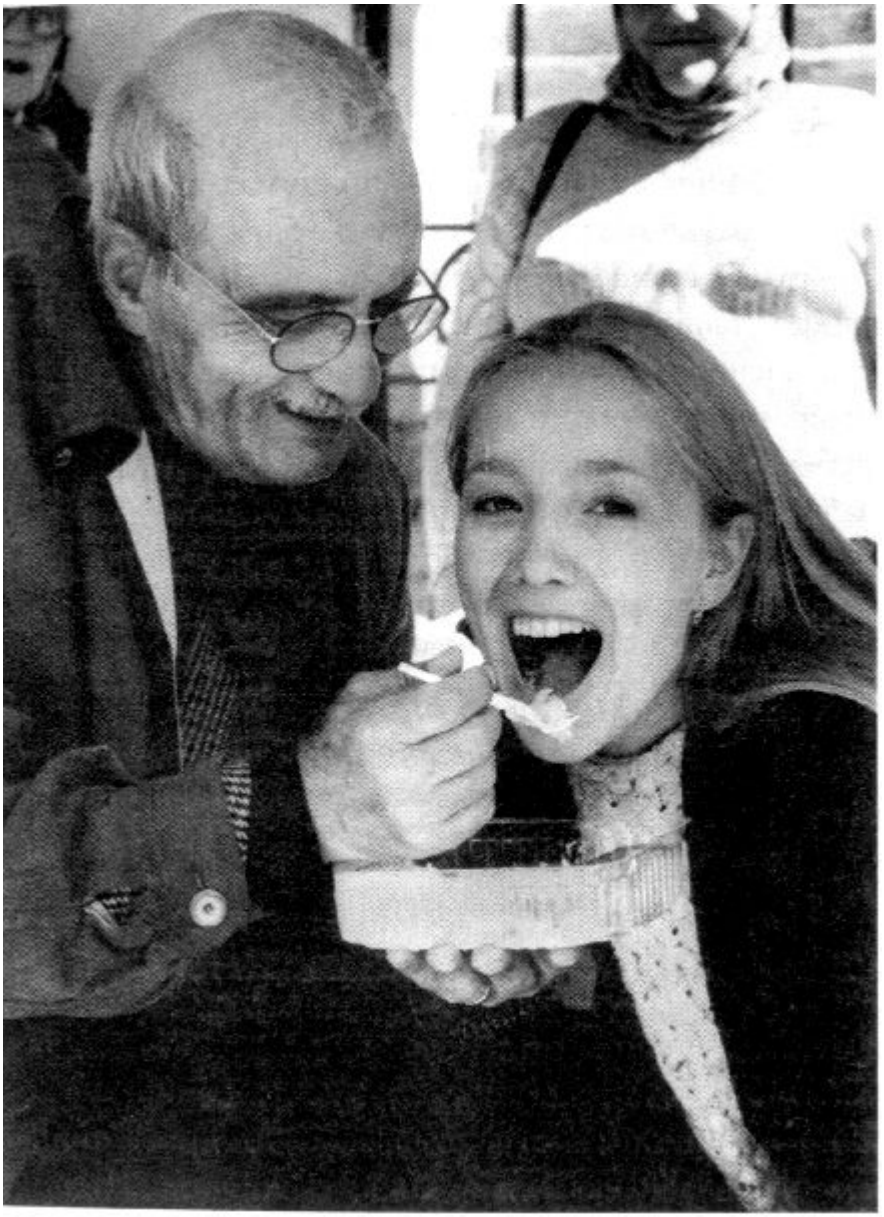
На свалке мы купили такую же баржу. Отрезали от нее рубку. Привели рубку в порядок. За углы прикрепили четырьмя тросами к большому плавучему крану, сбалансировали, а потом опустили в воду и отрепетировали — скорость и высоту. И сняли: кран опускает рубку под воду с нужной скоростью. Буба по лестнице забирается на мостик, становится у штурвала и берет под козырек. Когда вода доходит ему до плеч, движение прекращается. (Тросы на БФ-графике убрали.)

Между прочим. Оператором на фильме был Геннадий Карюк. Изображение солнечное, яркое. Гена дружил со светлым ангелом.

БЛОНДИНУ ДАЙ СЧЕТ!

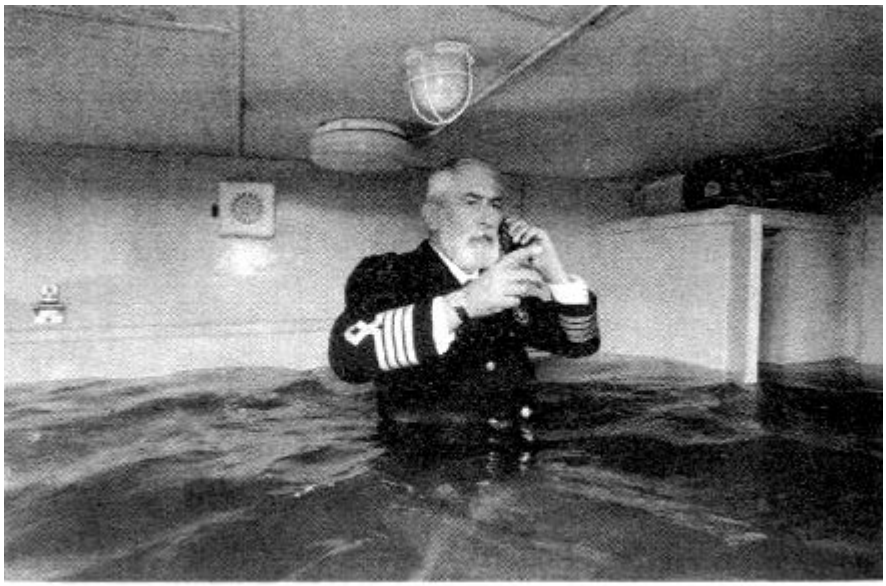
Два месяца во время съемок в Нижнем Новгороде каждое утро в шесть часов на причал, где был пришвартован наш корабль «Борис Чирков», приезжал грузовик и привозил нам питьевую воду — от Вадима Сухановского (в то лето в Нижнем стояла невыносимая жара).

С Вадимом Сухановским, бизнесменом из Нижнего Новгорода, я познакомился и подружился на фестивале «Кинотавр» в Сочи. А когда снимали «Фортуну» на Волге, он нам во многом помог. (Скоростная яхта, моторные лодки, номер люкс в гостинице.) По выходным Вадим угощал нас: меня, Галю и всех актеров с женами и детьми — ужином в своем ресторане на набережной. А в будние дни присылал нам на корабль пиццу из своей пиццерии — очень вкусную, я даже в Италии такую не пробовал.



Обеденный перерыв

«Фортуна» тонет. За камерой Геннадий Карюк



Последний звонок капитана сыну

Группа. Последний съемочный день на Волге

Между прочим. У Вадима много разнообразных задумок по украшению родного города. Запомнилась такая: в высокий берег Волги врезалась инопланетная ракета, и видна ее задняя половина. А там ресторан.

В какой-то степени мы использовали его задумку в анимационном фильме «Ку! Кин-дза-дза». (Вадим — один из спонсоров этого фильма).

Как-то само собой получалось, что всегда и везде: в Сочи, в Нижнем Новгороде и даже в Москве — по счету в ресторане или кафе платил Вадим Сухановский.

Когда он в очередной раз приехал в Москву, мы с Галей решили: «Все, хватит!» И пригласили Вадима в ресторан «Золотой Остап» к Арчилу Гомиашвили.

— Платим мы! — предупредил я.

Заказали закуски, шашлыки, хинкали. Минут через сорок к нам подсел Арчил.

— Ну как, съедобно?

— Все на уровне, — похвалил Вадим. Я представил Вадима.

— Мой друг, бизнесмен из Новгорода.

— Чем занимаетесь? — спросил Арчил.

Вадим сказал, что в Нижнем Новгороде на набережной строит жилой комплекс и ресторан. Арчил с интересом посмотрел на него и ушел к себе в кабинет.

Пообедали. Выпили кофе, съели мороженое, и я сказал официанту:

— Посчитайте нас.

— Уже посчитали, — официант вырвал из книжечки листок.

Я потянулся за ним.

Когда я приходил в ресторан один, денег с меня не брали, а если кого-нибудь приглашал, то рассчитывался по ценам бизнес-ланча (самым низким).

— Артур, счет блондину дай, блондину! — крикнул из двери своего кабинета Арчил.

— Артур, блондин ни при чем. Я угощаю! — крикнул я. — Дай сюда, — я взял у официанта счет.

Посмотрел. Сумма заоблачная.

— Георгий Николаевич, дайте мне, — сказал Вадим.

— Отдохни, Вадим.

Пошел в кабинет к Арчилу. Арчил сидел за столом красного дерева. Я положил перед ним счет:

— Арчил, посмотри. У Артура по математике в школе, наверное, были одни двойки.

— Артур очень грамотный человек.

— Откуда такая сумма взялась, за что?

— Гия, я человек творческий и у нас ко всему подход неординарный. Для советского кинорежиссера одна цена, а для бизнесмена, который комплексы строит, — другая. Артур еще, из особого уважения к тебе, мало написал. Не ценишь ты хорошего отношения.

— Арчил, я его пригласил.

— Что за манера все руками хватать! Зачем надо было у блондина отнимать? — раздраженно сказал Арчил и порвал счет. — Подарок!

Когда мы уходили, Артур провожал нас до двери, а по дороге ворковал:

— Всего доброго, Вадим Евгеньевич! Приходите еще, Вадим Евгеньевич! Рады будем вас видеть, Вадим Евгеньевич!

Когда вышли, я спросил:

— Вадим, ты что, заплатил?

— Да.

— Когда ты успел? — удивилась Галя.

— Когда ты пудриться ходила.

С Вадимом Сухановским

БЕЛЫЙ КОНЬ

Не все, что задумали, нам удалось снять на этой картине. Был в сценарии такой эпизод. Когда «Фортуна» отправляется в рейс с грузом в Москву, в рубке на панели Фома находит мобильный телефон. Откуда этот телефон взялся, ни Толик, ни Петрович не знают. На второй день пути телефон звонит, и властный голос спрашивает:

— Фома Арчилович?

— Да.

— Телефон получили?

— Да.

— Вы когда у седьмого плавкрана будете?

— Второго, к вечеру, извините, а с кем я говорю?

— Это вам знать не обязательно. У седьмого плавкрана примете контейнер и доставите до старой балки. Там вас будут ждать. Контейнер не открывать и близко к нему не подходить. Как поняли?

— А что в контейнере?

— И это вам знать не обязательно.

— Нет. Обязательно. Неизвестные грузы на борт не беру.

— А этот возьмешь, господин Беридзе, — голос называет настоящую фамилию Фомы.

— Я не Беридзе, я Каландадзе.

— Кончай жужжать, генацвале. Нам о тебе все известно, дорогой. Пока только нам. Ты меня понял?

— Понял.

Берег реки. Ночь. В луче прожектора видна пришвартованная баржа и стрела крана, опускающего в носовой трюм большой контейнер.

Река. Ночь. Луна. Баржа в движении. Крышка носового трюма отодвинута. Из трюма торчит контейнер. На краю трюма сидит Толик и напряженно прислушивается. Фома выглядывает из рубки:

— Толик, отойди от груза!

Толик жестами призывает его к тишине. На цыпочках идет к лестнице, заходит в рубку, закрывает дверь.

— В чем дело? — спрашивает Фома.

— Тс-с! — шепчет Толик. — Там люди!

— С чего ты взял? — спрашивает Фома.

— Дышат и сопят. Рецидивисты это, которые вчера из Саратовского СИЗО сбежали! По телику передавали.

Фома достает из кармана телефон.

— Не надо, Арчилыч, — остановил его Толик. — У них бабки. Менты бандитов отпустят, а нас посадят. А так мы ничего не знаем. Взяли ящик, отдали ящик.

Фома тяжело вздыхает, бросает телефон на панель.

Рассвет. Баржа причалена к паромному съезду. Мощный автокран опускает на берег контейнер, извлеченный из носового трюма. Рядом с краном возле джипа стоят двое в черных костюмах. Едва контейнер касается земли, мужчины открывают запоры и отодвигают стенку. Из контейнера появляется еще один (третий), в костюме жокея, под узцы он выводит красивого белого коня, запрыгивает на него и мчится прочь по степи в сторону восхода. За ним, поднимая пыль, катят джип и автокран. Откуда этот конь? Кто эти люди? Мы так и не объясняем.

Этот эпизод я так подробно описал, потому что мне он нравился. А снять его нам не удалось. К сожалению.

И еще не удалось снять эпизод «Аэростаты». По сценарию, когда в Москве Маша поссорилась с Вадимом и убежала, Толик продал чемодан с компроматом и на все деньги запустил над Москвой несколько десятков аэростатов с надписью: «Жду тебя в Твери. Твой козлик Валя». Снять десятки аэростатов смета не позволила. И в фильме над Москвой летает один дирижабль.

КОМПРОМАТ

По сценарию, в чемодане с компроматом, который оставил на «Фортуне» сбежавший бандит, среди прочих бумаг была фотография: кандидат в губернаторы Митюков с голыми девушками. Варианта было два. Сделать фотоколлаж или снять все самим. Решили, что сами снимем. Эрик Вайсберг, наш исполнительный продюсер, спросил:

— Просто натурщицы или балерины?

— Почему балерины?

— Может, Георгий Николаевич захочет, чтобы они ногами дрыгали?

— Не захочу.

На следующий день маленькая, сухонькая женщина в очках и строгом костюме привела ко мне в кабинет трех молодых девушек.

— Знакомьтесь, — сказала она. — Рита, Инга, Валя. В кабинете кроме меня были Юра Рост и Миша Баландюк (фотограф). Девушки разделись. И мы начали придумывать композиции. Юра в рубашке и брюках сидел на диване, а обнаженные девушки садились ему на колени, обнимали, принимали соблазнительные позы. Юра чувствовал себя неловко, сердито пыхтел. После каждой картинки он говорил:

— Николаич, может, хватит?

— Нет, не хватит! Все не то, — строго говорила Арина Михайловна (так звали сухонькую женщину). — У вас, господин мой хороший, лицо постное, брезгливое, а должна быть страсть, вожделение!

До перестройки Арина Михайловна преподавала политэкономию в Институте культуры.

— А может, им лечь у его ног? — неуверенно предложил я, чтобы хоть что-то предложить.

— Нет. Это детский сад! Завтрак на траве, — не соглашалась Арина Михайловна. — Есть вариант! Валя, ты садись клиенту на плечи и обними ногами. А Инга и Рита садитесь так, чтобы его ноги оказались между вашими ногами. Хоть намек на что-то появится.

— Пусть Инга на шею сядет, у нее ноги короче, — сказала Валя.

— Все, Николаевич! — Юра встал. — Там есть из чего выбрать. Обойдемся без ног на шее.

— Ладно. Съемка окончена! Спасибо, девочки. Одевайтесь, — сказал я.

— И это все? — удивилась Валя.

— Все.

— Надо же! Век бы так работать! — сказала она. Встретился я с Валей осенью в клубе «Шатильон».

«ШАТИЛЬОН»

Во время перестройки напротив «Мосфильма» открыли казино. Назвали его в честь французского замка «Шатильон». У входа поставили скульптуру Леонова в роли доцента из фильма «Джентльмены удачи». А вдоль тротуара большие портреты киноактеров и режиссеров (был там и мой портрет). Я ходил в казино и играл там. Часто играть я мог только потому, что хозяин «Шатильона» Николай Садулович Цховребов много проигрывать мне не давал. Элегантный и обаятельный Садулыч (так я его называл) иногда около полночи подходил и спрашивал:

— Георгий, сколько проиграл сегодня?

— Сто двадцать. И сто взял в кредит (все расчеты в казино были в долларах).

— Двести двадцать?

— Двести двадцать.

— Ну, еще 50, чтобы в хорошем настроении ушел, — говорил Садулыч. — Дайте Данелия кредит на двести семьдесят.

Мне приносили на подпись бумагу и давали фишки. Садулыч ставил все на черное или на красное, а так как человек он был везучий, сразу же все отыгрывал.

— Все, Георгий, сегодня больше не играй. Садулыч разрывал кредитную бумажку, а я в кассе получал свои сто двадцать и пятьдесят для хорошего настроения. В итоге на круг я оставался при своих.

Вообще-то я в любых играх невезучий, почти всегда проигрываю. (Удачливый я в кино, там мне везет.) И я, конечно, никакой не игрок. Игрок идет в казино выиграть, а я ходил, чтобы провести время. Играл осторожно, можно сказать трусливо, чтобы сразу все не проиграть и не нервничать. А в ту ночь, когда встретил в казино «Шатильон» Валю, впервые понервничал основательно. Играл в рулетку, ставил на свои любимые цифры: 8, 13, 17, 33. Кто-то сзади подсказывает:

— На одиннадцать поставьте.

Терпеть не могу, когда подсказывают. Выпало 19. Опять начал ставить на свои цифры.

— Режиссер, теперь на 29 ставьте. Ставьте все. Точно 29 будет.

Поставил одну фишку на 29. Оглянулся. Натурщица Валя.

— Не узнаете? — спросила она. — Я Валя. Это меня Арина хотела на шею тому импотенту посадить.

Между прочим. Юрий Рост, по моим сведениям, до сих пор

Казакова.

— Узнаю, здравствуй. Выпало 31.

— А я просвистелась. Режиссер, у меня кроме вас здесь никого знакомых нет. Дайте шесть фишек (фишка пять долларов). На пять минут. Сейчас отыграюсь и отдам.

— Со стола не дам. Плохая примета.

— Да ну, это байки для бабушек и дедушек.

— А я и есть дедушка, — достал из кармана двадцать долларов. — На, больше у меня нет.

— Сейчас отдам, не бойтесь, — и она ушла.

Давать из кармана тоже оказалось плохой приметой. И я все проиграл. Пошел в кассу, взял кредит. Поставил. Проиграл. Взял в кредит еще сто. Опять поставил, опять проиграл. Осталось две фишки.

— У меня стрит, а у этой дуры — флэш, — опять Валя. — Дайте еще пять. Чувствую. Я ее порву!

— Нету. Всего две фишки, — и поставил эти фишки на 13.

— А вы из кармана.

— И в кармане нет. Дилер запустил колесо.

— Сколько проиграл, Георгий? — к нам подошел Садулыч.

— Пока не знаю. Шарик выпал на 8.

— Вот теперь знаю. Когда пришел, было сто, и триста взял в кредит.

— Ну и пятьдесят для хорошего настроения, — сказал Садулыч. — Кредит Данелии — четыреста пятьдесят, а мне виски с содовой!

— Режиссер, и для меня возьмите сто (тогда это были немалые деньги). Завтра отдам, — тихо попросила Валя.

— Больше не даст.

— Ну, хотя бы пятьдесят.

— В этих твои пятьдесят.

Садулычу принесли виски. Мне бумагу на подпись. Дилер выдал три фишки по сто и одну на пятьдесят.

— Ставим на черное, — сказал Садулыч и положил фишки на черное.

Выпало красное.

— Я так и знала, — сказала Валя.

— Данелии кредит на девятьсот, — распорядился Садулыч.

Дали девять фишек по сто и снова принесли бумагу на подпись. Садулыч опять поставил на черное.

— Надо — на красное, я чувствую! — переживала Валя.

Выпало красное.

— Я же говорила!

— Что-то не идет, — вздохнул Садулыч. — Данелия — кредит на тысячу восемьсот.

Расписался. Играем. За час ни разу не выпало черное. Мой долг вырос до восьми тысяч двести. Я начал нервничать. А Садулыч невозмутимо попивал виски с содовой. Крутанули.

— Блин, опять красное! — не выдержала Валя. — Ты что, специально?! — спросила она дилера.

— Фортуна — дама непредсказуемая, — сказал Садулыч и опять поставил на черное. И опять выпало красное.

— Мужчина, поставьте хоть раз на красное! — не выдержала Валя. — Что вы такой упертый?!

— На красное? Здесь одиннадцать тысяч пятьсот. Отвечаешь? Валя молчит.

— Что молчишь?

— Нет, конечно.

— Тогда помалкивай, — сказал Садулыч и снова поставил на черное, снова отхлебнул виски (он потягивал виски, и ему доливали).

А когда мой долг дошел до сорока пяти тысяч, Садулыч и вовсе заснул.

— Вырубился, — сказала Валя. — А давайте, пока он отдыхает, сами сыграем. Молодой человек, — обратилась она к дилеру, — Данилову — кредит на сорок пять и расписку пусть несут.

— Извините, барышня, — дилер развел руками, — без приказа не могу, — и он показал на спящего Садулыча.

— Надо будить, — сказала Валя. Я тихо позвал:

— Садулыч.

— Стоп, стоп, режиссер. Не надо, — передумала Валя, — а то вдруг обозлится и пошлет нас. Скажет, сами играйте!

Сидим, ждем. Думаю: «А что, если он не вспомнит?»

— А если он не вспомнит? — сказала Валя.

— Все может быть.

— А вы сами-то крутой?

— Да не очень.

— А они знают, где вы живете?

— Найдут.

— А может, вам вообще из Москвы мотануть? Или у вас квартира?

— Квартира.

— Большая?

— Большая.

— Тогда не так страшно, можно с доплатой на меньшую поменять. У меня риелтор знакомый есть, Вася Прохонкин, он

тоже из Воронежа. Я вас познакомлю, — успокоила меня Валя.

— Большое спасибо, Валентина.

Четыре часа утра. Раздвинули шторы. За окном светало. Народ почти весь разошелся.

— Николай Садулыч, — к Садулычу подошел менеджер и потрепал по плечу, — закрываемся.

Проснулся Садулыч. Потянулся.

— Извините. Прошлую ночь совсем не спал. Георгий, сколько мы должны? Сорок пять? Дайте на сорок пять.

Я написал расписку. Стало девяносто тысяч. Садулыч поставил 45 на черное и выиграл.

— А ты говорила, красное, — сказал он Вале. Садулыч порвал мои расписки и бросил их в урну.

— А ты волновался. Это же пластмасса.

И в кассе мне выплатили мои сто и пятьдесят для хорошего настроения.

— Вот твои пятьдесят, — сказал я Вале.

— Не надо, закрыто уже все.

— Бери, для хорошего настроения.

— Ну, ладно.

Вышли. Подошли к моей машине.

— Вы в какую сторону?

— В центр.

— До такси подбросите?

— А ты где живешь?

— В Сокольниках.

— Я тебя подкину. Садись.

— Спасибо. Сели. Поехали.

— Режиссер, за идею сто. В следующий раз, когда маэстро спросит, скажите, что две тысячи проиграли. Он вам отыграет. Хорошие бабки можно сделать.

— Не пройдет. У них строгий учет — кто сколько выиграл, сколько проиграл.

— А… не продумала.

На Пушкинской площади проезжали мимо казино «Шангрила».

— О, а тут еще открыто, — обрадовалась Валя. — Пошли, порвем их, режиссер!

— Я пас.

— Тогда я сама пойду! Остановите. Я притормозил у тротуара.

— Режиссер, дайте мне сто до завтра. Завтра на работу принесу. Мне повезет! Я чувствую.

— На, держи. — Я протянул ей сто долларов. Валя вышла.

— Бай-бай, — и она пошла.

Завтра, как я и думал, мне никто ничего на студию не принес. А в декабре, когда я монтировал фильм «Фортуна», Эдик Вайсберг принес мне конверт.

— Георгий Николаевич, Арину Михайловну помните? Она нам натурщиц для компромата приводила.

— Помню.

— Вот. Просила вам передать, — он протянул мне конверт.

В конверте было сто двадцать долларов. И записка: «Возвращаю сто двадцать. А пятьдесят вы мне подарили, для настроения. Света и радости вам, Георгий Николаевич! В.»

Вале, наверное, наконец-то повезло.

Спасибо, Валентина! Дай бог, чтобы у тебя жизнь устроилась.

МУЗЫКА

На этом фильме было впервые два композитора — Гия Канчели и Игорь Назарук. Игорь — композитор и пианист-виртуоз, импровизатор. С ним я работаю уже сорок лет. Он на каждом фильме предлагал что-то интересное, и многое мы использовали. Это он на фильме «Кин-дза-дза!» придумал и исполнил звук «бритвой по стеклу».

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

«Фортуну» показывали на фестивале «Кинотавр» в Сочи. Смотрели хорошо. Смеялись, аплодировали, а когда фильм кончился, поздравляли, жали руку, говорили приятные слова. И я был горд таким успехом.

На следующий год там же показывал свой фильм мой молодой коллега. Смотрели еще лучше, чем фильм «Фортуна». Больше смеялись и громче аплодировали. А после просмотра коллегу бурно поздравляли. Обнимали, целовали. Затискали в объятиях. И он был горд своим успехом. А когда зрители после просмотра потянулись из кинотеатра в гостиницу, они начали делиться впечатлениями:

— Как ему не стыдно такую лабуду снимать? — сказал один.

— Да, большей дряни я не видела! — сказала другая. И все вокруг были согласны с такой оценкой. А я подумал: «Что есть истина?»

ДРУЗЬЯ

Если бы кто-нибудь предложил мне:

— Если хочешь, можешь заново родиться и выбрать место рождения. Например, Сан-Франциско, Париж, Амстердам, Монако, выбирай любое, хоть острова Фиджи!

Я бы ответил:

— Хочу родиться в СССР, в Тбилиси, в 30-м году.

— Почему? Ведь за время твоей жизни в вашей стране столько было тягот и напастей! Бедность, концлагеря, расстрелы, война, голод, разруха…

— Ладно, ладно, хватит, сам знаю… Хочу родиться только там и тогда, где родился. Если я появлюсь на свет где-то в Голландии или Франции, я не встречу по дороге жизни своих близких и друзей. Будут попадаться другие. Может, даже хорошие. А на хрена мне хорошие голландцы или хорошие французы?!Мне нужны мои, какие они есть! И те, кто живы, и те, кто в памяти.

В 99 году моему сыну Кольке, главному в моей памяти, исполнилось бы 40 лет, и моя жена Галя устроила выставку и назвала ее «3 Д» (Данелия Николай, Данелия Кирилл, Данелия Георгий).

На открытие выставки собрались друзья Коли, Кирилла и мои. Из Тбилиси прилетели мои грузины. Из Германии прилетели Норберт Кухинке и Саша Потемкин, из Узбекистана — Шухрат Аббасов. Из Испании — Никита Михалков, был на открытии выставки и в тот же вечер улетел обратно (в Испании он снимал фильм). Пришли и московские друзья. Ровно в 19 часов появился Евгений Примаков.

— А как же японец? — удивился я.

— Перенесли на завтра, — сказал Женя.

Между прочим. Утром я звонил его помощнику и просил передать, что открытие выставки не в 18.30, а в 19 часов (Примаков человек пунктуальный). Помощник сказал, что все сообщит, но Евгений Максимович вряд ли сможет прийти. У него в это время встреча с премьер-министром Японии (в то время Примаков был премьер-министром России).

А в 2004-м, когда моему сыну Кольке исполнилось бы 45 лет, мы с моими внучками Маргаритой и Аленой (старшей и младшей дочками Коли) и моей ученицей Еленой Машковой издали книгу его стихов и рисунков. А чтобы на презентации этой книги я был бодр и энергичен, мой друг хирург Дато Иоселиани поставил мне два стента и кардиорегулятор.

И снова собрались мои друзья, тбилисские и московские.

О том, что Коля пишет стихи, я не знал. Он мне не говорил об этом. Сейчас понимаю почему Что бы он ни делал: рисовал, писал сценарии, снимал кино, — я его все время критиковал, наставлял, воспитывал, учил. Он не хотел, чтобы то же самое было со стихами…

себе поставив

сверхзадачу,

я жизнь на выживанье

трачу.

и так надеюсь на удачу!

что и молиться не хочу.

о, жизнь!

Тебе собой плачу!

и видишь ты,

с какой отдачей

я пропиваю твою сдачу

и по мирам

тебя

влачу!

ЮРА

Последнее время я редко выхожу из дома и мало с кем общаюсь. Исключение мои друзья — Рост, Афоня и Шкет. С Афоней и Шкетом мы живем в одной квартире в моем кабинете. А Рост живет над нами и навещает меня. Мы с ним сидим в креслах, смотрим телевизор. Коты телевизор не смотрят. Мой друг Шкет спит на своем любимом стуле, на пледе. А мой друг Афоня — на диване.

В отличие от меня Рост сегодня уже обежал вокруг пруда, написал статью, чинил кровлю мастерской, встретил на вокзале знакомого своего знакомого, правил гранки в редакции, покупал подарок внуку, был в больнице у родственника из Киева, на выставке своих фотографий, на дне рождения вдовы друга и на поминках известного философа. Его мечта — спокойно сидеть в кресле и смотреть телевизор. Он устал. А я с утра до трех часов дня писал книгу, а потом изнывал от безделья (читать мне уже трудно, быстро устаю). Мне охота поговорить, пофилософствовать. Бывает, мы смотрим футбол или теннис, я говорю, говорю, Юра слушает, слушает.

— Все имеет свой возраст. Вселенная. Звезды. Земля. Человечество, — рассуждаю я. — Все когда-то родилось и когда-то исчезнет. И человечество тоже. А я не могу понять, в каком оно теперь возрасте? Толи в подростковой глупости, то ли в старческом маразме… Юра, ты как считаешь?

Молчание.

— Ты как считаешь? — говорю я громче.

— Да, Маша Шарапова хорошо играет, мощные удары, — громко говорит Юра. — Молодец.

— А по поводу того, что я сказал?

— А что ты сказал? Гия, я тебя предупреждал, говори чуть громче, а то я не все слышу. (Часто я забываю, что наступила пора, когда с друзьями надо говорить чуть-чуть громче.)

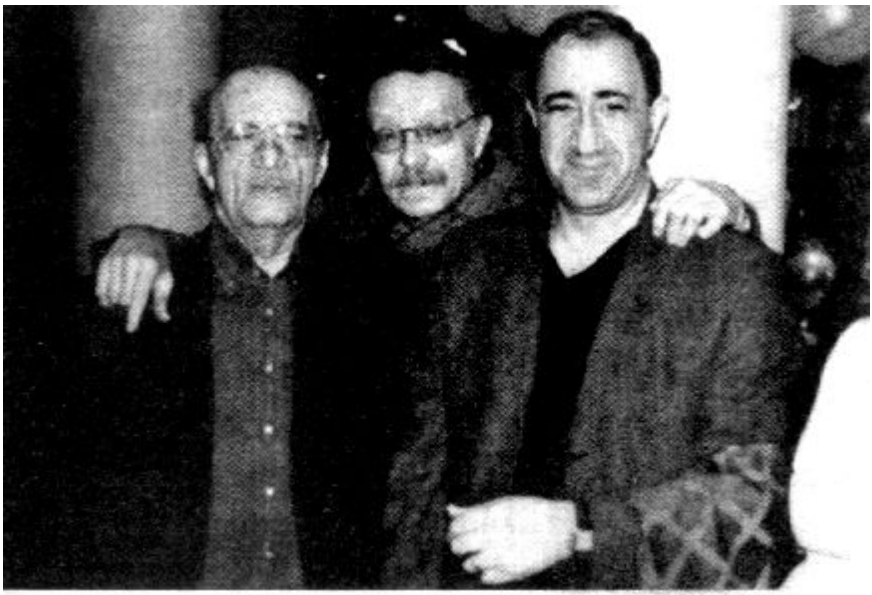
Коля

Между прочим. У нас с Юрой мировоззрение и мироощущение совпадают, но есть кое-что, в чем стопроцентного согласия нет. К примеру: надо ли всем знать правду до конца, или можно кое-что утаить? Юра считает — надо. Я считаю — можно утаить.

> *«Истина никогда, по существу, не приносит добра человеку — это идеал, к которому стремятся математики и философы. В человеческих отношениях — доброта и ложь дороже тысячи истин».*
>
> *Трем Грин.*

А бывает, Рост не приходит — неделю, месяц, а то и два. Про таких, как Юра Рост, мама говорила: «У него перец в попе». Сидеть долго дома Рост не может. Он побывал везде. И из каждой своей поездки что-то мне привозил. Из Кабо-Верде он привез мне бамбуковую дудку. Он приобрел ее, когда на траверсе островов Зеленого мыса с корабля «Академик Келдыш» спускался в батискафе «Мир» на дно Атлантического океана. Тогда Росту было 52 года. Из Тибета он привез мне серебряный колокольчик,

приобрел его по дороге, когда поднимался с альпинистами на вершину Эвереста. Рост их фотографировал (фотограф Юра от Бога). Тогда Росту было 67 лет. А когда ему стукнуло 74, он из Лондона на мотоцикле с двумя мотогонщиками пересек Европу, Турцию и Грузию и привез мне бутылку ткемали и банку аджики. Аджика была зеленая, с орехами, вкусная.



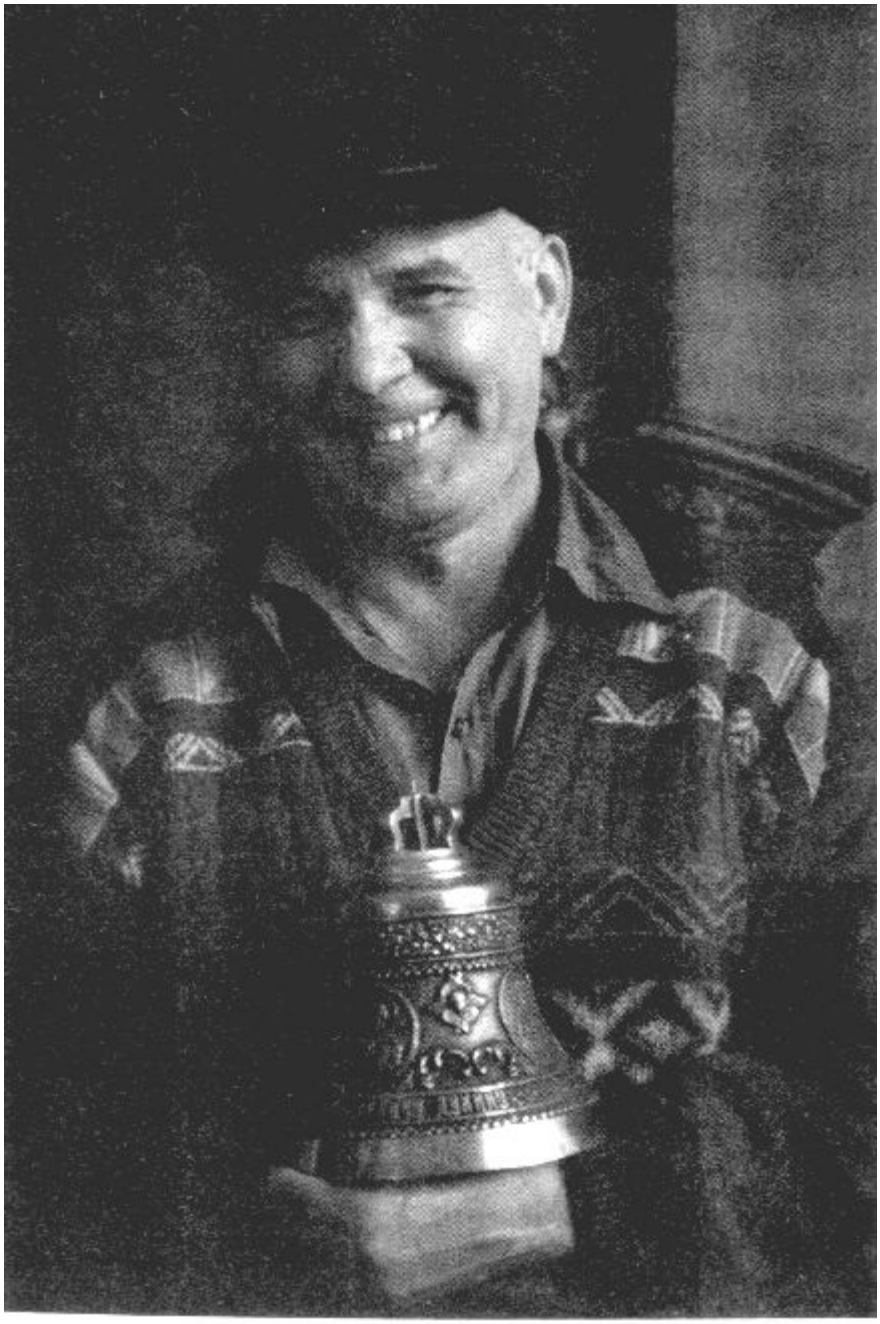
Данелия, Рост и Дато Иоселиани

ДУХИН САД

Неподалеку от нас, во дворе стоит чистенький одноэтажный, увитый диким виноградом дом. В этом доме мастерская Роста.

Лет тридцать назад я вышел гулять во двор с моим псом Булькой. Кто-то сломал кирпичный забор, разделяющий наш двор и соседний. Булька через пролом убежал туда. Я за ним. В захламленном, грязном дворе стоял покинутый, полуразрушенный одноэтажный дом. Булька подбежал к стене дома и поднял лапу. А я подумал: «Вот хорошая мастерская для Роста». Рост находку Бульки одобрил. Со своим другом Ваней Духиным они восстановили этот дом. Потом вскрыли асфальт, выкопали котлован четыре на восемь, купили землю, засыпали траншею и посадили виноград, японские яблони, можжевельник, барбарис, подсолнухи, цветы, а чуть поодаль соорудили фонтан. Мастерскую Рост назвал «Конюшня Роста» (раньше там были конюшни Боткина), а двор с фонтаном — «Духин сад».

Зима. Пошел на кухню пить чай. Смотрю в окно. Метрах в сорока от моего дома театр «Современник». Из окна кухни видно, как двое в ватниках чистят крышу театра. Увидев меня, один поднимает руку и машет. Это Иван Андреевич Духин. Друг Юры Роста и мой. Он жестянщик, кровельщик и мастер на все руки. А еще он один из лучших специалистов по истории русских колоколов (выпустил несколько солидных монографий).



Иван Андреевич Духин

С внучкой Аленой в Духином саду

В конюшне Роста

Кинорежиссеры в конюшне Роста —
Петр Тодоровский, Марлен Хуциев и Георгий Данелия

У Ивана был ключ от мастерской Роста. Когда Юра разъезжал по своим журналистским делам, Иван заходил покормить кошку Дусю. Был такой случай. Юра вернулся домой, видит, Иван Андреевич Духин и Михаил Сергеевич Горбачев сидят, беседуют.

— Вы как Ленин и печник, — сказал Юра.

— Только неизвестно, кто из нас Ленин, а кто печник, — сказал Горбачев.

Не буду подробно писать об Иване Духине, об этом светлом, добром и чистом человеке хорошо написал и снял фильм Юра Рост.

НЕ ТВОЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО!

Когда Рост навещает меня, извожу его не только я, но и мой друг кот Афоня. Бывает, мы сидим в креслах, смотрим телевизор. Афоня просыпается, открывает глаза и смотрит на Роста. Потом спрыгивает с дивана, в своем возрасте он делает это осторожно (ему 20 лет), подходит к Росту и смотрит ему в глаза. Рост делает вид, что не замечает. Тогда Афоня говорит:

— Мяу.

Рост покорно встает и пересаживается в кресло у письменного стола. Отказать Афоне он не может: Афоня у нас самый старший, самый главный и самый умный. Мой друг кот Шкет (ему четырнадцать) так не считает, но терпит (до поры до времени). А Афоня забирается на вольтеровское кресло, в котором сидел Рост, и устраивается там. Он лежит в кресле столько, сколько надо, потом спрыгивает, потягивается, подходит к Росту и опять сверлит его глазами. С кресла смотреть телевизор удобней, и Рост охотно пересаживается на прежнее место. Афоня забирается на кресло у письменного стола, принимает величественную позу сфинкса, размышляет о чем-то. И всем понятно, что кот не простой, род его древний и знатный.

Но это еще не все. Часто Юра, когда приходит, бросает свою куртку на банкетку, а рюкзак ставит на пол в прихожей. Сам заходит и устало опускается в вольтеровское кресло. Афоня вздыхает, осторожно спрыгивает с дивана, неторопливо идет в прихожую и начинает громко ругаться:

— Мяу, мяу!

Юра покорно встает, идет в прихожую. Куртку, вешает на вешалку, а рюкзак ставит на банкетку. Афоня успокаивается. Оба возвращаются. Юра в кресло, а Афоня на диван спать.

Когда Роста нет, Афоня подходит ко мне и сверлит глазами меня. Я встаю, в своем возрасте я делаю это, как и Афоня, весьма не спеша (мне 84), сажусь в кресло у письменного стола и жду, когда он попросит меня и отсюда. Но гоняет меня Афоня не так часто, как ему хочется, потому что, когда он увлекается, мой друг кот Шкет кусает его за попу.

Больше всех Афоня любит и уважает Марину (нашу помощницу по дому). Он ходит за ней и следит, чтобы она все делала правильно. А если что-то не так, он начинает мяукать. Афоня кот строгий, но справедливый. Марина его понимает с полуслова, а иногда читает по глазам. Она всегда точно знает, что хочет Афоня на обед: сухой «вискас» или «гурме» из баночки, мясо кусочками или провернутое, мясо сырое или слегка

прожаренное.

Проснется Афоня, слезет с дивана, встанет посреди комнаты и начинает мяукать. Приходит Марина.

— Такси?

— Мяу.

— Сам иди.

— Мяу.

Марина берет Афоню на руки и несет на кухню. Бывает, что Афоня лежит на диване и зовет:

— Мяу, мяу. Приходит Марина:

— Кофе в постель?

— Мяу.

И Марина несет ему «Вискас» и приговаривает:

— Кушай, мой любимый, кушай, мое счастье…

С Афоней у них договор, что в следующей жизни они будут «ходить рука об руку, или лапка о лапку», — цитата из Марины.

Афоню Марина называет — Георгий Николаевич. Думаю, потому что я извожу нашу добрейшую Марину не меньше, чем Афоня. А кота Шкета Марина называет просто «Шкетик». Шкета Марина тоже обожает, но соблюдает субординацию — знает, что Шкет — кот мой! И только мой! Шкет кот демократичный и простой. На кухню ходит сам, пешком. Ест что дадут и где дадут. На кухне — так на кухне. На диване — так на диване.

Раньше, когда я приходил домой, первым меня всегда обязательно встречал Шкет. А когда я дома, а теперь я дома почти всегда, Шкет все время рядом. Сижу в кресле, он лежит на подлокотнике. Работаю на компьютере, он сидит на письменном столе. Иду в ванную, и он идет в ванную, на кухню — и он на кухню. Когда сплю, Шкет спит в ногах.

У нас в доме два телевизора. Мы с Афоней и Шкетом смотрим свой в нашем кабинете. А Галя и ее собачка Липочка — красавица и капризуля, смотрят телевизор в столовой.

Между прочим. Зон Мирекл Олимпия (для своих собачка Липочка) — лучшая подруга Гали. Они неразлучны, вместе ходят на работу, на выставки, на презентации, вместе спят, вместе завтракают, обедают и ужинают.

Если я иду к Гале поговорить, Шкет идет со мной, но в комнату не заходит, стоит в дверях и смотрит на Липочку. Липочка поднимает одно ушко с вопросом: «Кот, а ты здесь зачем?» Шкет зевает и отворачивается: «Не твое собачье дело!» Когда у нас с Галей беседа затягивается, Шкет начинает тихонечко мяукать: «Хватит общаться, пошли домой…» И мы

уходим. Шкет чуть-чуть впереди, а я за ним. Зон Мирекл Олимпию Шкет признает членом нашей семьи, но предпочитает держаться от нее подальше.

А своего друга кота Афоню Шкет любит и уважает. Он знает, что Афоня спас ему жизнь. Было это так. Утром рано Афоня пришел к Гале в комнату, начал громко мяукать и повел ее на кухню. (Меня в то время в Москве не было, я на Волге снимал фильм «Фортуна».) Окно на кухне было открыто. Афоня запрыгнул на подоконник и снова начал мяукать. Галя подумала — вдруг Афоня сообщает, что Шкет выпал в окно. Выглянула. Шкета нет. А Афоня продолжает громко мяукать. Галя стала искать Шкета в квартире — нет нигде! Побежала на улицу. К двери парадного прикреплена записка: «Товарищи, у кого выпала из окна кошка, она лежит во дворе, на скамейке». Шкет был без сознания. Галя повезла его в ветеринарную клинику. Ему сделали укол и наложили гипс — лапка у него была сломана. Три месяца Шкет ходил на трех лапах.

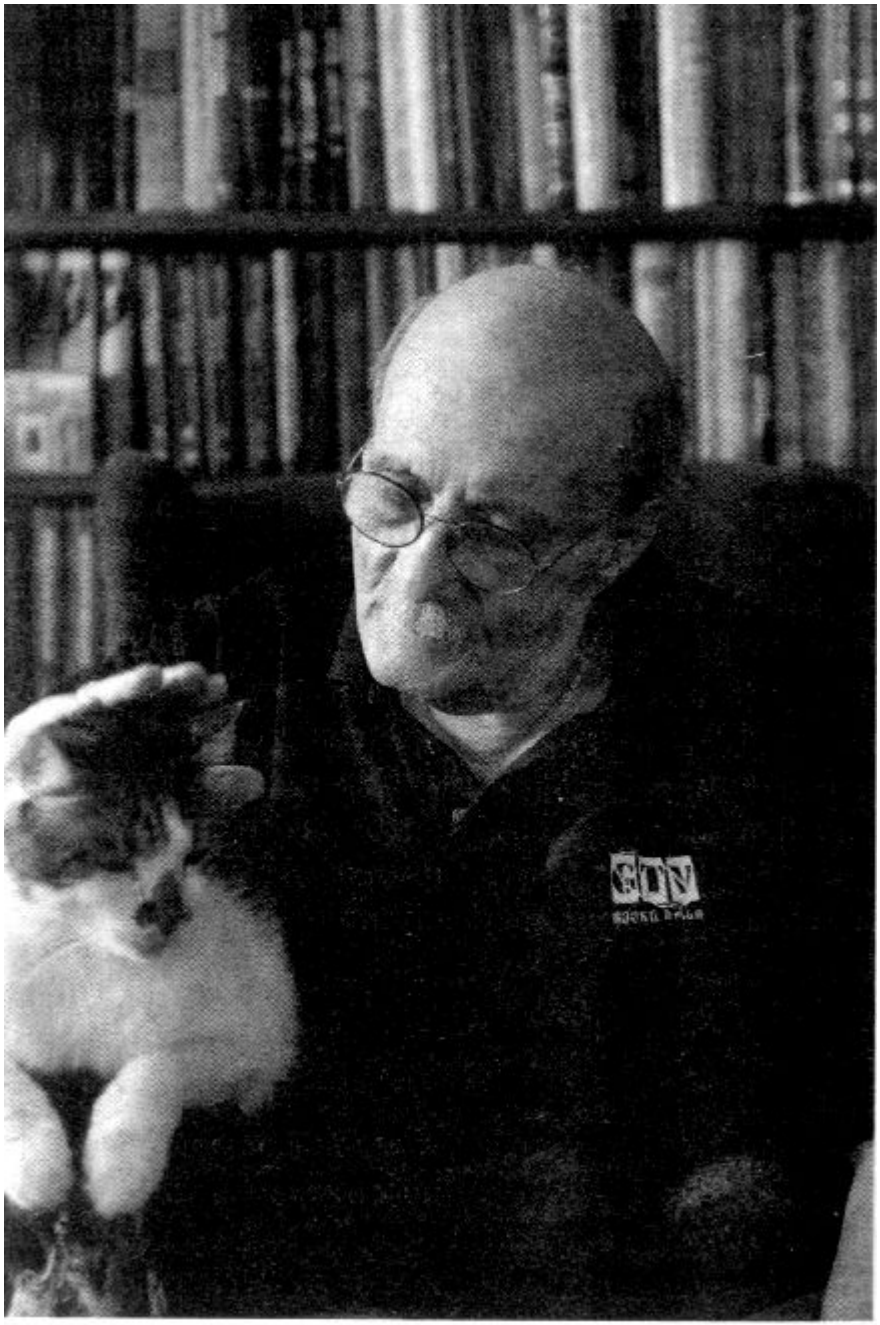
Да, Шкет Афоню любит и уважает, но не всегда может справиться с собой. Когда Афоня запрыгивает ко мне на колени, и я начинаю его гладить, Шкет тут же спрыгивает со своего стула и, задрав вертикально хвост, виляя попой, уходит на кухню. А если, не дай Бог, увидит, что я погладил собачку Липочку, забирается под диван и сидит там до позднего вечера.

А был и такой случай. У Афони заболело ухо. Пришел Михаил Михайлович, наш доктор Айболит. Пациенту надо было сделать укол. Афоню держали Галя и Марина. И Липочка стояла тут же, наблюдала. А Шкет с обиженной мордой ходил вокруг, терпел, молчал. А когда и я подошел посмотреть, Шкет не выдержал, что этому старому коту уделяют столько внимания, пролез между ног и укусил Афоню за попу. Афоня возмущенно заорал:

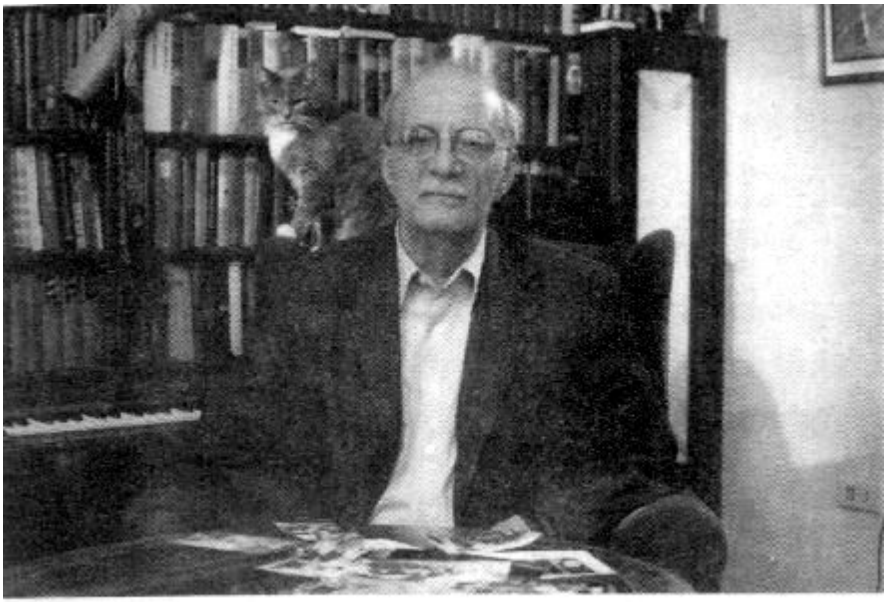
— Мяу!

— Ревность, — сказал Михаил Михайлович. — Давайте котика успокоим.

И Михаил Михайлович Шкету тоже сделал укол. И мы все держали его. И Липочка наблюдала. А Афоня ходил вокруг, молчал. Шкет был очень доволен. Потом целый день прыгал с кресла на стол, со стола на диван, с дивана на дверь, с двери на шкаф. Шкет у нас кот спортивный, гимнаст.

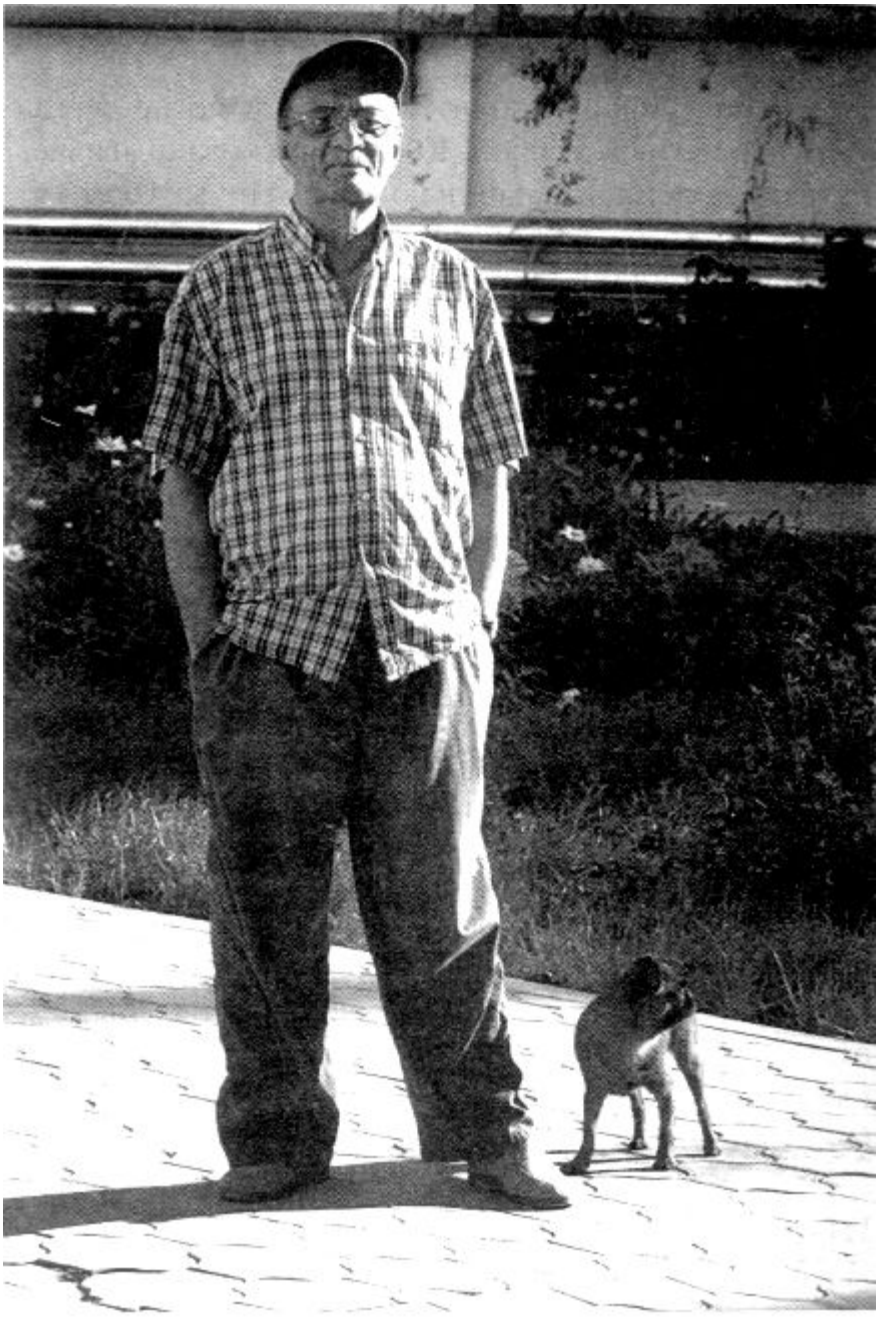


Мы с Афоней



Мы со Шкстом

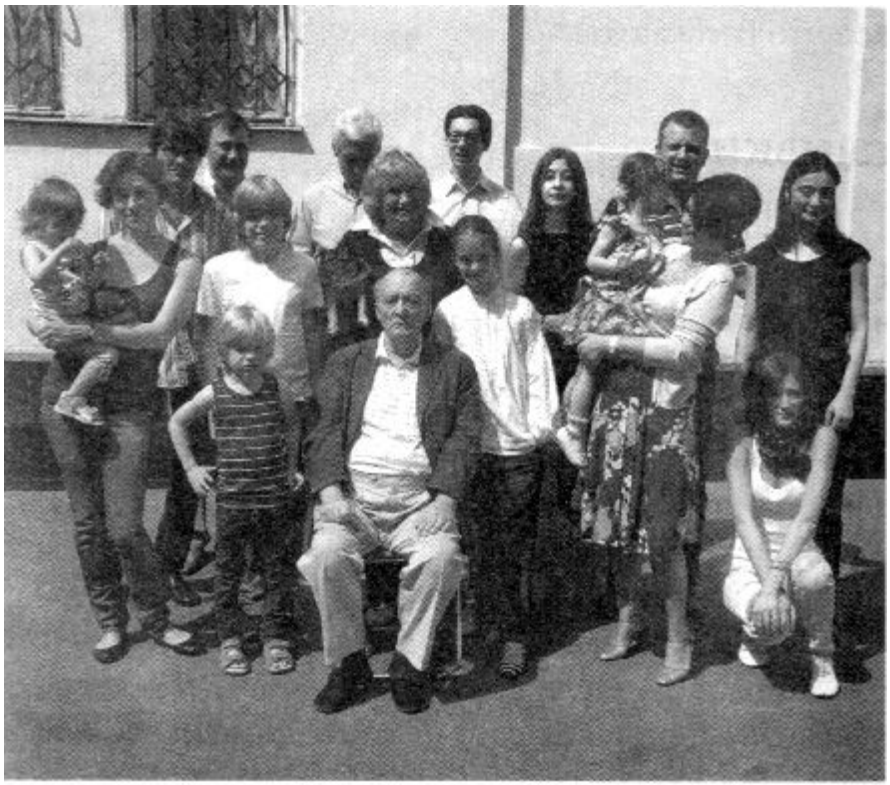
Галя со Шкетом и Липочкой



Мы с Липочкой в Сочи, на фестивале «Кинотавр»

ЭПИЗОДЫ, КОТОРЫЕ НЕ ВОШЛИ В ТЕ КНИГИ

Когда я писал книги «Безбилетный пассажир», «Тостуемый пьет до дна», немало эпизодов в них не вошли. Некоторые, потому что казались мне неинтересными, некоторые, потому что я сомневался в их достоверности, некоторые, потому что они про выпивку Про выпивку в тех книгах и без них было достаточно написано, а в этой книге пока про выпивку ничего. Я думаю, можно вернуться во времени и кое-что рассказать.



2010 год. Семья. Жена, дети, внуки, правнуки.
На фото не все. Нет Никиты Андреевича Донцова
и Якова Леонидовича Седова –
эти мои правнуки тогда еще не родились

СЛИВКИ

В 1963 году приехали мы с Вадимом Юсовым в Ригу, поселились в гостинице «Интурист», показали в рижском Доме кинофильм «Я шагаю по Москве». Утром пошли в ресторан завтракать. Несмотря на то что вечером, как бы это сформулировать, засиделись у друзей, Вадим Иванович был как всегда идеально свеж, выглажен, при галстуке и выглядел как американский миллионер из голливудских фильмов тридцатых годов. В ресторане белоснежные скатерти, сверкающая посуда, и у нас полное впечатление, что мы за рубежом. Официант в униформе, с бабочкой, в красной жилетке подошел сразу. Вадим спросил:

— У вас творог есть?

— Да. (У официанта получалось — «та».)

— Можно со сметаной?

— Та.

— А взбитые сливки?

— Та.

— А клубника?

— Та.

— Можете сделать сливки с клубникой?

— Та.

— А пирожные есть?

— Та.

— Какие?

— «Эклер», «Наполеон», «Бизе».

— Давайте «Наполеон». Ну и какао. У меня все.

— Мне — порцию селедки, черный хлеб и сто граммов водки, — сказал я.

— Все?

— Все.

Официант записал в блокнот и пошел. Вадим окликнул его:

— Молодой человек, секундочку! Официант оглянулся.

— Водки не сто, а двести, — сказал Вадим. Официант записал в блокнот и пошел.

— Секундочку, — остановил я его, — не двести, а триста. Запиши.

— Я запомнил, — сказал официант. — Это все? Подумайте.

— Все, — твердо сказал Вадим.

А дальше Вадим Иванович закусывал водку сливками с клубникой и творогом со сметаной.

БРАТУШКИ

В 74 году мы с Вадимом Юсовым в составе делегации, с фильмом «Совсем пропащий» полетели в Белград на кинофестиваль «Фест». В самолете выяснилось, что у главы нашей делегации Владимира Евтихиановича Баскакова (зам. министра кинематографии) сегодня день рождения. И хотя сам именинник был непьющим, мы посчитали, что грех не открыть «Столичную» и не выпить за его здоровье. Что мы и сделали. Прилетели. Оформились в гостиницу, получили ключи. Мы с Вадимом оказались на одном этаже.

Когда поднялись в лифте на второй этаж, я протянул лифтеру доллар.

— Спасибо, не надо, сербы — русские братья, — сказал лифтер.

Вышли из лифта.

— Ну что, отдыхаем или?..

— Отдыхаем, — принял решение Вадим.

Мы попрощались и разошлись по своим номерам. Через пять минут стук в дверь — коридорный с тележкой. На тележке два чемодана.

— Который ваш?

— Коричневый, синий моего друга, он в 14-м номере.

— Я знаю, — он внес мой чемодан в номер, поставил посреди комнаты. — Приятно отдохнуть.

Я хотел дать ему на чай, но он не взял.

— Сербы и русские — братья. Меня зовут Федор.

— А меня Георгий.

— Если что надо — зовите, я через сутки работаю, — он вышел и закрыл за собой дверь.

Я начал распаковывать чемодан.

— Эх, не сообразил, надо было предложить ему выпить за знакомство, — подумал я.

Разложил вещи. Две бутылки «Столичной» и три баночки икры спрятал в холодильник. Принял душ. Вытираюсь. Стук в дверь. Открыл, передо мной Федор.

— Георгий, что ты трубку не поднимаешь?

— Я душ принимал. А что?

— Тебя Вадим зовет.

— Сейчас оденусь и приду.

— Пойдем так, здесь можно в халате.

Засунул ноги в тапочки, и мы с Федором пошли в 14-й номер.

В номере Вадима на столе стояла початая бутылка водки и

банка маслин из мини-бара. За столом сидели сам Вадим и лифтер.

— Знакомься, — сказал Вадим, — это Горан, это Федор. Они партизанили во время войны.

И мы выпили за победу, за дружбу, за Югославию, за Россию, за Грузию, за Броз Тито. Допили третью бутылку, Вадим подарил гостям по баночке черной икры, и мы разошлись.

В три часа ночи телефонный звонок.

— Георгий, это я, Федор. Приходи в 14-й номер, все уже здесь.

— Поздно уже.

— Как брата прошу.

Оказалось, что Федор, чтобы не оставаться в долгу, съездил в свою деревню под Белградом и привез ракию (виноградный самогон) в плетеной бутылке, копченый окорок и деревенский хлеб. На сей раз в комнате Вадима, кроме коридорного Федора и лифтера Горана, за столом оказались швейцар, посыльный, сменный портье и вышибала из ресторана.

Ракия была вкусная, закуска аппетитная, тосты поэтические, компания дружная. А когда мы запели «…выходила на берег Катюша», в дверь кто-то постучал.

— Войдите, — крикнул Вадим.

В номер вошел высокий, полный господин.

— Вот вы где, — произнес он.

Наши гости разом вскочили, и Федор воскликнул:

— Вадим, Георгий, знакомьтесь, это Андриан, наш главный администратор.

— Очень приятно, — сказал Вадим, — прошу к столу! Мы тут с вашим коллективом пьем за дружбу между нашими странами. Поем общие песни…

— Это вся гостиница слышит. А у меня: дверь открыть некому, чемодан поднести некому, лифт вызвать некому, хулигана усмирить некому. Отель мертв!

Завтрак мы с Вадимом проспали, а за обедом Баскаков сказал, что дирекция фестиваля убедительно просит наше хлебосольное внимание перенести с работников отеля на гостей фестиваля.

Ошибку свою мы осознали и больше наших новых друзей от работы не отвлекали. А они оказывали нам особое внимание: первым подавали машину, первых обслуживали в ресторане, а когда после фестивального просмотра у лифта создавалась очередь, Горан открывал для нас грузовой лифт.

Я, Харри Андерссон, Анастасия Вертинская
и Роман Кармен. Москва, 1967 год

ОЧИ ЧЕРНЫЕ

На следующий день после показа фильма «Совсем пропащий» Вадим улетел в Москву, на съемки. Вадима я проводил в аэропорт. Когда вернулся, на фестивальный просмотр опоздал. Пошел в бар. Там за столиком давала интервью Харри Андерссон. Вокруг были журналисты с камерами и микрофонами. Шведская актриса Харри Андерссон была звездой номер один на этом «Фесте». Я подошел к стойке. Там пил виски с содовой высокий блондин в блейзере. Я тоже заказал виски с содовой.

— Не пошли на фильм? — спросил блондин. — Я видел, ничего не потеряли, венгры сняли про англичан. Меня зовут Йорн Дорн, сценарист.

— Георгий Данелия, режиссер.

Выпили. Посидели. Я заказал еще виски, себе и Йорну (на сей раз деньги у меня были). Потом Йорн тоже заказал виски, себе и мне. Потом я — себе и ему…

Пресс-конференция закончилась, журналисты ушли, бар опустел. Харри Андерссон подошла к нам.

Я встал:

— Здравствуйте, Харри.

— Добрый вечер, — ответила Харри. И я понял, что она меня не узнала.

— Это Джордж, из Москвы, — сказал Йорн. Оказалось, что он муж Харри Андерссон.

— Я была в Москве, — сказала Харри.

— Я знаю.

— Как поживает Роман Кармен?

— Хорошо.

— Очень приятный человек.

— Да, легендарный. Он снимал войну в Испании. Я не стал говорить, что у меня дома фотография, на которой Харри Андерссон, Роман Кармен, Настя Вертинская и я запечатлены в вестибюле Дома кино. Нас сфотографировали, когда Харри была в Москве с фильмом «Лето с Моникой» (фильм И. Бергмана, где Харри играла главную роль).

Харри заказала себе мартини, а нам с Йорном еще по виски. Выпили.

Пора было идти ужинать.

— Посчитайте мне за всех, — сказал я бармену.

— Не надо. Мы заплатим, — сказал Йорн.

— Я прошу!

— О'кей, тогда за ужин платим мы, — сказала Харри. Я

согласился (ужин для гостей фестиваля был бесплатным и вино к ужину тоже). Мы сидели в центре зала, втроем за столиком, специально зарезервированным для главной звезды, пили красное вино. Народу было немного. Фестивальный просмотр еще не закончился.

— Вы на этом фестивале с фильмом? — спросили Харри.

— Да, вчера показывали.

— Русский фильм по Марку Твену? — спросил Йорн.

— Да.

— Мы не смогли пойти, были заняты, — сказала Харри.

— А почему вы обратились к американскому писателю? — спросил Йорн. — В России много своих великих классиков: А. Чехов, Л. Толстой, Ф. Достоевский.

— С детства люблю Марка Твена.

Первая книга, которую прочитала мне вслух мама, была «Приключения Тома Сойера».

— И все-таки я считаю, что лучше, когда про Америку снимают американцы, а про Россию — русские, — сказал Йорн.

— По вашей логике получается, что я должен снимать фильмы только по произведениям грузинских авторов, — сказал я.

— Вы грузин? — спросила Харри. — Да.

Харри сказала, что недавно видела один грузинский фильм, который ей очень понравился.

— Там гениальный актер играет старика.

— А как фамилия актера, не помните?

— Помню. Серго Закариадзе.

— А кто режиссер?

— Не знаю.

— Кажется, я знаю…

Я уже понял, что речь идет о фильме «Не горюй!», который прошел с успехом в скандинавских странах (фильм купили 89 стран).

— И кто? — поинтересовалась Харри.

— Догадайтесь.

— Вы?

— Я, — сказал я скромно.

— Действительно?!

— Действительно.

И она вдруг опустилась передо мной на колени, сложила ладошки, склонила голову и сказала:

— Благодарю.

Большой зал ресторана. У столика в центре звезда фестиваля номер один — на коленях перед советским режиссером. Зал

замолк. Засверкали блицы фотокамер. Сенсация. Естественно, я ее поднял и сам рухнул перед ней на колени и воскликнул:

— Харри, что я могу для вас сделать? Приказывайте!

— Она любит русскую песню «Очи черные», — сказал Йорн Дорн.

— Спеть? — спросил я Харри.

— Да.

Я поднялся с колен, выпил бокал вина для храбрости и подошел к пожилому пианисту в белом смокинге, который тихо наигрывал на рояле. Перед роялем на стойке стоял микрофон, я снял его, постучал по нему. Микрофон работал.

Йорн встал и громко объявил:

— Внимание, внимание! Сейчас грузинский режиссер Джордж Данелия будет для нас петь!

— «Очи черные», ля минор, — сказал я пианисту. Пианист кивнул и заиграл. Я запел. (Сейчас, когда пишу, мне это стыдно вспоминать.) Когда закончил, все вяло поаплодировали. Я поблагодарил пианиста.

Пошел к столику, меня остановила знакомая журналистка Гордана Иванович и спросила:

— Георгий, тебя что, в Голливуд пригласили?

— Почему ты так решила?

— А зачем она на колени упала?

— Ей мой фильм понравился.

— Неправда! Ее вчера на просмотре не было. Она хочет у тебя сниматься.

— Никто меня никуда не приглашал. Ей понравился мой фильм «Не горюй!».

— А я не видела. Ладно, напишу твою версию. Читай завтра «Вестник», там и фото будет!

Когда вернулся, за нашим столиком сидел югославский режиссер Владко Милович.

— Вы прекрасно спели. Спасибо, — сказала Харри. — Вы знакомы?

— Да.

— Содруг Данелия, мы здесь спорим. Разве вы «Отец солдата» сняли? — спросил Владко по-русски.

— Нет. «Отец солдата» снял Резо Чхеидзе.

— А Харри почему-то убеждена, что это ваш фильм.

Как током стукнуло! Грузинский фильм с гениальным стариком в главной роли! Конечно же, это «Отец солдата»! Идиот! Кретин! Осел!

— Джордж, что он сказал? — спросила Харри. — Чем он тебя так огорчил?

— Харри, фильм, который вы смотрели, снимал не я, а другой режиссер, — сказал *я*. — *Я* перепутал, потому что и в моем фильме тоже играет Серго Закариадзе.

— Ничего страшного, я уверена, что и твой фильм хороший. Закариадзе — великий актер! — сказала Харри.

— Да, он там гениальный, — сказал Владко.

Дальше сидеть за столом мне было невмоготу. И под предлогом, что надо срочно позвонить в Москву, я попрощался и ушел. Подошел к Гордане Иванович и попросил ее не печатать заметку.

— Почему?

— Потом объясню, я тебя очень прошу.

— Ладно, напишу, что она просто в тебя влюбилась.

— Пиши что хочешь! Только не пиши, что ей понравился мой фильм. А лучше вообще ничего не пиши.

Когда я вошел в лифт, лифтер Горан спросил:

— Шестой?

— Шестой.

— Что так рано?

— Надоела эта суета сует. Поехали.

— Георгий, ты долго здесь? — спросил Горан.

— Еще три дня.

— Жалко. Через неделю у меня отпуск. Взял бы тебя в горы, к отцу, ловить форель. Тишина, воздух, орлы парят.

Лифт остановился на моем этаже.

— Спокойной ночи.

Пошел по коридору. Из своего номера вышел польский актер Даниэль Ольбрыльхский.

— Привет! Пошли со мной, — сказал он. — У меня лишнее приглашение на прием в американское посольство.

— Спасибо, Даниэль. Не то настроение…

— Пойдем, пойдем, выпьем по рюмочке. А то что я один?..

— А где Сюзанна?

— Отдыхает, у нас была встреча с соотечественниками.

Когда ехали в такси, Даниэль сказал, что прием устраивается в честь приезда американского режиссера Сэма Пекинпа.

— «Соломенные псы» видел?

— Видел.

Гостей встречали американский посол с супругой. Нас с Даниэлем представили.

— Я ваша поклонница, Даниэль, — сказала жена посла.

Даниэль Ольбрыхский в то время был самым известным на Западе актером из стран социалистического лагеря.

Вошли в зал. Народа было немного. В основном дипломаты и

местная знать в вечерних туалетах.

— Вон Сэм! Пойдем, познакомлю, — сказал Даниэль.

Сэм Пекинпа, высокий, типичный голливудский красавец с усами, стоял окруженный поклонниками перед камерой и давал интервью. Мы подошли.

— Все, — сказал Сэм журналистам, — привет, Даниэль, — они пожали друг другу руки.

— Сэм, познакомься, это Гия Данелия, очень хороший советский режиссер, — сказал Даниэль.

— Гия, а это Сэм Пекинпа.

— Очень хороший американский режиссер, — улыбнулся Сэм.

Мы пожали друг другу руки. Подошел официант с напитками. Взяли скотч.

— Джия, ты действительно хороший режиссер? — спросил меня Сэм.

— Действительно, — сказал Даниэль.

— У меня предложение. Давай вместе снимем фильм. Разрушим железный занавес.

— О чем? — спросил я.

— Ну, скажем, американец полюбил русскую девушку.

— Сэм, а может быть, лучше русский парень полюбил американскую девушку? — спросил Даниэль.

— А этого русского будет играть Даниэль Ольбрыхский? — спросил Сэм.

— У двух таких режиссеров не откажусь. Гия, ты согласен? — сказал Даниэль мне по-русски. — Премию мира получим!..

— Даниэль, я кино больше не снимаю. Я устал, — сказал я.

— И что ты будешь делать? — спросил Даниэль.

— Поеду в горы, буду ловить форель.

— Что он говорит? — спросил Сэм.

— Сейчас… Гия, как форель по-английски? — спросил Даниэль меня.

— Не знаю, скажи просто — рыба. Даниэль перевел.

К нам подошла еще одна съемочная группа. Включили приборы. Протянули Сэму микрофон:

— Пару слов для CNN.

— Все, хватит, сколько можно! — раздраженно сказал Сэм, — я больше не могу, я тоже устал!

Даниэль предложил поехать в гостиницу, к нему в номер, и там в спокойной обстановке выпить по рюмочке польской водки «Выборовой». Предложение было принято. Когда вышли из посольства на улицу, подъехало такси. И из него вышли высокая дама в вечернем туалете и полный мужчина в смокинге:

— Как, вы уже уходите? — воскликнула дама, увидев меня.

— Да.

— А кто здесь будет петь?

— Американский посол, — сказал Сэм.

Когда входили в номер Даниэля, из ванной выглянула его жена Сюзанна — она была в неглиже, — увидела нас и тут же спряталась.

— Извините, я думала, Даниэль один!

— Сюзанна, у нас Сэм Пекинпа и Гия Данелия.

— Очень приятно, — донеслось из ванной. Даниэль достал из шкафа бутылку «Выборовой» (там стояло еще пять), поставил на стол, взял из мини-бара два стакана и крикнул:

— Сюзанна, дай нам стакан.

Сюзанна приоткрыла дверь, протянула руку со стаканом. Даниэль взял его, разлил водку и произнес:

— Сэм, я очень рад, что ты у меня в гостях. Гия, давай выпьем за Сэма. Сэм — очень хороший парень и очень хороший режиссер.

— Знаю, он снял «Соломенные псы». Выпили.

— Сэм, а теперь давай выпьем за Гию. Гия тоже хороший парень и тоже хороший режиссер.

Выпили.

— Сюзанна, — крикнул Даниэль по-польски. — Сэм предлагает Гие вместе снять кино про американцев и русских. Я буду играть русского. Сюзанна, ты меня слышишь?

— Слышу, ты не пей больше.

— Гия, мне она не верит. Скажи ты!

— Даниэль, я этот фильм снимать не буду! — сказал я громко. — Я вообще кино больше не буду снимать. Я полечу в Грузию, и там, в горах, буду ловить форель. И никто не скажет, что эту форель поймал не я…

— Что он говорит? — спросил Сэм.

— Сюзанна, как форель по-английски?

— Траут, — ответила из ванной Сюзанна. Даниэль перевел.

— Даниэль, спроси у Джии, он хочет, чтобы была атомная война?

— Я не хочу!.. — ответил я по-английски.

— Я тоже не хочу, — сказал Сэм. — Давай вместе снимем фильм, а развлекаться будем потом…

Даниэль перевел и добавил:

— Гия, послушай, он дело говорит.

— Я понял, — сказал я. — Это все суета сует, Даниэль. У меня другое предложение. Ты, Сэм, Сюзанна и я сегодня же летим в Грузию и там ловим форель. Тишина, воздух, орлы парят. Согласен?

— Согласен. А визы, а самолет? — спросил Даниэль.

— Попрошу посла, он не откажет, — сказал я.

— Что он говорит? — спросил Сэм. Даниэль перевел.

— Это реально?

— Гия у себя очень популярен, — сказал Даниэль.

— И все-таки, Джия, сначала снимем фильм, а потом будем ловить рыбу, охотиться, путешествовать…

Даниэль разлил водку по стаканам и сказал:

— Гия, давай выпьем за Сэма.

Когда Даниэль в пятый раз выпил за Сэма, а Сэм в пятый раз предложил вместе снять кино, а я в пятый раз сказал, что надо лететь ловить форель, Сэм вдруг сказал:

— Джия, ты меня убедил! Даниэль, пошли к русскому послу просить самолет!

— Мистер Пекинпа, у Даниэля после обеда пресс-конференция, — крикнула Сюзанна из ванной. — Вы с Гией улетайте сейчас, а мы с Даниэлем завтра прилетим! Самолет нам польский посол даст.

Когда спускались в лифте, я спросил лифтера Горана:

— Советское посольство на какой улице?

— Георгий, зачем тебе в посольство? Там все спят. И ты иди, ложись. Ты же спать хотел!

И до меня дошло: «Глубокая ночь, сейчас притащу в посольство пьяного американца и скажу, чтобы дали самолет… В лучшем случае в Кащенко отправят. Надо давать задний ход».

Лифт остановился. Вышли в холл.

— Сэм, подожди, я вспомнил! Нашего посла нет в Белграде, он на Кубе. Завтра прилетает. Завтра к нему пойдем.

— Джия, знаешь, что я скажу? Ваш посол нам не нужен! Мы к нашему пойдем! Бой, — обратился он к портье. — Соедини меня с американским посольством.

— Сейчас, — сказал портье и начал листать толстую телефонную книгу.

Сэм устало опустился в кожаное кресло. Я сел в кресло рядом.

— Если даже русские послы дают своим режиссерам самолеты, то американские тем более должны! — Сэм закинул голову и закрыл глаза. — Я не менее популярен, чем Джия!

Я тоже закрыл глаза. Поплыли какие-то круги, и я понял, насколько пьян.

— Мистер, здесь посольство на проводе! Мистер!.. — звал портье.

Я посмотрел на Сэма. Он спал.

— Он заснул, повесь трубку, — сказал я. — Надо его в номер

отвести.

— А он из какого номера?

— Я не знаю, это ты должен знать.

— Как его фамилия?

— Сэм Пекинпа. Всемирно известный режиссер.

— Здесь все всемирно известные. Сейчас посмотри, _ Портье стал листать книгу регистрации гостей.

Тут в гостиницу ввалилась компания подвыпивших шумных американцев:

— Смотрите, Сэм! Сэм Пекинпа! — восторженно загалдели они.

— Хэлло, Сэм! Как жизнь? Сэм встал и закричал:

— Хеллоу бойз!

Американцы окружили его, начали фотографироваться с ним. А я воспользовался суматохой и слинял.

Утром проснулся. Настроение паршивое. Вспомнил все, что было вчера. Харри, Сэм… Надо улетать!.. Позвонил в представительство «Аэрофлота» в Белграде, узнать, можно ли поменять билет на сегодня.

— Можно, — сказали там, — только поторопитесь. Зашел в номер к Баскакову, сообщил, что улетаю.

— Зачем? Говорят, пока мы кино смотрим, перед тобой звезды на колени падают. Такой успех!

— Эх, не напоминайте, — я рассказал о позорной путанице.

— Поэтому улетаешь?

— Если честно, то — да.

— Напрасно!

— Я уже решил.

— Ладно. Больше никому не говори про то, что она не твой фильм смотрела. И я никому не скажу. Пусть думают, что Харри Андерссон — твоя яростная поклонница.

Собрал вещи, спустился вниз, купил букет цветов, попросил портье доставить цветы с моей визиткой Харри Андерссон в номер. Спросил про Сэма.

— Он здесь. Американцы сняли ему апартаменты.

На такси отправился в представительство Аэрофлота, поменял билет, на том же такси приехал в аэропорт. Прошел регистрацию, сдал вещи, пошел в кафе. Сижу, курю, пью кофе, думаю: «Как индюк хвост распустил и фальшиво блеял на радость публике. Жалкий хвастун!» Тут слышу, среди прочих объявлений на югославском, английском, французском, объявляют по-русски:

— Пассажир Данелия, вас просят подойти к стойке номер пять Аэрофлота, повторяю…

Я подошел к стойке номер пять, там стояла беленькая,

голубоглазая девушка в униформе Аэрофлота.

— Я Данелия, меня вызывали.

— Вам телефонограмма, — девушка взяла со стойки листок бумаги и передала мне. Там было написано: «Содруг Данелия, не горюй! Только что выяснилось — Харри Андерссон смотрела твой фильм «Не горюй!». Владимир Баскаков».

Эх, зря я попросил Гордану Иванович не печатать заметку!

Когда Баскаков вернулся в Москву, он рассказал, что в тот день, когда я улетел, во время обеда к их столику подошел Владко Милович и сказал, что ему нужен содруг Данелия. Ему ответили, что содруг Данелия срочно улетел в Москву.

— Передайте ему, чтобы он не расстраивался. Харри Андерссон смотрела его фильм.

— А как вы это выяснили? — спросил Баскаков.

Владко рассказал. Когда я ушел, Харри спросила его:

— Джордж сказал, что и у него в фильме снимался Серго Закариадзе. Что это за фильм, ты видел?

— Нет.

— Хорошо бы выяснить.

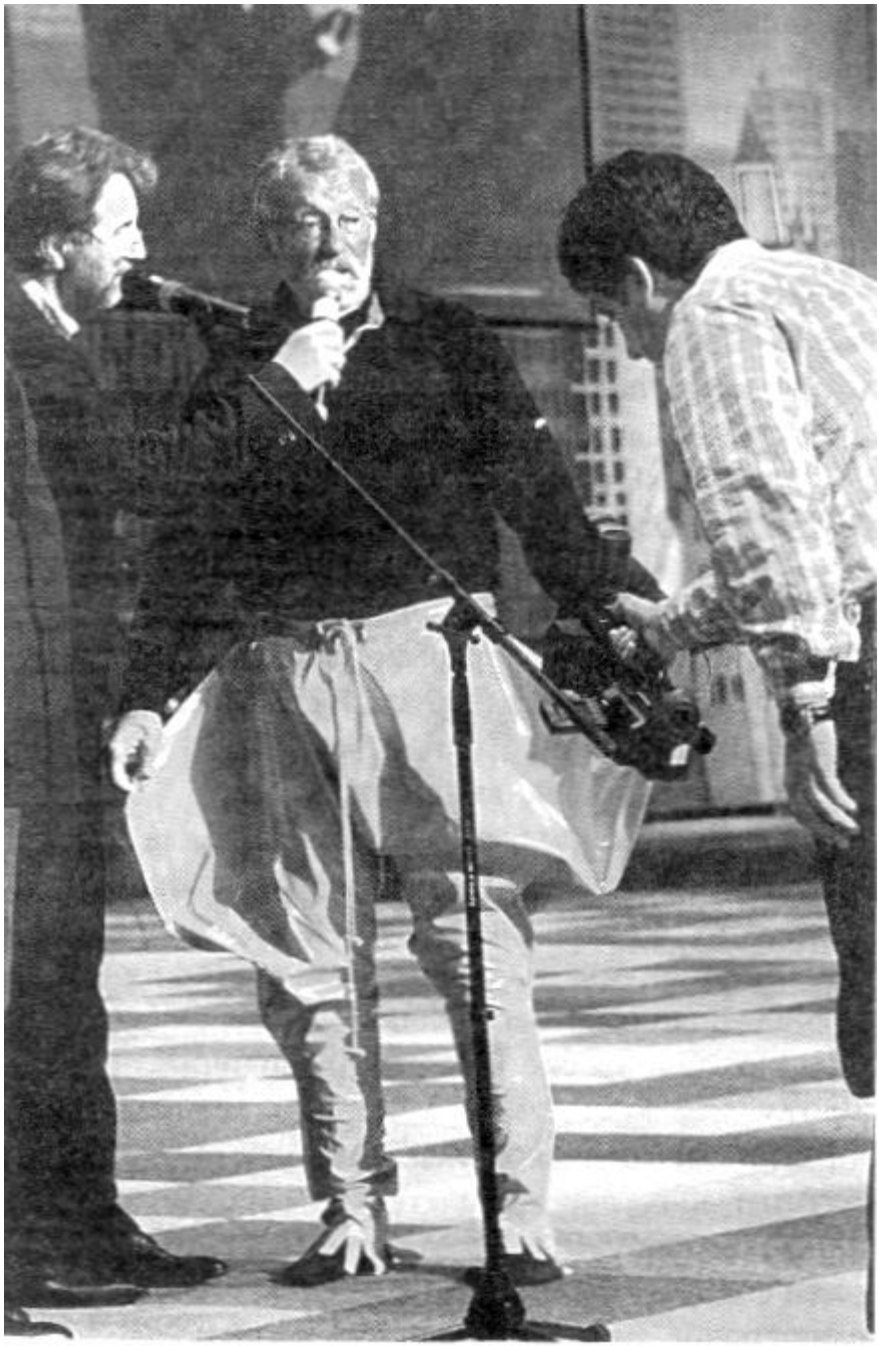
И Владко выяснил. Болгарский кинокритик Борис Дмитров объяснил ему: если в фильме, который Харри смотрела, погибает сын старика — это «Отец солдата», а если умирает сам старик — это «Не горюй!».

Харри смотрела фильм, где умирает сам старик.

Баскаков посетовал:

— Жаль, что Данелия это не слышит, он такой мрачный улетел.

Тогда корреспондент газеты «Правда» в Югославии Тимур Гайдар (в этот день он обедал с нашими) сказал, что это можно исправить. Он связался с представительством Аэрофлота в Белграде. Аэрофлот связался со своими в аэропорту. А те вызвали меня к стойке номер пять.



Юрий Рост в малиновых штанах (мой подарок). В фильме «Кин-дза-дза!» на планете Плюк перед обладателем малиновых штанов все должны делать три раза «Ку!»

Между прочим. Дал себе слово не хвастаться — не удержался.

Простите!

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

А этот фрагмент не вошел в книгу «Тостуемый пьет до дна», потому что не все, о чем в нем рассказано, я считал достоверным. А сейчас, когда я стал старше и много смотрю телевизор, понимаю, что это не имеет никакого значения.

В 1976 году американцы отобрали «Афоню» для показа на кинофоруме в Лос-Анджелесе, и я должен был полететь туда на три дня. Перед вылетом меня вызвал директор «Мосфильма» Николай Трофимович Сизов и сказал, что фильм Акиры Куросавы «Дерсу Узала» номинирован на «Оскар» за лучший иностранный фильм.

— Пяти номинантам вручают по доске, на которой нарисован голый лысый мужик, — объяснил он и поручил мне эту доску привезти.

В Америку я полетел вместе с кинокритиком Ростиславом Николаевичем Юреневым. В аэропорту Лос-Анджелеса нас встретил сотрудник советского консульства Александр Евгеньевич Сидоров (фамилия и имя условные). Он специально приехал на своей машине из Сан-Франциско (консульство находится там), чтобы встретить нас. По дороге Сидоров сообщил, что жить мы будем в разных гостиницах. Я — в отеле для номинантов на «Оскар», а Юренев в гостинице, которую забронировали организаторы форума, пригласившие фильм «Афоня». Завтра днем будет вручение номинации, а вечером просмотр «Афони» в большом кинотеатре. Сначала приехали в мою гостиницу. Все втроем поднялись в номер. Сидоров взял толстое меню в кожаном переплете (для меня как номинанта в этом отеле все было бесплатно) и заказал по телефону ужин на троих. Сказал, что пока принесут, они с Юреневым съездят в его гостиницу, оформятся и вернутся, и они уехали. А я решил позвонить в Москву. Телефон был кнопочный (в Москве таких еще не было), и я методом «тыка» вышел в город, дозвонился маме и сообщил, что долетел благополучно. Разложил вещи, принял душ. Включил телевизор. Там на экране какой-то афроамериканец в красной кепке и в темных зеркальных очках вылавливал на улицах белых прохожих и нещадно лупил их бейсбольной битой.

Официант в белом кителе с золотыми пуговицами привез на тележке ужин. Накрыл стол на три персоны — постелил скатерть, приборы тарелки, бокалы и выжидающе посмотрел на меня. Я человек опытный достал из кармана пальто «мерзавчик» (маленькая бутылочка водки, 125 граммов) и вручил ему. Официант ушел довольный. Чтобы сэкономить валюту, я покупал

в Москве «мерзавчики» и раздавал их вместо чаевых. В этой гостинице я уже вручил такие «мерзавчики» портье и лифтеру. Открыл крышки, там были лангусты и еще что-то красивое и аппетитное. Есть не стал, жду.

Афроамериканец в телевизоре теперь лупил китайцев. Переключил программу. Какой-то человек с бородкой, как я понял — бывший наш, на чем свет стоит поносил американского президента Джимми Картера за то, что он вместо того, чтобы плюнуть в рожу Леониду Брежневу, этому тирану, который всех приличных людей посадил в психушку, обнимает его и целуется взасос. Потом заговорил о свободе слова и правах человека в Советах. «Наш бывший» говорил по-английски очень плохо, и поэтому я понимал его очень хорошо. Во многом я с ним был согласен, но слушать его не хотелось… Переключил программу.

Прошло больше двух часов. Начал волноваться, куда они делись? Что-то случилось, иначе они обязательно мне позвонили бы. Название гостиницы, куда Сидоров повез Юренева, я не знал. Был у меня телефон консульства в Сан-Франциско, его на всякий случай мне дали в Госкино, но звонить туда было поздно — ночь. Лег, заснуть не смог. Еле дождался утра.

В девять позвонил в консульство, объяснил, кто я зачем приехал, и сказал, что со вчерашнего вечера жду Сидорова и Юренева, они обещали прийти, но исчезли. И я волнуюсь, не случилось ли чего? Мне сказали, что таких сведений к ним не поступало. Тогда я спросил, в каком отеле товарищ Сидоров остановился и как ему позвонить? Мне ответили, что такую информацию по телефону они не дают.

— Извините, еще один вопрос. Где будет просмотр фильма «Афоня» в Лос-Анджелесе?

— Я слышала, что такой показ будет, но где, не знаю. Этим просмотром занимается Александр Евгеньевич, — и девушка повесила трубку.

…Пошел искать штаб «Оскара». Возможно, там знают, как связаться с форумом, который пригласил фильм «Афоня». Спустился в вестибюль — тишина, ни суеты, ни людей с табличками, как это обычно бывает на фестивалях. Подошел к портье, спросил, где найти представителя «Оскара». Он куда-то позвонил и сказал, что там сейчас никого нет, а когда они появятся, он меня соединит.

Вернулся в номер. Еду увезли, а на столе лежала свежая газета. На первой полосе портрет, под ним большим шрифтом написано: «Soviet consul in San Francisko Russian James Bond» (советский консул в Сан-Франциско — русский Джеймс Бонд). «Зачем мне эту газету на стол положили портретом вверх?

Случайно? Вряд ли!»

Я снова позвонил в консульство в Сан-Франциско. Ответил тот же женский голос.

— Извините, это опять режиссер Данелия вас беспокоит. Вот здесь мне газету принесли, в ней статья о нашем консуле. Здесь написано…

— Я читала эту статью, — перебила меня девушка. — У вас какой вопрос?

— Я хотел бы знать, отсутствие товарища Сидорова каким-то образом связано с этой статьей?

— Товарищ, я же вам сказала, что не знаю, где в данный момент находится товарищ Сидоров, — и она повесила трубку.

Что делать? Надо выяснить, где «Афоню» будут показывать. Организаторы должны знать, где остановился Юренев. Позвонил Яше Бронштейну, бывшему моему ученику. Подошла его жена. Сказала, что Яши нет, где показывают «Афоню», она не знает, и дала мне телефон Марика Розалова, режиссера с ЦСДФ:

— Этот зануда всегда в курсе всего.

Позвонил. Марик был дома. В каком кинотеатре будет показ «Афони», он знал. А кто устраивает просмотр, нет. Я попросил его выяснить, кто устроители просмотра и как с ними связаться. Марик обещал узнать и спросил:

— Георгий Николаевич, можно я к вам подъеду напять минут?

— Можно, — и я назвал гостиницу и номер. Через сорок минут Марик был у меня, в длинных нелепых шортах, в цветастой гавайской рубашке. Он достал из кармана шариковую ручку.

— Это вам, сувенир, — на ручке красавица в купальнике то раздевалась, то одевалась.

Марик сказал, что, он выяснил, кто устроители, и дал мне номер телефона.

— Давай позвоним, надо выяснить, в какой гостинице остановился Юренев и что с ним?

Марик набрал номер, никто не ответил.

— А как еще можно выяснить, где Юренев? — спросил я. — Давай позвоним в полицию, может, он в аварию попал?

— Давайте.

Марик набрал номер экстренной службы и спросил, нет ли у них сведений о Ростиславе Юреневе?

— И Александре Сидорове, — подсказал я.

— И Александре Сидорове, — сказал Марик в трубку. — Спасибо. Жду. — Марик повернулся ко мне. — Сидоров какой? Александр Евгеньевич, из консульства?

— Да.

— Вы это читали? — Марик показал на газету с портретом на столе. В трубку. — Спасибо. Я понял, — сказал Марик и повесил трубку: — Незачем было в полицию звонить, Георгий Николаевич! Консула наверняка уже выслали! А заодно с ним и вашего Сидорова!

— А Юренева?

— А Юренева, скорей всего, арестовали, у него ведь нет дипломатической неприкосновенности.

— А при чем здесь Юренев?

— Как при чем? Вы думаете, они не догадываются, почему так часто за границу посылают?

— Ростислав Николаевич наш ведущий кинокритик. Меня тоже часто посылают…

— А вот вам, Георгий Николаевич, я бы посоветовал сегодня же улететь в Москву.

— Сегодня вечером я должен быть на просмотре «Афони».

— Не мое дело, конечно. Но я бы на вашем месте, Георгий Николаевич, не светился. Зачем рисковать? Вы не думайте, что тут райские кущи. Они тоже сажают, и весьма успешно. Налог вовремя не заплатил, пять лет в тюрьме с тобой будут афроамериканцы тесно дружить. Тут это норма. Я сына боюсь в школу отпускать, здесь и учителя почти все педики!

— А вы не преувеличиваете?

— Нет, к сожалению, все именно так. У меня к вам просьба, Георгий Николаевич.

— Я вас слушаю.

— Не здесь. — И Марик жестом позвал меня. Мы зашли в ванную, он закрыл дверь и пустил на полную мощь воду. — Микрофоны, — тихо объяснил он.

И поведал, что они с женой хотят вернуться в Союз. У него работы нет, жена — кандидат наук, работает нянечкой в больнице, горшки выносит. Они подали в наше посольство заявление. И он просит, чтобы я поговорил с Ермашом (министр кинематографии) если будет запрос из посольства, чтобы ему дали положительную характеристику.

— Только, Георгий Николаевич, очень прошу, никому из наших об этом ни слова, донесут, и жену с работы выгонят.

— Не скажу, — пообещал я.

Вернулись в комнату. Марик еще раз набрал устроителей — ответа не было.

— Ну ладно, Георгий Николаевич, я пойду, мне ребенка надо из школы забрать, — сказал Марик. — Если что — звоните. Дядя моей жены адвокат, по-русски говорит. — И Марик ушел.

Что делать? В Москву звонить? Разница с Москвой

одиннадцать часов, там сейчас уже вечер. Позвонил Сизову домой, рассказал о статье в газете и о том, что Сидоров и Юренев исчезли.

— Может, они в аварию попали, ты в полицию звонил?

— Звонил, нет никаких сведений.

— В наше консульство в Сан-Франциско обратись. Телефон у тебя есть?

— Звонил я туда! Бесполезно! Николай Трофимыч, мне тут знающие люди говорят, что консула и Сидорова выслали, а Юренева, скорее всего, арестовали.

— Кто эти знающие люди?

— Наши, бывшие. Говорят, арестуют и меня…

— Нашел, кого слушать! Ты доску получил?

— Нет.

— Доску надо обязательно получить. И не паникуй. Разберемся. — И Сизов повесил трубку.

Походил по комнате, посмотрел в окно. Там Америка, жевательная резинка, где-то доски с голыми мужиками выдают… «Эх, надо было у Марика про номинацию спросить, хотя хрен с ней, с доской, сами меня найдут». Сел в кресло, стал читать статью, поискал. Сидорова в статье не упоминали. Взял карманный словарь и начал переводить, что-то было про железный занавес, узников совести, психушки. На «отсутствии в Советах свободы слова» я заснул. И приснилось мне, что я бегу с доской, на которой нарисован голый лысый мужик, а за мной, как за Евгением в «Медном Всаднике», «с тяжелым топотом» гонится тот самый голый мужик — бронзовый «Оскар», только в темных зеркальных очках и с колуном. Я упал. Он выхватил у меня доску со своим изображением, поставил ее и начал остервенело рубить.

Проснулся от грохота. Стучали в дверь. Открыл. Там стоял Сидоров.

— Фу! Наконец-то! А где Ростислав Николаевич?!

— На вручении номинации. — Сидоров вошел в номер, огляделся. — Георгий Николаевич, вы почему к телефону не подходите?!

— Никто не звонил! Ни вчера, ни сегодня! Я уже черт-те что думал!

— Об этом я, кажется, догадываюсь. Мы звонили, и не раз! Там банкет был, хотели вас позвать. Трубку не берете — решили, выпили рюмочку, другую, третью и заснули.

— Я не пил, даже не ел! Вас ждал!

— Вы телефонным аппаратом пользовались?

— Пользовался.

— Эту кнопку нажимали?

— Я все нажимал.

— Георгий Николаевич, вы звонок отключили. Я вас прошу, больше эту кнопку не трогайте. И еще, почему вы решили, что вас хотят арестовать? Какие на то основания?

Я рассказал о статье и о разговоре со знающим человеком.

— И все?!

— Все.

Он сказал, что такие статьи по три раза в месяц печатают.

— В Москву вы кому звонили, Георгий Николаевич? — тихо спросил он.

— Сизову, директору «Мосфильма».

— Энергичный, видно, товарищ. Всех на уши поставил. — Он подошел к телефону, набрал номер и доложил:

— Звоню из номера Данелии, он чувствует себя хорошо, всем передает привет. — И Сидоров положил трубку. Тут же зазвонил телефон. Портье сообщил, что ко мне пришли гости. Через какое-то время в номер вошли Ростислав Николаевич Юренев и классик американского кино, кинорежиссер Рубен Мамулян. Юренев держал в руках ту самую доску с голым лысым мужиком, которую мне поручили привезти. А Рубен вручил мне билеты на церемонию «Оскара» и приглашение на прием. «Оскар» получил, на приеме был.

Между прочим. Ручку с американской красавицей, которую мне подарил Марик, я уступил инспектору ГАИ в Москве, когда пересек сплошную линию.

Волна, которую после моего звонка поднял Сизов, не прошла бесследно. Механизм сработал, и через какое-то время наши выдворили двух сотрудников американского консульства в Ленинграде. В ответ американцы выдворили консула в Сан-Франциско, а вдобавок и его помощника Сидорова! В ответ наши выдворили американского консула, советника посла и значительно увеличили поставку оружия в африканские страны. В ответ американцы послали авианосец в Босфор, удвоили количество военных баз в Исландии, Норвегии и Дании и не впустили на гастроли в Америку советскую прима-балерину. В ответ наши посадили двух диссидентов, привели в готовность стратегические ракеты и намекнули: «Нажмем на кнопочку!» Страшно подумать, чем это могло кончиться, если бы не случилась срочная встреча в верхах. Генеральный секретарь Леонид Брежнев и американский президент Джимми Картер встретились в Вене, подписали договор ОСВ-2[5] и о чем-то побеседовали, после чего началось заметное потепление.

Американцы разрешили вернуться в Сан-Франциско консулу и Сидорову и выдали въездную визу прима-балерине. Наши разрешили вернуться всем, кого выслали, и выпустили на волю диссидентов (временно). Долго гадали журналисты, о чем же беседовали на той встрече генеральный секретарь и американский президент. Как и в чем пришли они к консенсусу? Много было предположений, но точно никто не знал и не знает до сих пор. А я знаю. Один хорошо информированный источник, который по должности был допущен к стенограмме этого разговора, пересказал ее мне. Он был мой должник, в свое время в Ростове я вызволил его из вытрезвителя, но взял с меня слово, что я обнародую этот текст не раньше чем через двадцать пять лет. Прошло тридцать восемь. Читайте.

ФРАГМЕНТ БЕСЕДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА С ПРЕЗИДЕНТОМ США ДЖИММИ КАРТЕРОМ *(Запись по памяти)*

БРЕЖНЕВ *(по-свойски):* Да ладно тебе, Джимми! Я здесь ни при чем! Всю эту кашу заварил режиссер Данелия, это он тогда кнопки на телефоне перепутал.

КАРТЕР *(сухо):* Вам хорошо бесплатно кнопки нажимать, а у меня военный бюджет трещит! 2 миллиарда 787 миллионов псу под хвост! Что я Сенату скажу?!

БРЕЖНЕВ: Извини, Джимми, но деньги я тебе не верну, это не в наших традициях. Если хочешь, мы применим к этому Данелия санкции.

КАРТЕР: Какие?

БРЕЖНЕВ *(решительно):* Из очереди на машину вычеркнем на (непечатное слово)!

КАРТЕР *(подумав):* Нет. Это слишком жестко! В очереди на машину вы его оставьте. Пусть ездит! Господь ему судья! Но только обещай, что больше этого артиста за «Оскарами» вы не пришлете.

БРЕЖНЕВ: Обещаю.

КАРТЕР: Побожись!

БРЕЖНЕВ *(твердо):* (Не печатное слово) буду!

КАРТЕР: Кем будешь? Извини, не понял?

БРЕЖНЕВ *(тяжело вздохнув):* Ладно, Джим, слово коммуниста!

Картер поверил, и они ударили по рукам.

За подлинность этого текста я не отвечаю, сам его не читал.

Одно могу сказать точно: из очереди на машину «Волга» меня не вычеркнули и за досками в Америку больше не посылали.

«КУ! КИН-ДЗА-ДЗА»

Под желтым, с двумя солнцами небом ослепительно сверкает белый песок. По бесконечной белой пустыне идет существо в коротких штанишках на лямках — Фитюлька. Вместо носа — хоботок. Уши — большие, прозрачные, глаза — круглые, золотистые. За спиной — свернутый гамак. Увидев что-то, зачерпнул песок ладошкой. Рассмотрел, подул… на ладошке остался камушек. Фитюлька выбросил камушек, пошел дальше. Снова зачерпнул песок и подул — ракушка. Спрятал ракушку в карман штанишек. Подумал. Посмотрел на одно солнце, на другое.

Снял гамак, аккуратно расстелил его на песке. Лег на спину, положил руки за голову, закинул ногу на ногу. И запел тоненьким голосом: «Мама, мама, что я буду делать? Мама, мама, как я буду жить?»

Так начинался сценарий фильма «Кин-дза-дза!», который мы с Резо Габриадзе написали в 1982 году. В художественном фильме «Кин-дза-дза!» Фитюльки нет. А в анимационном фильме «Ку! Кин-дза-дза» Фитюлька есть.

«Ку! Кин-дза-дза» — мой последний фильм. О том, как с 2005 по 2012-й мы создавали этот фильм, сколько и что нарисовали, какие замечательные люди со мной работали и мне помогали, я расскажу в четвертой книге.

Между прочим. Думаю, что фильм «Ку! Кин-дза-дза» — это лучшее, что я снял за последние двадцать пять лет.

МУСОРНЫЙ ЯЩИК ПАМЯТИ

Меня иногда спрашивают:

— Неужели в жизни вы не встречали сволочей? Почему о них не пишете в своих книгах?

— Встречал сволочей и предателей. И немало. Но все они крепко-накрепко заперты в мусорном ящике моей памяти. И вход им в мои воспоминания строго запрещен.

Между прочим. Хотелось бы, когда я окажусь Там, чтобы кто-нибудь, прочитав эти книги, сказал:

— Кот ушел, а улыбка осталась.

Облачко.
Рисунок Коли Данелия. 1979 год

notes

Примечания

1

В иудаизме обряд при достижении совершеннолетия.

2

Очень хорошо *(польск.)*.

3

Подарок.

4

5